

ISSN 2524-0285

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Б
Гуманитарные
науки

1/2022

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.
Серия Б: Гуманитарные науки»**

Ответственный редактор – д-р филос. наук, доц. **Е.В. Андриенко**.

Заместитель ответственного редактора – д-р пед. наук, доц. **Д.А. Чернышев**.

Ответственный секретарь – канд. ист. наук, доц. **В.В. Разумный**.

Члены редколлегии: д-р ист. наук, доц. **В.Л. Агапов**, д-р филос. наук, проф. **Т.А. Андреева**, д-р ист. наук, проф. **А.В. Бредихин**, д-р пед. наук, проф. **А.И. Дзундза**, д-р филос. наук, проф. **Н.Н. Емельянова**, д-р пед. наук, проф. **Е.Г. Евсеева**, д-р ист. наук, проф. **Г.П. Ерхов**, д-р филос. наук, проф. **Е.А. Капичина** (Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского), д-р ист. наук, проф. **А.В. Кияшко** (Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р ист. наук, доц. **А.В. Колесник**, д-р пед. наук, проф. **М.Г. Коляда**, д-р ист. наук, проф. **Е.Ф. Кринко** (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р филос. наук, проф. **Д.Е. Муза**, д-р ист. наук, проф. **Г.Р. Наумова** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация), д-р пед. наук, проф. **П.В. Плотников**, д-р пед. наук, проф. **Е.И. Скафа**, д-р пед. наук, проф. **О.Ф. Турыанская** (Луганский национальный университет им. Т. Шевченко), д-р ист. наук, доц. **Л.Г. Шепко**.

**Editorial Board of the journal “Bulletin of Donetsk National University.
Series B: Humanities”**

Editor-in-Chief – Doctor of Philosophy, Docent **Ye.V. Andrienko**.

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Pedagogy, Docent **D.A. Chernyshev**.

Executive Secretary – Candidate of History, Docent **V.V. Razumnyi**.

Members of the Editorial Board: Doctor of History, Docent **V.L. Agapov**, Doctor of Philosophy, Prof. **T.A. Andreeva**, Doctor of History **A.V. Bredikhin**, Doctor of Pedagogy, Prof. **A.I. Dzundza**, Doctor of Philosophy, Prof. **N.N. Yemelianova**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.G. Yevseeva**, Doctor of History, Prof. **G.P. Yerkhov**, Doctor of Philosophy, Prof. **E.A. Kapichina** (Lugansk State Academy of Culture and Arts), Doctor of History, Prof. **A.V. Kiyashko** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of History, Docent **A.V. Kolesnick**, Doctor of Pedagogy, Prof. **M.G. Kolyada**, Doctor of History, Prof. **Ye.F. Krinko** (Institute for Socio-Economic and Humanities Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philosophy, Prof. **D.Ye. Muza**, Doctor of History, Prof. **G.R. Naumova** (Moscow State University M.V. Lomonosov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Prof. **P.V. Plotnikov**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.I. Skafa**, Doctor of Pedagogy, Prof. **O.F. Turyanskaya** (Lugansk National University), Doctor of History, Docent **L.G. Shepko**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк, ДНР.

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: elena_andrienko8@mail.ru, razumnyi.vitalii@yandex.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikB>

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (приказ МОН ДНР № 1134 от 01.11.2016 г. с изменениями № 122 от 13.02.2018 г.) по следующим группам научных специальностей: 07.00.00 – Исторические науки и археология; 09.00.00 – Философские науки; 13.00.00 – Педагогические науки.

*Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Протокол № 5 от 31.05.2022 г.*

**Вестник
Донецкого
национального
университета**
Серия Б. Гуманитарные науки

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

№ 1/2022

СОДЕРЖАНИЕ

История

- Бредихин А.В., Приходько Д.С.* Возникновение и деятельность ветеранских организаций в США в 1918 – 1939 гг. 5
- Ешпанов В.С.* Методы трудовой деятельности железнодорожников СССР в годы Великой Отечественной войны (из опыта Южно-Уральской железной дороги в 1941 – 1942 гг.) 11
- Крысенко Д.С.* Гражданская война в Донбассе: борьба за Луганск в апреле – мае 2014 г. 17
- Павлова А.В.* Государственная политика СССР по обеспечению безопасности горных работ и горноспасательного дела на Донбассе в 1922 – 1927 гг. 23
- Посредников Д.В.* Православие на Украине в 2018 – 2021 гг.: дискриминационные законы и притеснения 34
- Разумная Н.Н.* Донбасс накануне Гражданской войны в 1917 году 41
- Харьковский Р.Г.* Египет в колониальной политике Великобритании: от Лондонских конвенций до образования Антанты (1841 – 1904 гг.) 48

Философия

- Даренская В.Н.* Дом как модель социальности в традиционной культуре 56
- Левченков Д.А.* Символика М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского в свете эстетического анализа искусства 63
- Миргородский А.А.* Тема любви в литературе эпохи Возрождения как выражение философии человеческой личности 72
- Молодцов А.Б.* Поэтика сказки в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» 79
- Сухина И.Г.* Культурологическая экспликация герменевтики в перспективе герменевтической версии философии культуры 87

Педагогика

<i>Дзундза А.И., Цанов В.А.</i> Лекция как важнейшая организационная форма мировоззренческого обучения математическим дисциплинам будущих учителей математики	99
<i>Карпов В.В.</i> Организация самостоятельной работы студентов направления 20.03.01 Техносферная безопасность	106
<i>Кудрейко И.А.</i> Принципы формирования профессионально значимых качеств будущих филологов при обучении (ино)славянским языкам в аспекте межкультурного подхода	113
<i>Сирота Т.А.</i> Организационно-педагогические условия эффективности развития общепрофессионального умения работать с информацией в иноязычном обучении будущих журналистов	120
Правила для авторов	127

Bulletin of Donetsk National University

Series B. Humanities

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

No 1/2022

CONTENTS

History

<i>Bredikhin A.V., Prikhodko D.S.</i> Origin and activities of veteran organization in the USA in 1918–1939	5
<i>Yeshpanov V.S.</i> Work methods railroad workers of the USSR during the Great Patriotic War (from the experience of the South Ural railway 1941–1942)	11
<i>Krysenko D.S.</i> Civil war in Donbass: fight for Lugansk in april–may 2014	17
<i>Pavlova A.V.</i> State policy of the USSR to ensure the safety of mining and mine rescue in the Donbass in 1922–1927	23
<i>Posrednikov D.V.</i> Orthodoxy in Ukraine in 2019–2021: discrimination laws and harassment	34
<i>Razumnaya N.N.</i> Donbass on the eve of the Civil war in 1917	41
<i>Kharkovskiy R.G.</i> Egypt in the colonial policy of great Britain from the London conventions to the formation of the Entente in (1841–1904)	48

Philosophy

<i>Darenskaya V.N.</i> The house as a model of sociality in traditional culture	56
<i>Levchenkov D.A.</i> Symbology of M. K. Mamardashvili and A. M. Pyatigorsky in the light of aesthetic analysis of art	63
<i>Mirgorodskiy A.A.</i> The theme of love in renaissance literature as an expression of the philosophy of human personality	72
<i>Molodtsov A.B.</i> Poetics of a fairy tale in B. Pasternak's novel "Doctor Zhivago"	79
<i>Sukhina I.G.</i> Cultural explication of hermeneutics in perspective of hermeneutic version of philosophy of culture	87

Pedagogy

<i>Dzundza A.I., Tsapov V.A.</i> Lecture as the most important organizational form of world outlooking mathematical disciplines for future teachers of mathematics	99
<i>Karpov V.V.</i> Organization of independent work of students of the direction 20.03.01 Technosphere safety	106
<i>Kudreiko I.A.</i> Principles of development of professionally relevant qualities in future philologists during training (foreign) slavic languages in the aspect of an intercultural approach	113
<i>Sirota T.A.</i> Organizational and pedagogical conditions for the efficiency of the development of the general professional ability to work with information in foreign language training of future journalists	120
Guidelines for authors	127

ИСТОРИЯ

УДК 94(7)"1918/1939"

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕТЕРАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В США В 1918–1939 гг.

© 2022. *А.В. Бредихин, Д.С. Приходько*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматриваются особенности возникновения и деятельности ветеранских организаций в США в 1918–1939 гг. Важным является процесс эволюции развития ветеранских организаций США. На примере «Американского легиона» в статье рассматривается изменение взглядов, как ветеранов, так и общества на внутреннюю политику США.

Ключевые слова: Американский легион, США, ветеранские организации, Т. Рузвельт.

Анализируя деятельность ветеранских организаций, стоит отметить, что традиция объединения бывших участников боевых действий берет свое начало в середине XIX века. Однако золотым временем ветеранских организаций можно с уверенностью назвать конец 1910-х и 1920-е годы, когда практически во всех странах участницах Первой мировой войны начали формироваться объединения бывших участников боевых действий. Говоря о США, стоит отметить что, там вопрос о ветеранских организациях остро стоял уже после окончания Гражданской войны, когда Север и особенно Юг всеми силами пытались сохранить наследие и память о войне. Бывшие солдаты армии севера в середине 1860-х создали организацию под названием «Великая армия Республики», в то время как на юге было создано «Объединение ветеранов Конфедерации». Обе организации стали мощными политическими образованиями, при этом «Великая армия Республики» служила опорой Республиканской партии, которая контролировала пост президента со времени Гражданской войны, за исключением двух сроков полномочий Гровера Кливленда. В южной политике «Объединение ветеранов Конфедерации» сохранял еще более доминирующее положение в качестве оплота Демократической партии. Завершение короткого испано-американского конфликта 1898 г. положило начало другой организации солдат – «Американские ветераны дипломатической службы», сегодня известной как «Ветераны иностранных войн».

Первая мировая война кардинально поменяла вектор взгляда, как общества, так и правительства относительно наследия войны и ветеранов как ее неотъемлемой части. Гуманизм и пацифизм присущий послевоенному периоду положительно повлиял на судьбу ветеранов, если раньше, ветеран был либо просто конструктом созданным государством для придания войне романтического и героического образа, либо забытым, бедным человеком, потерявшим на войне не только физические, но и моральное здоровье, то в XX веке ветеран стал уважаемым и авторитетным человеком. Впервые именно в XX веке ветераны стали активно играть весомую политическую роль, весь межвоенный период в Англии, Франции и Германии ветераны всегда были втянуты в политические интриги, поддерживая ту или иную силу.

Для того чтобы в общих чертах описать, что из себя представляли ветеранские организации в США возьмем для примера «Американский легион». Он до сих пор остается одной из самых уважаемых и влиятельных организацией не только в Америке, но и во всем мире. Безусловно, судить обо всем ветеранском сообществе по одной организации неверно, однако именно «Американский легион» является ярким маркером того, что из себя представляли организации бывших участников боевых действий в период 1918–1939 годов.

Цель данной статьи заключается в установлении общих закономерностей развития ветеранских организации в США в 1918–1939 гг.

Задачи статьи состоят в следующем:

- 1) Рассмотреть особенности возникновения ветеранских организаций;
- 2) Провести анализ деятельности ветеранских организаций;

Историография по деятельности ветеранских организаций в США весьма обширна. Первые работы по теме были опубликованы уже в 1919 году (две работы Джорджа Сизэ Уита «The story of the American legion» и «The story of the American legion: the history and founding of the U.S. veterans organization in the aftermath of World war one»). Также можно отметить работы Маркиза Джеймса, Уильяма Пенкака и Уильям А. Донохью, которые в разное время исследовали ветеранские организации через призму своего поколения.

Источниками по данной теме выступает целый ряд документов, постановлений и законов регулирующих деятельность ветеранских организаций в США. Помимо этого значительная часть источников представляет собой публикации в американских СМИ, а также мемуары непосредственных участников событий.

В 1918 году американские войска во Франции довольно медленно возвращались домой, что негативно сказывалось на их боевом духе, это беспокоило многих офицеров ведь вся эта ситуация могла повторить опыт России, Венгрии, Германии и Финляндии, где низкий боевой дух разрушительно влиял на армию, что могло привести к революции. Одним из офицеров беспокоящимся об этом был старший сын 26-го президента США – Теодор Рузвельт-младший, который еще в 1914 году делал первые шаги по созданию ветеранской организации. В январе 1919 года Рузвельт-младший прибыв в штаб, завел разговор с офицером Национальной гвардии Джорджам Уайтом, Теодор высказал идею создания ветеранской организации, членом в которой мог стать не только офицерский, а и рядовой состав, а также те солдаты и моряки армии США, которые не принимали участия в боях в Европе. Эта идея дошла и до генерала Джона Дж. Першинга, который приказал 20 офицерам встретиться с Рузвельтом для консультации [7].

15 февраля 1919 года состоялось встреча Рузвельта с офицерами, на которой были разработаны несколько предложений по поднятию боевого духа среди американской армии, среди прочего предполагалось проведение спортивных и культурных мероприятий, а также увеличения времени отпуска солдат. В этот же день был создан временный исполнительный комитет из 4 человек: Теодор Рузвельт-младший, который по необходимости отправился в Америку и должен был начать находить сторонников идеи ветеранской организации в США; Джордж Уайт, который должен был путешествовать по Франции, посещая лагеря американских военных и лично объясняя идею создания организации; Секретарем группы был Эрик Фишер Вуд, вместе с бывшим конгрессменом из Огайо Ральфом Д. Коулом, Вуд должен был создать центральный офис и поддерживать связь по почте и телеграфом с различными боевыми подразделениями и штабами, а также освещать деятельность в прессе.

Было принято решение, согласно которому для создания новой ветеранской организации необходимо провести конгресс в Париже, где могли бы принять участия все солдаты и офицеры американской армии во Франции. Конгресс был назначен на 15 марта 1919 года, а место проведения стал цирк де Пари, который мог вместить до 2 000 человек. Поскольку «временный председатель» Рузвельт-младший уже отбыл в Америку, заседание было организовано Вудом, который кратко рассказал об идее создания нового единого ветеранского сообщества. В своем программном вступительном слове Вуд рекомендовал делегатам Парижского собрания сделать три вещи [8]: во-первых, создать аппарат для проведения официальной учредительной конференции в Соединенных Штатах зимой; во-вторых, орган должен разработать предварительное название организации; и, наконец, составить предварительную конституцию, которая будет представлена учредительному съезду для ее принятия или отклонения.

Были определены правила Конвенции, и были выбраны четыре комитета по 15 членов. Тогда же комитет выбрал названия для новой организации, которая теперь официально наименовалась «Американский легион».

Комитет по конституции сообщил, что предварительный вариант готов. В этом документе говорилось, что:

“... желая увековечить принципы справедливости, свободы и демократии, за которые мы боролись, привить долг и обязательства гражданина перед государством; сохранить историю и случаи нашего участия в войне; и чтобы укрепить товарищеские узы, сформировавшиеся на службе, предлагаем основать и учредить Ассоциацию для достижения вышеуказанных целей” [1].

В отчете Комитета по организации рекомендовалось избрать в 11 часов утра 11 ноября 1919 года в качестве даты и времени созыва следующего национального конвента. Парижское собрание в марте по своему характеру ограничивалось солдатами, находящимися в Европе, было принято решение параллельно организовать собрание для тех, кто вернулся в Америку. Конференция уже в самой Америке должна была состояться в Сент-Луисе.

Конференция в Сент-Луисе во многом определялась фундаментальными решениями, принятыми ранее Парижским конгрессом. Участники собрания в Сент-Луисе были полны энтузиазма, хотя сессия не была продуктивной. Целых два дня ушло только на выбор церемониальных офицеров и выбор Миннеаполиса в качестве места проведения следующего собрания. Беспорядок в организации также проявился в том, что более 1 100 участников боролись за право произнести речь. Следовательно, принятие программы собранием было в значительной степени формальным, которое было спешно проведено в последний день сессии, а фактический процесс принятия решений, касающийся таких вопросов, как устав и публикации организации, осуществлялся комитетом в ночь.

Преамбула конституции, принятой в Сент-Луисе, стала одним из основополагающих заявлений об ориентации и целях Легиона:

“Во имя Бога и страны мы объединяемся для следующих целей: Поддерживать и защищать Конституцию Соединенных Штатов Америки; поддерживать правопорядок; способствовать и увековечивать 100-процентный американизм; сохранить воспоминания нашего участия в Великой войне; прививать чувство личной ответственности перед обществом, государством и нацией; содействовать миру и доброй воле на земле; охранять и передавать процветанию принципы справедливости,

свободы и демократии; освящать наше товарищество и преданность взаимной помощи” [6].

На встрече в Сент-Луисе уделялось много времени обсуждению некоторых резолюций: следует ли занимать позицию в отношении Лиги Наций, сухого закона или введения всеобщей воинской повинности, следует ли учреждать посты, состоящие из солдат–афроамериканцев и т.д. Особенно жесткая позиция Легиона была взята по отношению к американскому радикальному движению: в последний день была принята резолюция, призывающая Конгресс ”принять закон или немедленно депортировать всех большевиков или Industrial Workers of the World (международный профсоюз объединяющий рабочих в различных индустриальных отраслях)“ [4].

Официальный учредительный съезд проходил в Миннеаполисе, штат Миннесота, с 10 по 12 ноября 1919 года. На нем присутствовало 684 делегата со всех концов Соединенных Штатов.

С самого начала Американский легион придерживался строго беспристрастной ориентации в отношении избирательной политики. Группа вписала в свою конституцию конкретный запрет на поддержку политических кандидатов. Однако стоит отметить, что этот явный отказ присоединиться к той или иной политической партии имел парадоксальный эффект быстрого наращивания большой политической власти для организации, поскольку политики из обеих «старых партий» боролись за благосклонность массового и активного членства в Легионе.

Главным в законодательной повестке дня Легиона было резкое повышение уровня компенсации солдатам, получившим постоянную инвалидность во время войны. Во время окончания Первой мировой войны американские законы гласили, что солдаты, получившие полную инвалидность, должны были получать только базовое жалование рядового – 30 долларов в месяц. Легион сосредоточил свои усилия в 1919 году на принятии законодательства, увеличивающего выплаты по полной инвалидности, полученной на войне, до 80 долларов в месяц – суммы, примерно достаточной в долларовом эквиваленте для обеспечения прожиточного минимума. Частично выведенные из строя из-за ран должны были получать меньшие выплаты. Шквал лоббирования со стороны Национального законодательного комитета Легиона в сочетании с телеграммами, направленными лидерам Конгресса Национальным командующим Франклином Д'Олье, помогли добиться принятия этого закона к концу 1919 года.

Главной базой поддержки Легиона в первые годы его существования были офицеры резерва и Национальной гвардии. Численность регулярной армии была сравнительно небольшой, а ее представительство в Легионе в первые дни его существования было еще более ограниченным. Следовательно, в течение почти двух десятилетий Легион придерживался в значительной степени изоляционистской точки зрения, лучше всего выраженной в трех резолюциях, принятых учредительным съездом Миннеаполиса [4]:

1) Большая постоянная армия неэкономична и не по-американски. Национальная безопасность и свобода от милитаризма лучше всего обеспечиваются национальной гражданской армией и флотом, основанными на демократических принципах равенства обязанностей и возможностей для всех.

2) Мы выступаем за всеобщее военное обучение, и проведение такой политики должно быть выведено из-под полного контроля какой-либо исключительно военной организации или касты.

3) Мы категорически против обязательной военной службы в мирное время.

В дополнительных резолюциях, принятых учредительным съездом, подчеркивалась необходимость военной готовности, хотя и поддерживаемой за счет гражданской армии резервистов и национальных гвардейцев, а не за счет дорогостоящей и недемократической структуры обширной постоянной армии, возглавляемой кастой профессиональных военных. Этот националистический изоляционизм оставался в силе до самого кануна вступления Америки во Вторую мировую войну.

Усилия Легиона по продвижению американизма в 1920-е годы включали призыв к своим членам сообщать о публикациях, которые считались подрывными, левыми или отражающими радикальные иностранные политические взгляды. Была учреждена «Национальная комиссия по американизму» для наблюдения за всеми действиями, связанными с подрывной деятельностью. Поступил заказ на разработку учебников, пропагандирующих американский патриотизм, работая с членами «Национальной ассоциации образования» над продвижением преподавания истории с американской точки зрения и добивался удаления учебников, которые считал «неамериканскими» [2]. Легион также поддержал законодательство, ограничивающее иммиграцию и подстрекательство к мятежу.

В 1924 году Легион во главе с полковником Джоном Томасом Тейлором и другими организациями ветеранов выиграла битву за дополнительную компенсацию ветеранам Первой мировой войны с принятием «Закона о скорректированной компенсации мировой войны». Большинство платежей планировалось выплатить в 1945 г.

Легион сыграл важную роль в создании «Бюро ветеранов США», ныне известного как «Департамент по делам ветеранов». Легион также создал свою собственную бейсбольную программу, в которой ежегодно с 1926 года проводятся национальные турниры. В сентябре 1927 года в Париже прошел национальный съезд Легиона, в котором приняли участие около 14 000 членов [5]. В 1930 году в Траверс-Сити, штат Мичиган, был открыт мемориальный мост «Американского легиона». В сентябре 1932 года появилось ответвление организации – «Сыновья Американского легиона». Членство ограничено потомками мужского пола членов «Американского легиона».

Весной 1933 года, в самом начале своего президентства, президент Франклин Делано Рузвельт стремился сбалансировать федеральный бюджет за счет резкого сокращения пособий ветеранам, которые составляли четверть федерального бюджета. Закон об экономике 1933 года урезал пенсии по инвалидности и установил новые строгие правила для доказательства инвалидности. Легион в целом поддерживал администрацию Рузвельта и закон, в то время как «Ветераны зарубежных воин США» резко выступал против. После того, как на съезде «Ветеранов зарубежных воин США» прозвучали речи, осуждающие программы президента, Легион пригласил Рузвельта выступить на своём съезде, где он получил поддержку. Тем не менее, позиция Легиона была непопулярна: его членство резко сократилось в 1933 году на 20 %, поскольку 160 000 человек не смогли продлить свое членство [3]. Затем «Ветераны зарубежных воин США» провели кампанию, которая выступала за немедленные выплаты ветеранам Первой мировой войны, в соответствии с «Законом о скорректированной компенсации мировой войны» 1924 года. Неспособность Легиона занять аналогичную позицию позволила «Ветеранам зарубежных воин США» заручиться поддержкой, обвиняя Легион в связях с администрацией Рузвельта и деловых кругах.

Таким образом, можно сделать вывод, что история «Американского легиона» в 1918–1939 годах позволяет проанализировать некоторые тенденции присущие всему

ветеранскому сообществу в США. Легион за 20 лет кардинально изменил свою позицию по отношению к американскому правительству. Если в 1924 году Легион был одним из оплотов по лоббированию закона о выплатах участникам Первой мировой войны, то уже в начале 1930-х он стал главной организацией выступавшим за «Новый курс» Рузвельта. «Американские легион» сделал гигантский вклад в развитие ветеранских организаций в США, впервые организация была настолько значима и влиятельна, что играла непосредственную роль, как во внутренней, так и во внешней политике Америки на протяжении всего XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. "History of the U.S.S. Jacob Jones Post No. 2, The American Legion, Department of the District of Columbia, 1919–1939". The Genealogy Center. Retrieved April 12, 2018; p. 28
2. Byer, Gene (March 16, 1953). "Gen. Wm. G. Price Jr. Recalls American Legion's Founding". Delaware County Times. Chester, PA. p. 13.
3. Marquis James (1923). A History of The American Legion. New York: William Green; p. 77.
4. Richard Seely Jones, A History of The American Legion. Indianapolis, IN: Bobbs-Merrill Co., 1946; p. 44.
5. Sydney E. Ahlstrom, David D. Hall (2004). [A Religious History of the American People. Yale University Press](#). ISBN 978-0300100129. Retrieved December 31, 2007.;p. 35.
6. Wheat, George Seay (1919). "[The Story of The American Legion](#)". The Birth of the Legion. New York and London: [G. P. Putnam's Sons](#). p. 206.
7. William Pencak, For God and Country: The American Legion, 1919–1941. Boston: Northeastern University Press, 1989; p. 58.
8. William Pencak, For God and Country: The American Legion, 1919–1941 Northeastern University Press, 1989; p. 21. William Pencak, For God and Country: The American Legion, 1919–1941 Northeastern University Press, 1989; p. 21.

Поступила в редакцию 21.01.2022 г.

ORIGIN AND ACTIVITIES OF VETERAN ORGANIZATIONS IN THE USA IN 1918–1939

A.V. Bredikhin, D.S. Prihodko

The article discusses the features of the emergence and activities of veteran organizations in the United States in 1918-1939. The process of evolution and development of US veteran organizations is important. Using the example of the "American Legion", the article examines the changes in the views of both veterans and society on US domestic policy.

Key words: American Legion, USA, veteran organizations, T. Roosevelt.

Бредихин Андрей Владимирович

Доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всемирной истории
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР.
E-mail: kf.vsemir@donnu.ru

Bredikhin Andrey Vladimirovich

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Department of World History,
SEI HPE "Donetsk National University",
Donetsk, DPR.
E-mail: kf.vsemir@donnu.ru

Приходько Данил Сергеевич

Аспирант ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет», г. Донецк, ДНР.
E-mail prihodko.daniil@gmail.com

Prihodko Danil Sergeevich

graduate student
SEI HPE "Donetsk National University",
Donetsk, DPR
E-mail prihodko.daniil@gmail.com

УДК 94(470.323) «1941/1942»

МЕТОДЫ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ИЗ ОПЫТА ЮЖНО-УРАЛЬСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ 1941–1942 гг.)

© 2022. В.С. Ешпанов

Казахский университет технологии и бизнеса

Объектом данного исследования является трудовая деятельность работников железнодорожного транспорта в годы военного периода. Рассмотрен массовый трудовой подъем, породивший новые формы и методы работы железнодорожников. Оценен трудовой и творческий вклад транспортников в мобилизацию внутренних ресурсов и усовершенствование методов труда в военных условиях. В статье приведены примеры наиболее эффективных моделей инициативности железнодорожников, меры по сбережению топлива и увеличению пробега паровозов, новые методы по ремонту вагонов, оборудования. На примере советских железнодорожников показан процесс реализации социалистических соревнований. В работе воссоздана объективная картина железнодорожников передовой и тыловой магистралей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, железнодорожный транспорт, советские железнодорожники, социалистические соревнования, трудовой героизм.

Перестройка железнодорожного транспорта в годы войны проходила в сложных условиях. В результате вражеской оккупации важных экономических районов и промышленных центров были нарушены прежние связи между экономическими районами, отраслями народного хозяйства и промышленности. В итоге это вызвало коренные изменения в грузопотоках, увеличило дальность перевозок и расход топлива. Предприятия транспортного машиностроения перешли на выпуск военной продукции, прекратилось централизованное снабжение дорог паровозами, вагонами, металлом, запасными частями и деталями. Заметно уменьшился численный состав железнодорожников. Нужна была высокая организованность, четкость и слаженность в работе всех структур железнодорожного транспорта, а также самоотверженность работников производства, чтобы преодолеть трудности и выполнить военно-хозяйственные задачи. В годы войны возросла творческая активность советских железнодорожников, которая отразилась в социалистическом соревновании, в работе многочисленных рационализаторов.

Можно привести следующие факты трудового героизма Оренбургских железнодорожников. Машинисты Оренбургского узла В. Бабнищев, К. Павленко, Д. Пытель находились на паровозах со своими помощниками и кочегарами по двое суток, а бригада машиниста Корнеева работала 50 часов без отдыха [1]. Машинисты депо Курган проводили на больших скоростях поезда, перевезли больше 20 000 тонн груза сверх положенного плана [2]. На станции Оренбург диспетчер Н. Дяголев выполнял 100 % отправление поездов по расписанию. Комплексная бригада депо Саксаульск Оренбургской дороги добилась выпуска паровозов из промывочного ремонта за 4–5 часов, вместо запланированных 17,3 часа [3].

Правительство, учитывая военную обстановку и энтузиазм трудящихся, определило задачи для администрации и общественных организаций железных дорог по развертыванию социалистического соревнования. Центральный Комитет профсоюза рабочих железных дорог отметил, что «четкой, слаженной и самоотверженной работой железнодорожники должны обеспечить бесперебойное функционирование

промышленности и доставку всего необходимого для фронта» [4, с. 115]. Наиболее важной задачей в организации соревнования явился пересмотр трудовых обязательств по новым производственным планам военного времени. В июне и августе 1941 года железнодорожники поставили перед собой новые цели. В начале войны появились новые формы соревнования. Например, на одну поездку или смену, движение двух сотников, трех сотников, за совмещение профессий и овладение новыми специальностями. В депо Оренбург в ноябре 1941 года осуществивших нормы выработки на 200 % и выше насчитывалось 241, а в декабре – 270 человек [5]. Итоги выполнения обязательств подводились по окончании трудового дня. На летучих сменных и бригадных совещаниях, где также обобщали опыт лучших, вскрывали выявленные недостатки. В основном внимание уделялось развитию тех форм соревнования, которые получили широкое распространение еще до начала войны. Инициатором железнодорожного движения стал машинист депо Новосибирск Томской дороги А.А. Лунин. Он довел пробег своего паровоза между подъемниками до 100 тыс. км.

Железным дорогам пришлось перестраивать свою работу для быстреего и качественного обслуживания нужд фронта, лунинцы оказались в первых рядах помощников Красной Армии на фронте, а также в тылу. В обстановке войны проблемой экономии металла, леса, топлива, а также сокращение расходов на рабочую силу становилась особенно важной. В связи с этим, лунинское движение явилось одной из важнейших основ перестройки службы железных дорог на военный лад, что создавало условие для развития личной инициативы железнодорожников. Сущность нововведения в лунинском движении состояло в том, что паровозная бригада, овладевшая слесарным мастерством, основной упор делала на технически грамотный, более тщательный уход за машиной, на предупреждение крупного ремонта путем профилактики и своевременного исправления, обнаруженных дефектов силами самой бригады. Для выполнения служебного ремонта в период эксплуатации паровоза у бригад имелся специальный набор инструментов. Лунинское движение получило распространение на всех южно-уральских дорогах. Старший машинист Актюбинского депо Оренбургской железной дороги П.А. Арнаутов писал: «на последнем промысловом ремонте я записал 12 пунктов, из них 7 мы выполнили сами: подтягивание сцепления между паровозом и тендером, устранение разработки кулисного движения, уплотнение вкладышей крейцкопфов и т.д. Паровоз вышел из ремонта за одну смену» [6].

Путевой обходчик Троицкой дистанции ЮУЖД Ф.А. Лисянский проявил ценную инициативу и сделал и планово-предупредительный ремонт своего километра, приведя его в хорошее состояние без помощи путевой бригады. Передовой метод подхватили 64 путевых обходчика Троицкого узла. Лунинское движение распространилось среди работников железнодорожного транспорта, паровозников, путейцев, вагонников и связистов. Их численность росла с каждым днем. Если на 1 июня 1941 года на ЮУЖД использовали новые технологии 1 183 машиниста, помощника машиниста и кочегара, то на 1 июля их число достигло 1 932 человека, а осенью действовали 264 лунинских паровоза, общее количество лунинцев составляло 2 386 человек [7]. На Оренбургской железной дороге осенью 1941 года по-лунински трудились 111 паровозов, 259 бригад.

Важную роль в распространении прогрессивных методов сыграл приказ НКПС № 18 ц от 7 января 1942 г. «О развитии лунинского движения на железнодорожном транспорте в условиях войны». В депо Оренбург в январе 1942 года количество лунинских паровозов насчитывалось 45, в феврале – 46, в марте – 49; на станции Курган ЮУЖД в апреле 1942 года было 62 лунинца. На Оренбургской дороге

лунинских паровозных бригад увеличилось в два раза. Были также недостатки, которые сказывались на развитии движения. В первое время отсутствовали четкие и единые стандарты определения лунинских паровозов, что привело к чрезмерному увеличению их количества на отдельных дорогах. На Оренбургском отделении из 254 помощников машинистов, считавшихся лунинцами, только 8 железнодорожников овладели слесарной специальностью. К определению лунинца зачастую подходили формально. Но в целом, несмотря на недостатки, лунинское движение внесло весомый вклад в выполнение задач стоявших перед железнодорожным транспортом в условиях войны. В особенности увеличились сроки службы технических средств, достигалась экономия топлива, материалов; возросла скорость и среднесуточный пробег паровозов, что способствовало бесперебойному снабжению фронта и промышленности, а также других стратегических объектов. Железнодорожники, работавшие по-лунински, становились инициаторами новых починов в социалистическом соревновании. В ноябре 1941 года машинист депо Челябинск ЮУЖД П.А. Агафонов и его напарник Ф.Я. Жданов организовали первую паровозную колонну имени Государственного Комитета Оборона в составе шести паровозов. Машинисты Г.Е. Алексеев, И.А. Киселев, С.Д. Перминов объявили себя боевым подразделением и взяли на себя обязательства установить пробег между промывками в 6 000 км. Трудовой почин имел важное народнохозяйственное значение. В августе 1942 года бригада машинистов П.А. Агафопова и А.Г. Непомнящего доставило 142 тяжеловесных поезда, и перевезла 144 763 тонн сверх нормы. Колонны, как правило, формировались из передовых машинистов и транспортников, способных водить поезда в любых условиях. Они брались за самые трудные дела. Всего по данным секретаря Челябинского обкома партии И.И. Матвейцева, действовали 22 фронтовые паровозные колонны, доставившие в 1943 году свыше 9 000 тяжеловесных поездов [8].

По всей сети дорог колонны имени ГКО получили свое признание. Они отличались от других пятиконечной звездой на голубой ленте, укрепленной над дверью локомотива, в центре которой располагалась надпись «Колонна имени ГКО». На Оренбургском отделении дороги в колонну имени ГКО вступили 30 машинистов. Машинисты депо Актюбинск Оренбургской дороги поддержали почин, первыми подали заявление Караулов и Н.Е. Глушенко. Инициативу челябинских машинистов поддержали не только паровозники, но и другие службы дороги. На ЮУЖД боевым красно – армейскими подразделениями объявили себя коллективы автоматного механического, промывочного и подъемного цехов депо Карталы; кузнечный цех Курганского вагоноремонтного предприятия. На станции Оренбурга организовали 9 воинских подразделений из 451 человека, в резерве проводников 2 бригады в количестве 18 человек; по вагонному участку создали 6 воинских подразделений. Соблюдение твердой дисциплины позволяло рабочим и служащим в несколько раз перевыполнять производственные задания. Следует отметить, что активное участие в развитии социалистического соревнования на южно-уральских дорогах принимали комсомольцы и молодежь. Летом и осенью 1941 года стали возникать первые комсомольско-молодежные бригады. Осенью 1943 года, в честь 25-летия ВЛКСМ, в городе Златоусте развернулось движение за организацию комсомольско-молодежных бригад. В механическом цехе депо передовиками являлись члены комсомольско-молодежной бригады Жлудова, обязавшиеся повысить производительность труда на 50 %, свои планы они перевыполнили и дали новые 185 % нормы [9]. Была создана фронтовая колонна имени И.В. Сталина, в состав которой вошли локомотивы машинистов, добивавшихся высоких результатов. Машинисты Абрамов и Щенников

осуществили на своем паровозе пробег в 75 тыс. км при норме 45 тыс. км без захода в депо на промывку.

Осенью 1941 года на железных дорогах возникли трудности, так как, подготовить хозяйство к зиме по-военному означало провести всю работу на основе максимальной мобилизации местных ресурсов. По почину машиниста-луинца депо Оренбург, В Бабнищева на дороге развернулось движение по подготовке паровозов к зиме. Железнодорожники собственными силами производили утепление, используя внутренние резервы, не требуя средств и материалов. Морозы и снежные заносы создавали дополнительные трудности на транспорте. Чтобы успешно их преодолеть, требовалась всесторонняя подготовка. Функционирования транспорта в зимних условиях во многом зависела от состояния паровозного хозяйства. Необходимо было отремонтировать каждый паровоз, подготовить его к бесперебойной работе в суровых условиях. Машинист инструктор депо Эмба Оренбургской дороги Трумпо придумал простой и практичный способ утепления труб паровоза он изготовил специальные кожуха из отходов кровельного железа, которые предохраняли от замерзания. Они одевались на трубки, прикреплялись хомутиками и прокрывались краской [10, с. 149]. В некоторых депо отоплением занимались не только сами машинисты, их помощники и кочегары, но и даже члены их семей.

Предприятия города Троицка проявили замечательную инициативу. Одной из самых массовых форум социалистического соревнования стало движение ударников и стахановцев, охватившее практически все звенья железнодорожного транспорта.

В военных условиях соревнования стали более конкретными: на одну поездку, на одну смену и другие это в свою очередь предъявляло более жесткие требования к присвоению званию стахановца и ударника. В 1943–1945 гг., несмотря на значительную текучесть кадров в связи с частичным отъездом железнодорожников в западные районы СССР и не высокую квалификацию части рабочих и служащих, тем не менее, был зафиксирован устойчивый рост передовиков производства. Это было связано с общим ростом контингента, обслуживающего железную дорогу. А также была более серьезная теоретическая подготовка кадров. Инициатором применения стахановских методов среди кондукторов выступил главный кондуктор Бузулукского резерва Оренбургской дороги С. Соломонов, который добился успехов в ускорении продвижения сборных поездов. Он лично принимал участие в формировании сборного поезда на участковой станции. Соломонов производил предварительную меловую разметку вагонов. Это давало возможность сразу же по прибытии поезда на конечную станцию участка приступить к расформированию, и позволяло экономить на каждом составе не менее 26 минут [11].

К середине 1942 года в стране завершалась перестройка народного хозяйства на военный лад, тогда сложились благоприятные условия для организации всесоюзного социалистического соревнования. По инициативе передовых предприятий авиационной и металлургической промышленности. Развернулась борьба за быстрое продвижение поездов, экономное использование топлива и материалов. Появилась четкость в осуществлении принципов организации социалистического соревнования. Для победителей учредили переходящие Красные Знамена ЦК ВКП(б), ГКО, ВЦСПС, ЦК, ВЛКСМ и наркоматов, а также денежные премии. Машинисты луинцы депо Орск Оренбургской железной дороги в начале мая 1942 года провели поезд от станции Орск до станции Айдырля со среднесуточной скоростью 670 км. Машинист Никитин доставил маршрут порожняка со станции Бузулук до станции Новосергиевка со среднесуточной скоростью 1 000 км при норме 500 км.

Особенностью социалистического соревнования транспортников являлась корректировка его форм с учетом военного времени. Трудности первого периода Великой Отечественной войны стимулировали распространение в отрасли соревнования за скоростное продвижение составов. Летом 1942 года на южно-уральских дорогах стали организовываться единые смены работников основных служб (движения, паровозной, вагонной, пассажирской, сигнализации и связи), ставивших задачу обеспечить ускоренное продвижение поездов за счет слаженной работы различных служб и согласованности действий смежных участков дорог. Многие машинисты искали резервы увеличения пропускной способности линий. Старший машинист депо Курган Южно-уральской железной дороги Ф. Блинов явился инициатором вождения тяжеловесных поездов. Непрерывно совершенствуясь, Блинов по своей инициативе взялся провести поезд весом 2 100 тонн от Челябинска до Абдулино через Уральский хребет без перелома весовой нормы. Паровоз прошел 962 км и прибыл к месту назначения в полном порядке, совершенно исправным, готовым к новой работе. Норму технической скорости, установленную, для поездов нормального веса, Блинов на всем протяжении пути выполнил, а на отдельных участках даже перевыполнил на 1,5–2 км в час. Среднесуточный пробег паровоза составил 341,8 км. Этот подвиг высоко оценил народный комиссар путей сообщения Л.М. Каганович, приславший поздравительную телепрограмму, Ф. Блинову. Война предъявила железнодорожникам исключительные требования по срочности перевозок. Машинист Блинов показал образец героического труда, совершая ежемесячно по десять и более поездок с поездами до 6 000 тонн [12].

В военные годы социалистические соревнования реализовывались в различных починах и движениях. Если на первом этапе войны, на железнодорожном транспорте преобладали индивидуальные и групповые формы трудового соперничества, то с мая 1942 года коллективные, способствовавшие выполнению производственных заданий. Великая Отечественная война наглядно показала, что заставить работать можно любого, но принудить самоотверженно трудиться на пределе своих сил и возможностей нельзя никого. Под лозунгом «Все для фронта, все для победы над врагом!» рождались новаторские движения, трудовые починки и множество других форм социалистического соревнования, которые находили тысячи последователей и вносили неоценимый вклад в достижение Великой Победы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центр Документации Новейшей Истории Оренбургской Области. Ф.371.Оп.6.Д.112.Л.21.
2. Областной Государственный Архив Челябинской Области. Ф. 288. Оп.8.Д.19.Л.133.
3. Центр Документации Новейшей Истории Оренбургской Области. Ф.371.Оп.6.Д.124.Л.68.
4. Куманев, Г. А. На службе фронта и тыла. Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938—1945.— Москва : 1976. – 465с.
5. Центр Документации Новейшей Истории Оренбургской Области. Ф.371.Оп.7.Д.88.Л.36.
6. Центр Документации Новейшей Истории Оренбургской Области. Ф.371.Оп.7.Д.89.Л.94.
7. Областной Государственный Архив Челябинской Области. Ф. 288. Оп.9.Д.27.Л.44.
8. Областной Государственный Архив Челябинской Области. Ф. 288. Оп.9.Д.28.Л.29.
9. Областной Государственный Архив Челябинской Области. Ф. 288. Оп.10.Д.70.Л.35.
10. Ешпанов В.С. Выполнение производственных показателей на Актюбинском железнодорожном отделении в годы Великой Отечественной войны: основные тенденции и итоги // Гуманитарные науки и образование. – 2013. – № 3. – С. 147–150.
11. Центр Документации Новейшей Истории Оренбургской Области. Ф.371.Оп.8.Д.94.Л.67.
12. Областной Государственный Архив Челябинской Области. Ф. 288. Оп.11.Д.52.Л.72.

Поступила в редакцию 21.01.2022 г.

**WORK METHODS RAILROAD WORKERS OF THE USSR
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
(FROM THE EXPERIENCE OF THE SOUTH URAL RAILWAY 1941–1942)**

V.S. Yeshpanov

The object of this study is the labor activity of railway workers during the war period. The mass labor upsurge, which gave rise to new forms and methods of work of railway workers, is considered. The labor and creative contribution of transport workers to the mobilization of internal resources and the improvement of labor methods in military conditions is assessed. The article gives examples of the most effective models of initiative of railway workers, measures to save fuel and increase the mileage of steam locomotives, new methods for repairing cars and equipment. The example of Soviet railroad workers shows the process of implementing socialist competitions. The work recreates an objective picture of the railway workers of the front and rear lines.

Key words: Great Patriotic War, railway transport, Soviet railwaymen, socialist competitions, labor heroism.

Ешпанов Владимир Сарсембаевич
доктор исторических наук, профессор,
Казахский университет технологии и бизнеса,
г. Нур-Султан, Казахстан.
E- mail: ws 282@mail.ru

Yeshpanov Vladimir Sarsembayevich
PhD (doctor of history), professor,
Kazakh University of Technology and Business
Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan.
E-mail: ws 282@mail.ru

УДК [94(477.61) : 355.426] «2014»

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ДОНБАССЕ: БОРЬБА ЗА ЛУГАНСК В АПРЕЛЕ–МАЕ 2014 г.

© 2022. Д.С. Крысенко

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный аграрный университет»

В статье анализируются события гражданской войны на Юго-Востоке Украины 2014 г. Основной акцент сделан на ходе вооружённого противостояния в Луганске. Аргументируется вывод о том, что суверенизация народа Донбасса в границах ЛНР и ДНР является одним из результатов делигитимизации Украины вследствие националистического переворота февраля 2014 г. и утраты ею основных признаков государственности.

Ключевые слова: Донбасс, ЛНР, ДНР, Украина, гражданская война, народно-освободительное движение.

В свете Специальной военной операции Российской Федерации по денацификации и демилитаризации Украины, одним из наиболее знаковых событий не только отечественной, но и всемирной истории в целом, выступило общественно-политическое движение «Русская весна», развернувшееся в течение зимы–весны 2014 г. на территории макрорегиона Донбасса и Причерноморья (исторической Новороссии) и в Автономной Республике Крым.

Несмотря на хронологическую близость и открытый характер большинства документальных источников, как фактографическая сторона данных событий, так и их историко-философская интерпретация являются актуальной научной задачей. Гражданская война на Украине получила некоторое освещение в ряде публицистических работ, однако предметом академических исследований не становилась.

Насильственная смена власти на Украине в результате государственного переворота в феврале 2014 г., подчёркнутое нежелание новых киевских властей уважать права жителей Юго-Востока на политическую и финансово-экономическую автономию, а также культурно-историческую идентичность, обусловили интенсификацию движения «Русская весна» в Луганской и Донецкой областях и переход к событиям, получившим название Апрельской народно-освободительной революции.

Нелегитимное руководство Украины, не желая вести политический диалог с населением большого региона на Юго-Востоке ради сохранения мира и стабильности, приняло решение о насильственном сценарии прекращения развернувшейся общественной дискуссии. После установления контроля над всеми институтами власти и силовыми структурами, и. о. президента Украины А. Турчинов 7 апреля 2014 г. объявил о подготовке т. наз. «антитеррористической операции» («АТО»), а 13 апреля 2014 г. подписал указ о её начале и подавлении народно-освободительных революций в Луганской и Донецкой областях [4]. Документ стал юридическим основанием для перехода к политике государственного терроризма против части граждан Украины с целью реализации этноцида, лингвоцида и политического геноцида (политицида). Фактически проведение «антитеррористической операции» свидетельствовало о начале на Украине гражданской войны.

Для проведения «АТО» руководство Украины сформировало войсковую группировку, которая весной 2014 г. насчитывала около 35 тысяч военных и 250

единиц бронетехники. В её состав вошли подразделения Министерства обороны Украины (Вооружённые силы и батальоны территориальной обороны (БТО)), Министерства внутренних дел Украины (спецподразделения милиции и Национальная гвардия Украины (НГУ)), Государственной пограничной службы, Службы безопасности и Управления государственной охраны. В ряды Национальной гвардии и батальонов территориальной обороны на добровольной основе вступили преимущественно боевики «Самообороны Майдана» и «Правого сектора». Впервые в истории страны участники радикальных ультранационалистических группировок официально получили боевое оружие. Попытка сформировать добровольческий карательный батальон в Луганске не увенчалась успехом. Местные жители изгнали из милицейской школы в г. Счастье батальон «Темур», а его командира Т. Юлдашева арестовали.

В начале апреля 2014 г. на территории Донбасса появились первые колонны Вооружённых сил Украины. Первоначально эскалации насилия стремились избежать как местные жители, так и мобилизованные украинские военнослужащие. Деморализации военных подразделений Украины способствовало отсутствие должного снабжения частей продовольствием, горючим, боеприпасами и мест дислокации. Вследствие этого безоружное население, блокировав дороги, смогло остановить передовые армейские подразделения «АТО». Частично бронетехника и стрелковое оружие разоружённых украинских военных частей перешли к ополченцам отрядов местной самообороны. Однако попытку мирного урегулирования конфликта сорвали военизированные группировки националистов. 20 апреля 2014 г. в священный для всех христиан день – Пасху – боевики «Правого сектора» расстреляли безоружных ополченцев на блокпосту около г. Славянска (ДНР). Это были первые погибшие из многочисленных жертв гражданской войны.

Штурм города силами «АТО» отбило местное ополчение во главе с добровольцем из России Игорем Ивановичем Стрелковым (Игорем Всеволодовичем Гиркиным). Славянск превратился в передовой рубеж обороны Русского мира, куда прибыли добровольцы из многих стран мира. Однако осознание, что политическое руководство Украины для достижения собственных целей не остановится перед массовым убийством граждан, наступило лишь после трагедии 2 мая 2014 г. в Одессе.

Поскольку согласно существующим юридическим стандартам, в демократическом обществе каждый человек, группа или народ в рамках закона имеют право на защиту своей жизни, убеждений и политических приоритетов, формой сопротивления народа Донбасса стал подъём общественно-политического движения «Русская весна», следствием которого выступило образование новых государств – ЛНР и ДНР. На этом пути, одним из ключевых моментов гражданского противостояния с незаконными киевскими властями стало решение о проведении в Луганской и Донецкой областях референдумов. Конституция Украины предусматривала возможность организации исключительно всеукраинского референдума, при этом правом на назначение референдума об изменении территориального устройства монополюбно обладал парламент. Предусмотренные законодательством местные референдумы не были подкреплены механизмом для их проведения, кроме того, на них нельзя выносить вопросы о реорганизации административно-территориальной структуры страны. Однако в условиях государственного переворота и отказа от диалога нового киевского правительства с представителями общественности Донбасса о выходе из политического кризиса состоявшийся 27 апреля III съезд представителей территориальных общин Луганской области принял решение о проведении

общенародного областного референдума о самоопределении [4, с. 20]. Центризбирком назначил дату народного волеизъявления на 11 мая 2014 г.

В случае положительного решения жителей области о провозглашении Луганской Народной Республики организаторы референдума планировали провести 18 мая 2014 г. 2-й референдум – о вхождении ЛНР в состав Российской Федерации. По итогам переговоров с председателем ОБСЕ 7 мая 2014 г. Президент России В. В. Путин предложил сторонникам федерализации в Донбассе, с целью создания условий для диалога представителей Юго-Востока Украины и центральных властей, перенести сроки референдума. Однако по причине провокационных действий Киева на территории Донбасса Центризбирком сохранил сроки референдума. Значение референдума определяется тем фактом, что в случае положительного результата Луганская область получала возможность стать субъектом международных отношений. Это позволило бы решить ключевой вопрос политического статуса региона: остаться в составе Украины в качестве автономной республики; создать союзное с ДНР государство; интегрироваться в Российскую Федерацию или сохранить статус независимой республики.

Подготовка к референдуму осуществлялась в кратчайшие сроки. Обязанности Председателя ЦИК Луганской области по организации референдума исполнял А. Малыхин, секретаря – Л. Ракитная. На всеобщий областной референдум был вынесен вопрос: «Поддерживаете ли вы Акт государственной самостоятельности Луганской Народной Республики?». Для срыва референдума ЦИК Украины заблокировал электронные базы данных избирателей в Луганской области, поэтому организаторы были вынуждены использовать сведения по состоянию на 9 апреля 2012 г., когда в Луганской области был зарегистрирован 1 млн. 830 тыс. избирателей. Киевские власти заранее объявили референдумы в ЛНР и ДНР нелегитимными, а значит, не имеющими юридических последствий, а их организаторов – подлежащими привлечению к уголовной ответственности. Голосование прошло в штатном режиме в населённых пунктах, где органы местного самоуправления поддержали референдум. Избирательные участки работали с 8:00 до 20:00, но в некоторых городах, где шахтёры и металлурги работали по сменным графикам, время продлили до 21 часа.

Местные жители преимущественно воспринимали референдум как праздник, а на избирательных участках наблюдатели зафиксировали большие очереди. Однако в отдельных районах накануне и в день голосования сложилась тревожная обстановка: 10 мая 2014 г. в г. Брянка группа националистов застрелила сторонника федерализации А. Колесникова; 9–11 мая в северные районы области – Меловской, Белокуракинский, Троицкий, Сватовский, Марковский и Беловодский – были направлены подразделения Национальной гвардии Украины, которые заблокировали голосование. Для участия в референдуме часть жителей Марковки, Райгородки, Новоайдара, Сватово и Мелового «партизанскими тропами» пробралась в посёлки и города, в которых были развёрнуты избирательные участки. В Новоаидаре за найденные при обыске избирательные бюллетени был убит ополченец, а 13 пленных подверглись пыткам, в том числе, протоиерей Украинской православной церкви В. Марецкий [3, с. 32].

По официальной информации ЦИК, всего в референдуме приняли участие 1.375.295 человек – 81 % от общего числа избирателей (для сравнения, в парламентских выборах 2012 г. участвовало 58 % избирателей). Наиболее высокая явка (95 %) была зафиксирована в Краснодоне, Красном Луче и Рубежном. «За» провозглашение «Акта государственной самостоятельности Луганской Народной Республики» высказались 1.298.084 гражданина (95,98 %), «против» или «бюллетени признаны

недействительными» – 51.276 (4,02 %) всех принявших участие в референдуме [1, с. 62, 384, 385].

По итогам референдума, 12 мая 2014 г. на основании волеизъявления граждан была провозглашена независимая Луганская Народная Республика. В 2015 г. по указу Главы ЛНР И. В. Плотницкого, 12 мая был объявлен Днём Республики. Референдум зафиксировал новую геополитическую реальность, которая кардинально изменила границы Украины. 18 мая 2014 г. был учреждён Верховный (Народный) Совет, который принял Временный Основной Закон (Конституцию) Луганской Народной Республики. Конституция определила территорию ЛНР в границах Луганской области на начало 2014 г. 24 мая 2014 г. Глава Верховного Совета ЛНР А. Карякин и премьер-министр ДНР А. Бородай подписали Декларацию об объединении ДНР и ЛНР в Союз Народных Республик (СНР); с 15 июля 2014 г. новое конфедеративное государство получило название Новороссия.

Большинство стран мира и международные организации – ОБСЕ, Совет Европы и др. – не делегировали своих наблюдателей на референдум и не признали его итоги. Правительство Российской Федерации также не направило на референдум официальных представителей, однако не препятствовало присутствию на нём добровольных наблюдателей. Стремление официального Кремля защитить интересы жителей Крыма и Донбасса вызвало резкое обострение отношений с США и ЕС, которые заявили о возможности введения 3-го пакета экономических санкций против РФ, если голосование на Юго-Востоке Украины приведёт к срыву 25 мая 2014 г. выборов президента Украины.

Одновременно в Луганской области происходило формирование отрядов народного ополчения. В апреле–мае 2014 г. здесь были созданы отряды народной самообороны. В связи с фактическим самоустранением подразделений МВД, именно они взяли на себя функцию поддержания общественного правопорядка и защиту сторонников движения «Русская весна». Немногочисленные и безоружные отряды ополчения в основном состояли из активистов различных общественных движений и организаций, в том числе, казачьих, и неравнодушных к судьбе Родины рядовых граждан. Штаб организовал блокпосты, которые должны были своевременно подавать сигналы тревоги в случае наступления киевских силовиков. В условиях начала «АТО» против жителей Донбасса лидер движения сопротивления В. Болотов и его соратники для защиты региона приступили к комплектованию регулярных воинских подразделений Армии Юго-Востока. Начало её формированию было положено 6 апреля 2014 г., после того, как штурмом было взято здание Службы безопасности Украины в Луганске, переоборудованное ополченцами в казарму.

Динамику развития военных подразделений АЮВ показывает её структура: изначально народное ополчение состояло из взводов, далее – рот, а затем – батальонов. В апреле 2014 г. было сформировано 2 взвода под командованием А. Мельника и А. Головки. Командирами отдельных подразделений были А. Бем, С. Дубровский, А. Павлов, С. Грачев, А. Пересвет, В. Цвях. Во главе подразделения «Звезда» стоял А. Николаенко. Кроме того, были организованы разведывательный взвод В. Демина, взводы под руководством В. Лопина и А. Балабина и отдельный казачий взвод Луганского округа донских казаков под командованием В. Багринцева. Большинство взводов, после увеличения численности личного состава, стали ротами или батальонами. 14 апреля 2014 г. впервые прошла церемония присяги сил АЮВ на верность народу Луганщины, а в конце мая на форме бойцов появились официальные шевроны. Первой боевой единицей АЮВ стал созданный 5 мая 2014 г. под

командованием И. Плотницкого Народно-освободительный батальон «Заря», в который вошли комендантский, разведывательный, штурмовой, спецопераций, автомобильный и хозяйственный взводы. 6 мая 2014 г. с целью концентрации сил для противодействия «АТО» произошло объединение Армии Юго-Востока и сил Народного ополчения Луганщины.

21 мая 2014 г. по указу Главы ЛНР В. Болотова на пост Министра обороны ЛНР был назначен И. Плотницкий, заместителя – О. Бугров. В период боевых действий на Луганщине летом 2014 г. отличились следующие подразделения Армии Юго-Востока:

- Народно-освободительный батальон «Заря» (командиры – Игорь Плотницкий, Андрей Патрушев);
- батальон (бригада) «Призрак» (командиры – Алексей Мозговой, Александр Костин, Юрий Шевченко, Гигам Айрапетян, Пётр Бирюков);
- батальон «Леший» (командир – Алексей Павлов);
- группа быстрого реагирования «Бэтмен» (включала ДШРГ «Русич») или 4-й батальон Министерства обороны ЛНР (командиры – Александр Беднов, Александр Хрипко);
- батальон «Дон» (командир – Виталий Киселёв);
- 3-й десантный Станично-Луганский батальон (ВДВ–ДШБ) (командиры – Олег Бугров, Дмитрий Захаров, Сергей Сивак, Андрей Мельник, Михаил Чибор);
- батальон имени святого Георгия Победоносца (командиры – Юрий Черкасов, Евгений Жмуров);
- 2-й казачий батальон (командиры – Александр Конкин, Александр Бабичев);
- батальон «Витязь» (командиры – Александр Гуреев, Дмитрий Елисеев);
- Батальон «Русь» (командир – Виктор Веремеенко);
- Комендатура ЛНР (командир – Сергей Грачев);
- Казачья Национальная Гвардия (командующий – атаман Всевеликого войска Донского (КНГ ВВД) Николай Козицын), в состав которой входили Отдельный казачий мотострелковый полк имени Атамана Платова (командиры – Павел Дрёмов, Владимир Полуполтинных, Андрей Скорый) и батальон «РИМ» (командиры – Александр Гайдей, Александр Волков) [2, с. 273].

Значительный вклад в защиту Республики от украинской агрессии внесли добровольцы, которые приехали из России и других стран мира. В начале боевых действий остро стояла проблема вооружения подразделений АЮВ. Весной 2014 г. одним из источников была продажа оружия, например, автоматов АК-74 и патронов к нему, коррумпированными сотрудниками МВД и военнослужащими ВСУ. После штурма Луганского управления СБУ штаб АЮВ за счёт его арсенала смог вооружить бойцов 2-х батальонов. Наличие вооружения у народного ополчения обусловило отказ Киева от штурма палаточного городка в Луганске. Недостаток оружия и патронов в подразделениях АЮВ стал остро ощущаться после массового вступления в его ряды добровольцев. Дефицит вооружения усилился в период активной фазы войны летом 2014 г. В основном проблема решалась за счёт военных трофеев после разоружения частей МВД, ВСУ, пограничных войск и взятия военных складов Украины, где хранилось большое количество советского стрелкового оружия. В результате, наряду с современной боевой техникой, силы ополчения были вынуждены использовать архаичное оружие периода Великой Отечественной войны – трёхлинейные винтовки, пистолеты-пулемёты ППС и ППШ, карабины СКС, противотанковые ружья ПТРД и др.

Одержанная в дальнейшем убедительная победа над ВСУ создала условия для восстановления мирной жизни и государственного строительства республик Донбасса.

Гражданская война 2014 г. на Юго-Востоке Украины выступила следствием отказа киевских властей от политического диалога с населением Донбасса. Объявление руководством Украины «антитеррористической операции» означало силовой вариант решения конфликта, переросший в гражданскую войну, окончившуюся победой ЛНР и ДНР. Существующее положение дел показывает невозможность восстановления Украиной своей территориальной целостности без активного вовлечения в этот процесс внешних сил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бескаравайный О. Хронология подготовки и проведения референдума в ЛНР // Создание Луганской Народной Республики и военные действия на Луганщине глазами участников и очевидцев: сборник исторических источников / Под ред. Т. Ю. Анпиловой. – Луганск: Альма матер, 2015. – 400 с.
2. Королёва Г. И., Крысенко Д. С. История Луганской Народной Республики с древнейших времён и до наших дней. – Луганск: Пресс-экспресс, 2021. – 480 с.
3. Массовые нарушения прав человека в ходе конфликта на Украине, 2013–2014 гг.: годовой отчёт IGCP / Под ред. А. Р. Дюкова. – М.: Историческая память, 2015. – 345 с.
4. Указ Президента України «Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 13 квітня 2014 року “Про невідкладні заходи щодо подолання терористичної загрози і збереження територіальної цілісності України”» [Електронний ресурс]. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/405/2014>.
5. Хроника борьбы за независимость. Луганская Народная Республика: общественно-политическое издание. – Луганск: Пресс-экспресс, 2015. – 88 с.

Поступила в редакцию 24.02.2022 г.

CIVIL WAR IN DONBASS: FIGHT FOR LUGANSK IN APRIL–MAY 2014

D.S. Krysenko

The article analyzes the events of the civil war in the South-East of Ukraine in 2014. The main emphasis is placed on the course of the armed confrontation in Lugansk. The conclusion is argued that the sovereignty of the people of Donbass within the borders of the LPR and DPR is a consequence of the deligitimization of Ukraine as a result of the nationalist coup in February 2014 and its loss of the main signs of statehood.

Key words: Donbass, LPR, Ukraine, civil war, national liberation movement.

Крысенко Дмитрий Сергеевич

Доктор исторических наук,
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
аграрный университет», г. Луганск, ЛНР.
E-mail: gumilev.l@inbox.ru

Krysenko Dmitriy Sergeevich

Doctor of Historical Sciences,
Lugansk state agrarian university, Lugansk, LPR.
E-mail: gumilev.l@inbox.ru

УДК 94(477.6):622:867"1922/1929"

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СССР ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ГОРНЫХ РАБОТ И ГОРНОСПАСАТЕЛЬНОГО ДЕЛА НА ДОНБАССЕ В 1922–1927 гг.

© 2022. *А.В. Павлова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье раскрыты основные вопросы государственной политики СССР по созданию единой системы обеспечения безопасного ведения подземных горных работ и горноспасательного дела в период 1922–1927 гг. Автором проанализированы материалы Государственного архива ДНР, отраслевых научных журналов, статических сборников, сборников трудов хозяйственных и научных съездов по данной проблематике. Поэтапно изучена роль Донбасса как центра по выработке необходимых мероприятий в деле обеспечения безопасности горных работ и горноспасательного дела в угледобывающей промышленности СССР.

Ключевые слова: горнодобывающая промышленность; ВСНХ; Донбасс; безопасность горных работ; горноспасательное дело; охрана труда.

Образование в 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик является одним из самых значимых событий в российской истории, влияние которого на ход дальнейшего развития советского общества является всеобъемлющим. Построение нового советского государства в соответствии с социалистическими принципами федерализма оказывало всестороннее воздействие и на развитие системы национальной безопасности, неотъемлемой частью которой являлось обеспечение государством промышленной безопасности опасных производственных объектов в горнодобывающей промышленности СССР.

Тема остается актуальной для нас и через 100 лет после образования СССР, что подтверждается недавними трагическими событиями, связанными с аварией на Кузбассе в ноябре 2021 г., в результате чего погибли 46 шахтеров и 6 горноспасателей. На территории Донецкой Народной Республики все горнодобывающие предприятия находятся под постоянным огнем украинских вооруженных сил и являются источником возникновения аварий, способных привести к массовой гибели людей.

Вопросы развития советской общегосударственной системы безопасного ведения подземных горных работ и горноспасательного дела периода 1922–1927 гг., в том числе и на Донбассе, не стали предметом исторического исследования отечественных ученых, тем самым, обозначив научную новизну данного исследования. Только в воспоминаниях ветеранов горноспасательной службы В.М. Вяльцева [1], Г.Г. Соболева [2] имеются факты, указывающие на значительную роль донбасской горноспасательной школы в процессе становления основ и принципов советского горноспасательного дела.

Целью исследования является изучение причин и последствий принятых советским правительством мер по регулированию системы обеспечения безопасности горных работ и горноспасательного дела СССР для горнодобывающей промышленности Донбасса периода 1922–1927 гг.

Новые методы экономического хозяйствования в РСФСР и связанные с этим в начале 1920-х гг. изменения в организации горного производства непосредственно влекли за собой преобразования в смежных отраслях, в том числе в горноспасательном деле, весомость которого в общем деле восстановления угольного

хозяйства Донбасса, этой Всероссийской кочегарки росла с каждым днем. Можно сказать, что к началу 1922 года, благодаря в основном усилиям Б.Ф. Гриндлера, в Донбассе была восстановлена и выстроена новая работоспособная система советского горноспасательного дела, а Донбасс стал опытной площадкой в разработке научных основ и техники по спасению людей, во внедрении новых форм и методов оказания профилактической и оперативной помощи горноспасателями при подземных авариях в угольных шахтах. Уже в ноябре 1921 г. на Донбассе были созданы организационно-технический и производственный отделы Центрального управления горноспасательными станциями (ЦУГС) РСФСР, насчитывавшие 49 сотрудников, а административный отдел ЦУГС располагался в г. Москве при Главном управлении горной промышленности (ГУГП) ВСНХ РСФСР [3].

Итогом большой организационной работы советского правительства по приведению к действующим нормам положения с безопасностью труда шахтеров и состояния горноспасательного дела в угольных бассейнах страны, в том числе и в Донецком каменноугольном бассейне, стало создание в 1921 году специального комитета, получившего название Горного надзора, на который СНК РСФСР возложил обязанности осуществления строгого контроля за соблюдением техники безопасности на шахтах и промышленных предприятиях, а также руководство деятельностью горноспасательных и испытательных станций всего РСФСР, к числу которых были причислены спасстанции Донбасса. Проведенной зимой 1922 г. реорганизацией управления горноспасательным и испытательным делом все спасстанции Донбасса и Криворожья, а также школа инструкторов и монтеров горноспасательного дела им. Н.Н. Черницына, действовавшая на базе Центральной Макеевской спасстанции, были объединены под руководством горного инженера В.М. Шевелева. Приказом ГУГП ВСНХ РСФСР ЦУГС было упразднено, и при Главном Управлении Горного Надзора (ГУГН) образован Горноспасательный и испытательный отдел под руководством Б.Ф. Гриндлера [4].

Вся структура горноспасательных и испытательных станций Донбасса в соответствии с новым Положением о горном надзоре в РСФСР, утвержденным Президиумом ВСНХ 06.04.1922 г., перешла к местным начальникам горных округов, а Центральная Макеевская горноспасательная и испытательная станция была переподчинена напрямую Центральному Управлению Горного Надзора (ЦУГН) РСФСР. Горные округа, входившие в состав Донецкой губернии, были в дальнейшем образованы по промышленному делению, а их распределение по округам осуществлялось Украинским Управлением Горного Надзора. На территории Украинской ССР, а, по сути, на территории Донбасса, на основании пункта 4 Декрета СНК о Горном Надзоре были установлены 12 горных округов: Бахмутский, Лисичанский, Алмазный, Славяносербский, Должанский, Грушевский, Чистяковский, Криндачевский, Горловский, Макеевский, Юзовский, Гришинский [5].

Горноспасательные станции Донбасса к этому периоду были не только восстановлены, но и производили работы по ликвидации подземных аварий. Основой новой организации горноспасательного дела было внедрение «активной системы», т.е. системы с постоянным персоналом людей, профессионально обученных спасательному делу. Данное преобразование являлось значительным достижением по сравнению с дореволюционным порядком формирования спасательных команд. До Октябрьской революции постоянные команды, находящиеся при спасательных станциях, имелись лишь на центральных и групповых станциях. На прочих станциях спасательному делу обучались лишь 1–2 % рабочих и служащих, которые разделялись на две смены и в случае катастроф должны были являться на места спасательных работ [6].

Началом организации советской и российской, в том числе, горноспасательной службы считается 1922 г., когда ВЦИКом и СНК РСФСР 06.07.1922 г. было принято постановление «О горноспасательном деле в РСФСР». Этим постановлением было положено начало организации активной (профессиональной) горноспасательной службы, построенной на принципах централизованного управления. 13.07.1922 года вводится в действие Положение о горноспасательном и испытательном деле РСФСР [7]. Разработанные и введенные в действие нормативно-правовые акты о горноспасательном деле в РСФСР дали возможность организовывать оказание помощи на местах силами горноспасательных команд с привлечением транспортных средств госучреждений и частных лиц. Централизация управления спасательными станциями привела к быстрому разрастанию сети горноспасательных станций: на территории Донецкого каменноугольного бассейна к 1924 году их насчитывалось 21 единица (1920 г. – 14), с составом активного персонала – 426 человек [8].

Однако, слаженной работе горнодобывающих предприятий по обеспечению безопасности при ведении горных работ в период 1922–1927 гг., мешали проблемы, возникавшие в результате неправильного перераспределения и дублирования функций надзора между госорганами СССР. После Октябрьской революции сложилась ситуация, когда функции по охране труда рабочих были переданы в руки самих рабочих – профсоюзам, которые постепенно сформировали инспекцию, получившую право проведения технического и санитарного инспектирования, как того требовали сложившиеся условия труда во всех отраслях промышленности, в том числе и горной. Но специфика проведения горных работ и опасность самого подземного производства требовали от руководителей горных предприятий дополнительных мер по обеспечению безопасности, что в результате привело к организации и осуществлению надзора двумя ведомствами – технической инспекцией Наркомтруда (НКТ) и Горным надзором (ГН) ВСНХ СССР. Оба народных комиссариата независимо друг от друга добились у СНК прав и полномочий на ведение надзора за безопасностью горных работ: ВСНХ – Декретом о Горном надзоре от 30.01.1922 г., а НКТ руководствовались в своей деятельности положениями статьи 134 Кодекса Законов о Труде (КЗоТ) РСФСР издания 1919 г. и статьями 146, 150 КЗоТ РСФСР издания 1922 г. [9]. Нужно отметить, что фактического разграничения функций между двумя ведомствами не существовало, что значительно ухудшало выполнение руководителями предприятий и самими горнорабочими распоряжений по надзору. Предприятиям зачастую приходилось выполнять распоряжения, которые противоречили друг другу, то же самое было по срокам исполнения и по привлечению к ответственности за невыполнение предписаний надзорных органов. Предприятия оказывались в ситуации, когда даже мелкое требование приходилось иногда по несколько раз повторять или прибегать к судебному разбирательству. В таких условиях выстроить правильные взаимоотношения с хозяйственными организациями по улучшению состояния техники безопасности было невозможно [10]. Таким образом, были созданы условия двойного надзора за соблюдением безопасности в горной промышленности, а во всех других отраслях надзор за безопасностью работ осуществлялся только органами техинспекции НКТ.

Развитие общегосударственных мер регулирования обеспечения безопасности подземных горных работ и горноспасательного дела особенно в период НЭПа нашло свое отражение в резолюциях отраслевых хозяйственных съездов работников горной промышленности, которые организовывались ВСНХ с целью выяснения положения промышленности, установления тесной связи с общегосударственными, областными и местными объединениями и предприятиями, а также способствовали выработке

необходимых мероприятий в деле восстановления горной промышленности и перспектив ее развития [7, с. 106-108].

На повестке дня таких съездов проблемы Донбасса были первостепенными. Только за период августа-ноября 1922 г. в г. Москве были организованы ВСНХ РСФСР два съезда, рассматривавших итоги работы и производственные программы каменноугольной промышленности в тяжелых условиях перехода от обстановки «военного коммунизма» к НЭПу – III Всероссийский съезд деятелей каменноугольной промышленности и Первый Всероссийский съезд по горной промышленности [11]. Особо интересны материалы Первого Всероссийского съезда по горной промышленности, на котором были рассмотрены вопросы организации и осуществления маркшейдерского и горноспасательного дела, горно-технического надзора по результатам проведенного начальником ЦУГН ГУГП В.Ф. Шкуматовым летом 1922 г. обследования шахт Донбасса [12]. В ходе инспекции были выявлены нарушения, способствовавшие возникновению аварий и травмирования горнорабочих: несоблюдение газового режима (Ново-Смоляниновская шахта Юзово-Макеевского округа); плохое освещение рудников; нарушения при креплении горных выработок (3-й государственный рудник Грушево-Донецкого округа); запущенное состояние откаточных путей, подземных подъемных устройств и оборудования; изношенность подвижного состава рудников; неудовлетворительное состояние электрооборудования; нарушения при использовании котлового хозяйства шахт; нарушения при выемке угля и подготовке новых шахтных полей (шахта «Натансон» и Вознесенский рудник Юзовского округа); неудовлетворительное состояние технических и жилых помещений на рудниках. Сравнительное небольшое количество несчастных случаев, незначительная тяжесть телесных повреждений, полученных потерпевшими в их результате, объяснялись лишь небольшим развитием добычи, а также тем обстоятельством, что часть несчастий не учитывалась в отчетности [13].

Анализируя деятельность горноспасателей Донбасса в начале восстановительного периода, можно сказать, что горноспасательное дело находилось полностью в руках государства и содержалось им, а сеть горноспасательных станций Донбасса была самой многочисленной в РСФСР: Центральная Макеевская станция; районные – Криндачевская, Орлово-Еленовская, Алексанро-Грушевская; 13 подрайонных первого разряда и 7 подрайонных второго разряда. В Криворожском бассейне – 1 районная второго разряда (Шмаковская), которую также обслуживали горноспасатели Донбасса. Управление спасстанциями было такое: подрайонные подчинены районным, а районные – горноспасательным отделам Горных управлений. Трудности финансирования горнодобывающей отрасли, которые выражались, в том числе, и в задолженности по заработной плате перед работниками, отсутствие нормальных социально-бытовых условий проживания сотрудников горноспасательных станций значительно влияли на текучесть квалифицированных кадров горноспасателей, приводили к массовым увольнениям, что в свою очередь снижало боеспособность спасстанций и ослабляло деятельность горного надзора [13]. Кроме того, отсутствие средств передвижения негативно отражалось на оперативности оказания помощи горноспасателями: спасстанции имели 47 голов лошадей при нужде в 130 лошадей; у начальников горных округов вообще не было транспорта, что сводило на нет работу надзора [14]. Разработанная и принятая съездом резолюция содержала в себе необходимые решения проблем отрасли: подготовка кадров горноспасателей для всей РСФСР через усиление роли Макеевской школы инструкторов и монтеров горноспасательного дела им. Н.Н. Черницына; закупка за границей нового

оборудования; расширение сети спасстанций через разработку плана их строительства; использование потенциала высших и средних горнотехнических учебных заведениях для подготовки кадров руководителей спасательного дела высшей квалификации; снятие социальной напряженности в среде спасателей и выплата задолженности по зарплате; обеспечение бесперебойного снабжения спасстанций через хозорганы райуправлений горных районов; установление международных связей советской республики со странами Западной Европы и США в вопросах горноспасательного дела через организацию командировок специалистов за границу для изучения современного состояния горноспасательной и испытательной техники и сбора материалов об усовершенствованиях в этой области; расширение научно-исследовательской и опытно-экспериментальной работы Центральной Макеевской и районных спасстанций, особенно по изучению вопросов о взрываемости пыли и газа, свойств каменноугольных пластов [15].

Образование в декабре 1922 г. федеративного союзного государства СССР, в состав которого на равных правах вошла УССР, не изменило значение Донбасса как главной угледобывающей базы страны. Рудники Управления Государственными Каменноугольными Предприятиями (УГКП), Южно-металлургического треста «Югосталь», гостреста «Химуголь», акционерного общества «Коксобензол», Южно-рудного треста, «Горпромтреста» Донского областного СНХ по-прежнему имели первостепенное значение в общей валовой добыче угля в стране. Декретом от 10.04.1923 г. о государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах), ВЦИК и СНК СССР законодательно вводили в действие нормы, регулирующие организацию и жизнь трестов, имеющих общегосударственное значение, непосредственно подчиненных ВСНХ СССР, к которым относились УГКП, Югосталь, Коксобензол [7, с. 14-18, 45-50].

Подобная ситуация складывалась и в горноспасательном деле Донбасса. Проведенной в мае-июне 1923 г. Рабоче-крестьянской инспекцией (РКИ) Топливной промышленности Донбасса ревизией текущего состояния горноспасательных станций Донбасса г. было установлено, что в мастерских при Макеевской спасстанции идут активно работы по ремонту горноспасательного оборудования, не только для нужд Донбасса. Так, в апреле 1923 г. для Москвы было отремонтировано 7 дыхательных аппаратов Дрегера, изготовлено 15 шт. дыхательных мешков мундштучных, 30 шт. ключей для аппаратов Дрегера и 25 шт. кнопок медных для соединения дыхательных мешков Дрегера [16]. За период 1924–1925 хозяйственного года горноспасателями Донбасса были осуществлены 70 выездов спасательных команд на рудники и шахты страны, из них: 32 – по ликвидации взрывов и других подземных аварий; 22 – техническая помощь рудникам при работах в удушливой атмосфере; 16 – выезды для ликвидации поверхностных пожаров, при которых было спасено 15 человек [17]. Все это свидетельствовало об усилении значения Донбасса в общесоюзном деле развития горноспасательного дела.

Отраслевые хозяйственные съезды по проблемам горнодобывающей промышленности по-прежнему сохраняли ведущую роль в выработке мероприятий по предотвращению возникновения аварий на шахтах и роста травматизма среди горнорабочих Донбасса. Так, в феврале 1924 г. в г. Макеевке состоялся съезд инженеров рудников треста Югостали (Макеевский, Петровский, Юзовский рудники), который был экстренно созван руководством треста в связи с ухудшением состояния обеспечения безопасности горных работ на газовых и пыльных шахтах треста. Участники съезда констатировали, что обеспечить процесс восстановления шахт и

одновременно безопасность работ в них не возможно, так как при увеличении нагрузки возникает угроза возможных катастроф с массовыми человеческими жертвами. Выявленное съездом состояние безопасности горных работ не являлось специфическим для рудников треста Югостали и характеризовало весь Донбасс [18].

Сложившееся положение требовало принятия государством более решительных мер по обеспечению безопасного ведения подземных горных работ, и Горный отдел ВСНХ СССР инициировал в Донбассе весной 1925 г. обследование всех газовых и пыльных шахт и горноспасательных станций, результаты которого были представлены на созванном в г. Горловке Первом Донецком съезде по безопасности горных работ. Это был первый специальный съезд, который объединил представителей: Горных Отделов ВСНХ СССР, УССР и Северо-Кавказского краевого СНХ, Горного Надзора, профсоюзов горняков и металлистов, Инженерно-Технических Секций ВСГ, трестов Донугля (бывшее УГКП), Югостали, Химугля, Транспорткопи, Московской Горной Академии, Ленинградского и Екатеринославского горных институтов, Сталинского горного института, Донского Политехникума, Наркомтруда, Наркомздрава, начальников горных округов и районных горноспасательных станций Донбасса, Научно-Технического Совета ВСНХ, научных деятелей горного дела. Общее количество принявших участие в съезде – 91 человек. Программой съезда были предусмотрены доклады по общим вопросам безопасности работ в каменноугольных рудниках, спецдоклады по горноспасательному делу и по вопросам применения и испытания взрывчатых веществ, предохранительных ламп и др. Участие горноспасательных станций в деле охраны жизни горнорабочих, их роль при ликвидации катастроф и оказание технической помощи горнопромышленным предприятиям при работе в душливой атмосфере - важные факторы в деле охраны безопасности работ, поэтому вопросам горноспасательного дела было отведено на съезде значительное место. Усовершенствование системы организации горноспасательных станций, как неотъемлемой части всей системы горноспасательного дела, также вошло в круг вопросов съезда [19]. Особое внимание делегатов съезда привлекли доклады, сделанные представителями ГО ВСНХ СССР – проф. А.А. Скочинским «О статистике несчастных случаев в каменноугольной промышленности СССР и в Донбассе в частности», горн. инж. Д.Г. Левицким «Исследования воспламеняемости каменноугольной пыли и взрывчатых веществ и программа испытаний Макеевской спасстанции», горн. инж. Б.Ф. Гриндлер «Тактические моменты в вопросах ликвидации катастроф и работ респираторных команд в рудниках». Горноспасатели Донбасса подняли в своих докладах самые актуальные темы: горн. инж. И.М. Печук «О регенеративных патронах к горноспасательным аппаратам и организации производства их в СССР»; горн. инж. Р.А. Селецкий «Об организации и состоянии горноспасательного дела в Донбассе и перспективы развития его в СССР»; горн. инж. А.И. Гармаш «Основы конструкции горноспасательных аппаратов и подбора респираторных команд; проф. А.П. Нечаев «Об экспериментально-психологическом обследовании рабочих горного дела на основании опыта испытания членов спаскоманд»; горн. инж. И.А. Пешехонов «О формах практических работ спасстанций»; горн. инж В.Д. Талалаев «Об оживляющих аппаратах и о применении их в работе по ликвидации катастроф в рудниках»; горн. инж. Ф.А. Шебунин «О работе при высокой температуре, применительно к задачам горноспасательного дела» [20].

Съезд указал на необходимость принятия срочных мер к восстановлению оборудования и приспособлений, служащих для обеспечения безопасности работ в

рудниках; создание рациональных условий для работы техперсонала шахт по технике безопасности; усиление местного шахтного надзора за безопасностью и разработки научных методов учета несчастных случаев и их расследования в органах госнадзора; вовлечение широких масс горнорабочих в дело охраны их труда; наметил меры по усилению горноспасательного дела; создание центрального и украинского Советов по безопасности – совещательного органа для объединения всех государственных надзорных органов [20, с. 428-429, 437-438].

Главным итогом работы съезда стало сплочение в Донбассе широких масс советской общественности вокруг проблемы безопасного ведения подземных работ и горноспасательного дела, как неотъемлемой части системы государственного контроля и надзора. Реализация мер по повышению безопасности горных работ, намеченных Донецким съездом, зависела от слаженной работы всех заинтересованных ведомств. Уже 14.09.1925 г. состоялось первое заседание Совета по безопасности горных работ при ГО ВСНХ (председатель – В.М. Свердлов, заместитель – проф. А.А. Скочинский), на котором Б.Ф. Гриндлер, начальник отдела Горного Надзора ГО ВСНХ СССР инициировал обследование в октябре-ноябре 1925 г. газовых рудников Донбасса комиссией из представителей Наркомтруда, ЦК Союза Горнорабочих и Наркомздрава и одновременное ознакомление с организацией медицинской помощи, горноспасательного дела и санитарного состояния. 05.10.1925 г. на очередном заседании Совета по безопасности горных работ был представлен вопрос о реализации мер безопасности горных работ, которые были намечены Донецким съездом: внесение изменений в Правила безопасности при ведении горных работ редакции 1915 г. и создание рабочей группы по подготовке новой редакции; командировка двух специалистов горного дела за границу с целью обмена опытом в вопросах поиска методов борьбы с каменноугольной пылью, исследования свойств взрывчатых веществ, применения электромоторов в рудниках, закупка новых респираторов для горноспасательных станций; внедрение системы предложений по безопасности на горных предприятиях [21].

После смерти В.И. Ленина целенаправленно велась политика свертывания НЭПа, что было обусловлено ростом влияния И.В. Сталина и его административно-командных методов государственного управления, в том числе и в экономике. В декабре 1925 г. XIV съезд ВКП (б) вынес решение о необходимости ускоренными темпами развивать тяжелую индустрию. Это потребовало строительства предприятий тяжелой индустрии, в том числе и горной промышленности. Бурный рост народного хозяйства предъявил новые повышенные требования к угольной промышленности и горноспасателям Донецкого бассейна. Планом на 1925–1926 год была предусмотрена добыча каменного угля в объеме 1 млрд. 520 млн. пуд. по СССР, по Донбассу – 1 млрд. 197 млн. пуд., что давало общее увеличение добычи по сравнению с 1924–1925 годом на 51 %, а по Донбассу – на 55 % [22]. На 1925-26 хозяйственный год, с учетом реализации мер безопасности горных работ, которые были намечены Донецким съездом, были запланированы мероприятия: по расширению сети спасстанций СССР – 6 новых, в том числе на Донбассе – 2; обеспечение спасательным оборудованием и транспортом; реконструкция Макеевского кислородного завода; капитальный ремонт жилья горноспасателей; выделение средств на научные изыскания Центральной Макеевской. В общем, финансирование горноспасательного и испытательного дела в СССР исчислялось в следующих цифрах: 1924–1925 год – 704 тыс. руб., а в 1925–1926 году – 1 млн. 200 тыс. руб. [17]. Увеличение расходов на содержание горноспасателей практически вдвое отражало заинтересованность государственных хозяйственных

структур в усилении горноспасательной службы как одного из факторов безопасности ведения горных работ и, как следствие, обеспечивающего бесперебойную добычу топлива [23].

06.01.1926 г. по докладу комиссии ГО ГЭУ ВСНХ СССР, обследовавшей осенью 1925 г. 112 шахт, входивших в состав 22 рудоуправлений Донугля, 3 – Югостали, 2 – Химугля и Никитовской группы Транспорткопи, на заседании Совета по безопасности горных работ были сделаны указания о составлении общего плана работ по приведению рудников в безопасное состояние с установлением календарных сроков проведения мероприятий и составлением сметы на расходы для предприятий в дополнение к кредитам, предусмотренным производственными программами текущего операционного года, в том числе и по спасстанциям [24].

23.02.1926 г. в Макеевке состоялся созванный Югосталью Второй Макеевский съезд по безопасности газовых шахт, на котором были рассмотрены результаты обследования в ноябре 1925 г. газовых рудников Донбасса двумя комиссиями ГО ВСНХ СССР и Наркомтруда СССР, а также ход выполнения постановлений Первого Макеевского съезда по безопасности газовых шахт Югостали и Первого Донецкого съезда по безопасности горных работ. Съезд констатировал отсутствие положительной динамики по устранению недостатков в обеспечении безопасности на шахтах, а также в работе горноспасательных станций. Был вновь подтвержден тезис о необходимости периодического проведения подобных съездов. Кроме того, одним из самых важных моментов работы данного съезда было решение, вынесенное в ходе обсуждения доклада Главного горнотехнического инспектора НКТ СССР В.Л. Биленко о наделении правом созыва съездов Межведомственного совета по охране труда горнорабочих при НКТ СССР, созданного 09.02.1926 г. по инициативе В.Л. Биленко и при поддержке ВСНХ СССР [25]. Опыт проведения Первого Донецкого и Макеевских съездов доказал, что такие мероприятия прокладывают основной путь к безопасности горных работ и развитию горноспасательного дела не только в Донбассе, но и во всем СССР.

Нужно отметить, что в обмене мнениями по вопросам научно-технических достижений в горном деле формат съезда, проводившегося под патронатом государства, был использован еще в дореволюционной России: съезд деятелей горного дела, металлургии и машиностроения (1910 г., г. Екатеринослав) и съезд общества горных инженеров (1913 г., г. Санкт-Петербург). В СССР первым подобным мероприятием такого уровня стал созванный ГО ГЭУ ВСНХ СССР в апреле 1926 г. Первый Всесоюзный горный научно-технический съезд. Инициатором созыва съезда еще в декабре 1924 г. выступил ЦК Союза Горнорабочих СССР совместно с Центральным Бюро инженерно-технических секций (ИТС). До того проводились съезды хозяйственные, ведомственные, промышленные и профессиональных союзов, на которых рассматривались отдельные вопросы горной промышленности. Как отмечал в обращении к съезду председатель ИТС ВСНХ СССР В.М. Свердлов, его основной задачей является определение перспектив, усовершенствований и методов ведения горного хозяйства, освобождение от иностранной зависимости, в том числе в области охраны труда, где главным принципом является сама охрана здоровья и жизни трудящихся [26].

Особо ярко на Первом Всесоюзном Горном Научно-Техническом съезде, который проходил в г. Москве в апреле 1926 г. проявилось противостояние ГО ВСНХ СССР (Б.Ф. Гриндлер) и НКТ СССР (В.Л. Биленко) за главенствующую роль в осуществлении надзора за безопасностью горных работ, т.к. в феврале 1926 г. был организован Межведомственный совет по охране труда горнорабочих при НКТ

СССР, а Совет по безопасности горных работ при Горном отделе ГЭУ ВСНХ СССР был упразднен с полной передачей своих функций. Первый Всесоюзный Горный Научно-технический съезд вынес постановление об оставлении функций надзора за безопасностью горных работ исключительно в органах ВСНХ [27].

Дублирование надзора за безопасностью горных работ препятствовало его четкой организации и осуществлению запланированных мероприятий по приведению техники безопасности на шахтах Донбасса и горноспасательного дела в надлежащее состояние. Первым шагом к решению проблемы было принятое 25.05.1926 г. по инициативе В.Л. Биленко Постановление СНК СССР «О разграничении функций органов горного надзора и инспекции труда». Как пишет сам В.Л. Биленко, это была попытка правительства принять соглашение между ВСНХ и НКТ в вопросах надзора, в результате которой за НКТ закреплялись функции по привлечению к ответственности нарушителей техники безопасности и горных предприятий, допустивших у себя несчастные случаи. Горный надзор был наделен правом привлечения к ответственности хозорганов за неправильное ведение горных работ, которые повлекли за собой экономические убытки государства. Предписания, выдаваемые горным надзором для устранения нарушений, могли быть опротестованы и отменены инспекцией труда, что сказывалось на принижении значения органов надзора для предприятий, которые, в свою очередь, принимали в этом споре ту сторону, которая была к ним более лояльной [28].

В условиях роста добычи угольного топлива для нужд советской республики негативные факторы обеспечения безопасного ведения подземных горных работ, установившиеся на угольных предприятиях Донбасса, становились решающими в выполнении запланированных производственных программ. Усиление надзора со стороны государства за ростом травматизма на горнодобывающих предприятиях соответственно усиливало позиции НКТ по охране жизни и здоровья горнорабочих [29]. Законотворческая работа НКТ СССР по устранению дублирования функций надзора в конечном итоге привела к соглашению между НКТ и ВСНХ и принятию СНК 19.05.1927 г. Постановления «О передаче НКТ СССР, союзных республик и их местным органам функций по надзору за безопасностью горных работ и горноспасательному делу». В соответствии с данным постановлением, все функции, возлагаемые на органы Горного Надзора ВСНХ и союзных республик в области надзора за безопасностью горных работ, общего руководства работой горноспасательных и испытательных станций и контроля и надзора за этими станциями, передавались с 1-го апреля 1927 года НКТ СССР и союзных республик местным отделам труда и инспекции труда по принадлежности. Оперативное руководство горноспасательными станциями оставалось в ведении ВСНХ СССР и союзных республик по принадлежности. Бюджетные ассигнования, выданные органам горного надзора для осуществления общего руководства работой горноспасательных и испытательных станций, передавались со смет ВСНХ республик на сметы НКТ с одновременной передачей аппарата горного надзора. Была осуществлена передача НКТ СССР с 1-го апреля 1927 г. всех функций, возложенных на ВСНХ СССР по руководству и надзору в области безопасности горных работ с одновременной передачей части кадрового состава, Центральной Макеевской спасательной и научно-исследовательской станции, денежных кредитов ВСНХ СССР [30]. Дата выхода постановления считается днем рождения Главной горнотехнической инспекции, положение о деятельности которой было вскоре принято, а возглавил ее В.Л. Биленко. Подобные инспекции были созданы на местах в июле-сентябре 1927 г., в том числе в УССР и на Донбассе [31].

Таким образом, можно сказать, что в период восстановления угольной промышленности СССР в 1922–1927 гг. Донбасс был центром сосредоточения основных производительных сил и являлся главной научной площадкой в деле создания основ государственной политики по обеспечению безопасного ведения подземных горных работ и горноспасательного дела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вяльцев В.М., Вяльцев А.В., Кондаков К.В., Фролов А.В. Становление горноспасательного дела в Донбассе. Исторический очерк // Безопасность жизнедеятельности: Приложение. – № 3. – 2014. – С. 2-6.
2. Соболев Г.Г. Горноспасатели / Г.Г. Соболев. – М.: Недра, 1991. – 289 с.
3. ГА ДНР. – Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 1. Л. 170 – 170об.
4. ГА ДНР. – Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 14. Л. 1. Л. 2 - 2об. Л. 3 - 3об. Л. 9 – 10. Л. 20. Л. 22.
5. История горного надзора в документах XIX-XX веков / Под ред. В.В. Грицкова, АНО «Маркгеоаудит и консалтинг» - М.: 2004. – С. 135-155.
6. Труды Первого Всесоюзного съезда по безопасности горных работ под ред. Е.С. Гендлера. – М.: Гострудиздат, 1930. – С. 355-363.
7. - Промышленная Россия. 1923-24 гг. Справочник. – Петроград: Гостипография им. Е. Соколовой. – С. 65-73.
8. Победоносцев С.Н., Егоров Д.В. Горное законодательство за пять лет революционного строительства (обзор) // Горный журнал. – № 1-7. – 1923. – С. 1-6.
9. Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции от 12.03.1922 г. № 13. Декрет СНК О горном надзоре. – С. 230-231.
10. Колодяжный А. О роли Горного Надзора в отношении безопасности горных работ в современных условиях // Горный журнал. – № 11. – 1926. – С. 744-746.
11. 3-й Всероссийский съезд деятелей каменноугольной промышленности // Горный журнал. – № 6-9. – 1922. – С. 313-316.
12. Горный журнал. – № 10-12. – 1922 г. – С. 376..
13. Обзор деятельности горного надзора. Стенограмма речи начальника ЦУГН ГУГП В.Ф. Шкуматова. // Горный журнал. – № 10-12. – 1922. – С. 381-383, 482-483.
14. ГА ДНР. - Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 13. Л. 42-44 об.
15. Резолюция по докладу ЦУГН // ГЖ. – № 10-12. – 1922. – С. 492-493.
16. ГА ДНР. – Ф, Р-2346. Оп. 1. Д. 76. Л. 1-1об.
17. Спасательное дело в СССР // Горный журнал. – № 10. – 1925. – С. 895.
18. К предстоящему съезду по вопросам безопасности работ в каменноугольной промышленности Донбасса // Горный журнал. – № 4. – 1925. – С. 237-240.
19. Гармаш А. Итоги съезда по безопасности горных работ в Донбассе // Горный журнал. – № 6. – 1925. – С. 470-474.
20. Труды 1-го Донецкого съезда по безопасности горных работ. – Центральное управление печати ВСНХ СССР. Москва, 1926 г. 442 с. – С. 34-61, 186-412.
21. Совет по безопасности горных работ. // Горный журнал. – № 9. – 1925. – С. 791.
22. Федорович И.И. Новый этап строительства в Донбассе // Горный журнал. – № 10. – 1925. – С. 816-820.
23. Гриндлер Б.Ф. О состоянии техники безопасности на рудниках Донецкого бассейна // Горный журнал. – № 1. – 1926. – С. 53-58.
24. В Совете по безопасности горных работ при Горном отделе ГЭУ ВСНХ СССР // Горный журнал. – № 2. – 1926. – С. 177.
25. Биленко В.Л. Второй Макеевский съезд по безопасности газовых шахт Югостали // Горный журнал. - № 5. – 1926. – С. 364-368.
26. Свердлов В.М. Основные задачи Первого Всесоюзного Горного Научно-Технического съезда. // Горный журнал. – № 4. – 1926. – С. 259-260.
27. Первый Всесоюзный горный научно-технический съезд. 14-27 апреля 1926 г. – Том II. Издание Акционерного общества «Промиздат». – Москва-Ленинград, 1927. – 170 с. – С. 129-131.
28. Биленко В.Л. Организационные вопросы в деле надзора за безопасностью горных работ // Горный журнал. – № 3. – 1927. – С. 224-229.
29. Мостославский Г.И. Катастрофы в горной промышленности Украины в 1927/28 и 1928/29 гг. – М. : Гострудиздат, 1930. – 32 с.

30. Постановление СНК СССР от 19.05.1927 г. «О передаче НКТ СССР, союзных республик и их местным органам функций по надзору за безопасностью горных работ и горноспасательному делу». Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства СССР, издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. 1927 г. № 40 Ст. 294.
31. Князева Л.К. Центральное управление горного надзора. Госгортехнадзор СССР надзора. 1918-1991 гг. // Безопасность труда в промышленности. – 2004. – № 12. – С. 2-7.

Поступила в редакцию 02.03.2022 г.

STATE POLICY OF THE USSR TO ENSURE THE SAFETY OF MINING AND MINE RESCUE IN THE DONBASS IN 1922–1927

A. V. Pavlova

The article reveals the main issues of the state policy of the USSR to create a unified system for ensuring the safe conduct of underground mining and mine rescue in the period 1922-1927. The author analyzed the materials of the State Archive of the DPR, industry scientific journals, static collections, collections of proceedings of economic and scientific congresses on this issue. The role of Donbass as a center for developing the necessary measures to ensure the safety of mining operations and mine rescue in the coal mining industry of the USSR has been studied step by step.

Key words: mining industry; VSNKh; Donbass; mining safety; mine rescue business; occupational Safety and Health.

Павлова Ангелина Витальевна

аспирант кафедры отечественной и региональной истории ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР
E-mail: angelina.pavlov@yandex.ru

Pavlova Angelina Vitalievna

postgraduate student, chair of native and region history, Donetsk National University, Donetsk, DPR.
E-mail: angelina.pavlov@yandex.ru

УДК 94:271.2-9:32.019.5

ПРАВОСЛАВИЕ НА УКРАИНЕ В 2018–2021 гг.: ДИСКРИМИНАЦИОННЫЕ ЗАКОНЫ И ПРИТЕСНЕНИЯ

© 2022. Д.В. Посредников
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье проанализирована конфессиональная политика Украины, проводимая при президенте В. Зеленском. Украинская Православная Церковь Московского Патриархата, являясь крупнейшей религиозной организацией Украины, подверглась дискриминации со стороны украинского государства. Конфессиональная политика, интегрированная в курс национально-государственного строительства, предполагала вытеснение из Украины канонического православия и всего русского, подготовила для этого законодательную базу и приступила к практическим мерам по реализации.

Ключевые слова: конфессиональная политика, ПЦУ, религия, УПЦ, Украина.

Актуальность проблемы обусловлена тем фактом, что Украинское государство, упорно не замечая наличие у многих крупных религиозных организаций Украины руководящих центров за рубежом, задолго до описываемого периода обрушило обвинения в «непатриотизме» исключительно в сторону УПЦ. В 2018–2021 гг. был принят ряд антиконституционных законов, вследствие чего возросло количество уголовных преступлений на религиозной почве и судебных процессов по обжалованию актов органов государственной власти.

Цель: выявить основные тенденции государственной конфессиональной политики Украины по отношению к Украинской Православной Церкви в 2019–2021 гг.

В сфере законодательства, прежде всего, речь идет о Законе Украины № 2662-VIII от 20.12.2018 г. «О внесении изменения в статью 12 Закона Украины «О свободе совести и религиозных организациях»...», в котором прописано, что «Религиозная организация... руководящий центр (управление) которой находится за пределами Украины... обязана... в своем названии... отразить принадлежность к религиозной организации (объединению) за границами Украины путем обязательного воспроизведения в своем названии полного уставного названия такой религиозной организации (объединения) с возможным добавлением слов «в Украине» и/или обозначения своего места в структуре иностранной религиозной организации» [1].

Здесь очевидно, что в ситуации нагнетания антироссийской истерии, с особой силой разгоревшейся в украинском обществе вместе с началом гражданской войны на востоке Украины в 2014 г., по замыслу авторов Закона, данная мера должна «стимулировать» руководство УПЦ или публично отмежеваться от Московской патриархии или юридически обозначить УПЦ религиозной организацией с центром в Москве. Расчет делался на созревшие русофобские настроения, затем должен был последовать отток верующих из УПЦ в ПЦУ и «добровольное» переподчинение приходов, сопровождаемое расколом в руководстве УПЦ.

В Законе Украины № 2673-VIII от 17.01.2019 г. [2], подписанным уходящим президентом П. Порошенко, статья 8 гласит: «Решение об изменении подчиненности... принимается не менее чем двумя третями от числа членов религиозной общины...». Данный пункт используется для проведения рейдерских захватов храмов посредством подвоза «активистов» из праворадикальных организаций, которые по прибытию к какому-либо храму УПЦ проводят «собрания» «прихожан». «Положительное решение»

прихода становилось основанием для жесткого выдворения клириков УПЦ из храма с юридическим оформлением «добровольного» перехода в ПЦУ.

18.02.2021 г. на рассмотрение Верховной Рады Украины народными депутатами Украины П.А. Порошенко, И.В. Геращенко и другими был подан законопроект № 5101 о внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины (относительно запрета производства и распространения информационной продукции, направленной на пропаганду действий государства-агрессора). Проект предлагал дополнить ч. 1 ст. 16 Закона Украины «О свободе совести и религиозных организациях» дополнением: «в случае установления судом фактов совершения религиозной организацией действий, направленных на: ликвидацию независимости Украины, изменение конституционного строя насильственным путем, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства ... отрицание вооруженной агрессии Российской Федерации против Украины, начатой в 2014 году» [3]. По мнению украинского государственного и религиозного деятеля Ю. Решетникова, «указанные основания достаточно манипулятивные. Несмотря на то, что авторы законопроекта руководствовались своей ненавистью относительно УПЦ, предложенные ими основания для прекращения деятельности религиозной организации в судебном порядке могут быть применены к значительному количеству религиозных организаций других вероисповеданий. Следовательно, принятие указанного законопроекта является опасным и таким, что несет угрозы для соблюдения свободы совести и деятельности религиозных организаций в соответствии с внутренним уставом» [4].

Законопроекты № 5143 от 24.02.2021 и № 5144 от 24.02.2021 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты (относительно установления уголовной ответственности за коллаборационистскую деятельность)» создают правовые условия для ликвидации юридических лиц, уполномоченные лица которых сотрудничали с государством-агрессором [5].

В ч. 4 ст. 16 Закона Украины «О свободе совести и религиозных организациях» (Ведомости Верховного Совета РСФСР (ВВР), 1991, №25, ст. 283), в п. 5 предлагается внести следующее дополнение: «осуждение ее уполномоченных лиц за совершение уголовного правонарушения против основ национальной безопасности Украины, предусмотренного статьей 111-1 Уголовного кодекса Украины» [6].

25 марта 2021 г. президент Украины своим Указом ввел в действие решение СНБО «О Стратегии военной безопасности Украины», в котором Россия объявлялась врагом, представляющим непосредственную угрозу безопасности Украины [7].

В апреле 2021 г. от фракции «Слуга народа» на рассмотрение Верховной Рады поступил законопроект №5385, который предлагал отменить право религиозных организаций на постоянное землепользование, заставить их участвовать в торгах, использовать земли платно на правах аренды [8]. Данная мера, с учетом опыта захватов храмов УПЦ при содействии местных администраций, ставила под вопрос землепользование всеми храмами и монастырями УПЦ.

В 2021 г. законотворцы продолжили придумывать новые меры, чтобы заставить УПЦ изменить название. Так, А.Резников (в августе 2021 г. занимал пост министра по вопросам реинтеграции), рассказал, что согласно «Закона об основах государственной политики переходного периода» [9], УПЦ должна будет в официальных документах закрепить, что является дочерней организацией Русской Православной Церкви [10]. Одновременно украинские пропагандисты начали называть УПЦ «так называемая» Украинская православная церковь или «РПЦвУ».

Лидеры раскола из ПЦУ и УПЦ КП не отстали от светских властей, предлагая изощренные схемы для ликвидации УПЦ. Так, в начале 2021 г., спикер ПЦУ Евстратий

(Зоря) в комментариях в Facebook провокационно заявил, что Филарет уверен, что в ближайшее время Москва даст настоящую автокефалию УПЦ и Патриарх Филарет будет «Патриархом этой настоящей автокефальной церкви». Для этого нужно лишь «дождаться» и «не уступить» [11].

В докладе «Мониторинг религиозной свободы в современном мире» за 2020 г. отмечается, что европейской страной с наиболее частыми случаями физического насилия в отношении каких-либо представителей религиозных общин является Украина, где «сторонники ПЦУ занимаются рейдерскими захватами храмов Украинской православной церкви, нападают на верующих» [12].

В результате рейдерских захватов, проведенных ПЦУ в 2018–2022 гг. у УПЦ отторгнуто более 500 храмов (по версии главы ПЦУ Епифания (Думенко) – 700 [13]). За 2019–2021 гг. добровольно перешло 42 прихода УПЦ. Председатель Юридического отдела УПЦ по данному поводу рассказал, что: «Мы подали около 400 судебных исков по защите своих прав, а также было открыто около 250 уголовных производств в связи с незаконными действиями, которые направлены на захват храмов и незаконную перерегистрацию религиозных общин УПЦ» [14].

УПЦ предпринимала попытки бороться за свои права, и, по сути, за сохранение законности в Украине. В декабре 2020 г. Синод УПЦ от имени епископата, священников и мирян обращался к властям Украины с целью обратить их внимание на факты дискриминации УПЦ, но ответа не получил. По этой причине, по словам главы Синодального информационно-просветительского отдела УПЦ митрополита Нежинского и Прилукского Климента, «верующие взяли дело в свои руки» и во всех епархиях Украинской Православной Церкви было собрано 1.060.238 подписей под обращениями к Президенту, Верховной Раде и Кабинету Министров.

22 февраля 2021 г. Украинская Православная Церковь в Киево-Печерской Лавре провела съезд представителей захваченных храмов. На съезде присутствовало 338 священнослужителей и верующих из 14 областей Украины, наиболее пострадавших от рейдерских действий со стороны сторонников «ПЦУ». Предстоятель УПЦ митрополит Киевский и Всея Украины Онуфрий сказал: «Пребывает ли Божья благодать там, где царит ложь, насилие и агрессия к своим ближним? Откровенные ответы на эти вопросы не только расставляют все на свои места, но и однозначно объясняют, почему верующие люди на фоне провокационных заявлений о новых «волнах» так называемых «переходов» продолжают сохранять верность Господу и Его Святой Церкви» [15]. Участники съезда приняли обращения к представителям власти Украины – президенту В.А. Зеленскому, премьер-министру Д.А. Шмыгалю, председателю Верховной Рады Д.А. Разумкову и депутатам. В обращениях говорится: «...будучи самой большой религиозной общиной Украины, мы, к сожалению, теряем надежду на обеспечение права на свободу вероисповедания органами государственной власти и ее высшего руководства. Действующее законодательство, которое должно регулировать религиозные правоотношения в государстве, наоборот усиливает раскол в обществе, разделяет людей на своих и чужих, что приводит к увеличению количества межконфессиональных противостояний, усилению религиозной вражды и конфликтов в государстве» [14]. Обращаясь к главе государства В.А. Зеленскому, делегаты съезда УПЦ подчеркнули: «Уважаемый господин Президент, мы – народ, граждане единого государства Украина, – глубоко обеспокоены тем, что действующая государственная политика направлена против миллионов верующих граждан, принадлежащих к Украинской Православной Церкви» [16].

1 апреля 2021 г. в Киеве прошла пресс-конференция «Обращение верующих Украинской Православной Церкви к власти» под председательством митрополита

Клименту. По ее окончании прихожане УПЦ пришли к Офису президента с обращением с требованием отменить закон об изменении названия УПЦ. Коробки с подписями прихожан со всех регионов Украины под обращением с требованием отменить закон о переименовании церкви пронесли мимо Кабинета министров и комитетов Верховной Рады. Президент, правительство, депутаты проигнорировали обращение более миллиона подписантов-граждан Украины [17].

По мнению политолога, редактора портала Katehon.ru А. Малера, лично В. Зеленский «со скепсисом относился к автокефальному проекту. Он в принципе мало что понимает в церковной теме. И долгое время от нее дистанцировался. Но сейчас мы видим заигрывание, как с националистами, так и с ПЦУ» [18]. В оценке других представителей власти, как ситуацию прокомментировал депутат ВР Р. Павленко, съезд представителей «приходов захваченных храмов» УПЦ – это попытка давления на судебную ветвь власти и покушение на государственную безопасность [19].

Уже 6 апреля 2021 г. Верховный Суд Украины рассматривал дело №910/10011/19 о силовом захвате храма УПЦ в с. Сутковцы Хмельницкой области, который произошел в 2019 г. В феврале 2020 г. настоятель и прихожане храма обратились в хозяйственный суд г. Киева с иском, по которому было принято решение в их пользу, что утвердил и апелляционный суд. Тогда Верховный Суд отменил эти решения и 5 мая 2021 г (дата – по сообщению в Едином реестре судебных решений) узаконил рейдерство. Прецедент был создан. Последовали громкие заявления главы ПЦУ Епифания (Думенко) о том, что впервые высшей судебной инстанцией Украины была подтверждена законность перехода подчинения УПЦ в юрисдикцию ПЦУ [20].

Более того, Епифаний (Думенко) заявил, что согласно томосу об автокефалии, все православные приходы в стране принадлежат ПЦУ. «Сейчас и Киево-Печерская лавра, и другие национальные святыни временно находятся в духовной оккупации, но мы верим, что они будут принадлежать признанной поместной Украинской православной церкви». «Согласно томосу, согласно разъяснениям патриарха Варфоломея, все православные приходы в Украине принадлежат ПЦУ» [21].

Но, несмотря на самоуверенность главы ПЦУ и безнаказанность проводимых захватов храмов УПЦ, «религиозного объединения» страны не произошло. Томос не пояснял, как решать проблему параллельных епархий в ситуации при перераспределении храмов УПЦ КП и УАПЦ (29.07.2019 УАПЦ прекратила существование юридически). На практике, в 2019 г. в Черновицкой области верующие из УАПЦ и УПЦ КП не поделили несколько храмов, в результате их забрали греко-католики. В Одессе настоятель храма Рождества Христова (УАПЦ) решил перейти в УПЦ КП. Но государство благоволило ПЦУ. Произошла потасовка с участием радикалов и полиции. Подобных случаев немало. Воцарившийся хаос, безусловно, раздражал руководство ПЦУ. В ПЦУ одни упрекали Епифания (Думенко) за отсутствие авторитета, другие пеняли на светскую власть, неспособную помочь новой церкви с реоформлением бывших общин УАПЦ и УПЦ КП: «Проще получить томос на Фанаре, чем документы о регистрации в Киеве. Третьи винили во всем УПЦ; якобы она строила козни по указке из Кремля» [18].

По мнению А. Малера, с раскольнической структурой управиться сложно, потому что она «лоскутная». «Сочетание несочетаемого: долгие годы, враждовавшие между собой УАПЦ и «Киевский патриархат», которыми, в свою очередь, управляет легитимный в православном мире Константинопольский патриархат. Внутри образуются различные группы со своими амбициями, что неизбежно приводит к дразгмам». Нынешний скандал в ПЦУ «наглядно демонстрирует, что у самозванцев в рясах дурное предчувствие по поводу будущего страны» [18].

По сообщению публициста и общественного деятеля И. Друзя, глава организации «Центр международной безопасности» В. Кравченко заявил, что Россия якобы собирается задействовать для нападения на Украину верующих УПЦ в качестве провокаторов [22]. Надо заметить, что в СМИ на протяжении последних 8 лет из верующего УПЦ культивировался образ врага. СМИ (особенно сайт «Религия в Украине») набросились на УПЦ и ее Предстоятеля за то, что священноначалие, в отличие от ПЦУ, не пожелало быть пропагандистским отделом Офиса президента.

Украинская социология, в свою очередь, подготовила результаты опросов за 2020 и 2021 г., которые со всей очевидностью должны были отразить положительные результаты государственной конфессиональной политики. Исследование Киевского международного института социологии (КМИС) показало, что сторонниками ПЦУ в 2021 г. считают себя 58 % украинцев (июнь 2020 г. – 48 %), УПЦ – 25% (июнь 2020 г. – 21,5 %), УГКЦ – 9 % (июнь 2020 г. – 8,4 %). 12 % респондентов считают себя просто православными (июнь 2020 г. – 23 %) [23]. По результатам другого исследования, проведенного Центром Разумкова, количество верующих УПЦ с 23,6 % в 2010 г. сократилось до 12 % в 2021 г. В октябре 2019 г. к ПЦУ отнесли себя 13 % граждан страны, к УПЦ-КП 8 %, т.е. вместе 21 %, что меньше, чем доля верующих УПЦ-КП в 2018 г. до «Объединительного собора» – 29 % [24]. Итогом конфессиональной (и медийной) политики, «неоднозначных» действий Филарета, приверженности украинских социологов проводить опросы «на улице» (опросы проводились не в храмах, а среди людей нецерковных, «культурноориентированных»), стала и «нестыковка» результатов, полученных КМИС и Центром Разумкова по той или иной церковной «юрисдикции», особенно, в сравнении с предыдущими годами. По количеству культовых зданий на 1 января 2021 г.: УПЦ – 11 270, ПЦУ – 5 351 [25].

Таким образом, в 2019–2021 гг. основные векторы государственной конфессиональной политики не изменились: доминировало навязчивое стремление властей заставить УПЦ отказаться от своей позиции и изменить баланс в пользу «национальной церкви» (ПЦУ). При этом нарушался ряд принципов и статей Конституции Украины, в частности, ст. 35; ст. 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод; ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 18 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Нарушался Закон «О свободе совести и религиозных организациях», предполагавший невмешательство государства и церкви в дела друг друга. Всего на 2021 г. около десяти законов и законопроектов противоречили Конституции и нарушали права верующих УПЦ. Министерство культуры Украины пыталось применить антиконституционные законы исключительно против УПЦ, в принудительном порядке лишить ее своего названия или статуса. Использование этих законов церковными рейдерами от ПЦУ открыло путь к насилию, привело к захватам храмов УПЦ, снижению уровня свободы вероисповедания, создало препятствия для духовного и социального служения, что было отмечено также западными мониторинговыми организациями. Религиозные общины УПЦ на местах были лишены возможности вносить изменения в учредительные документы, менять руководителей, открывать счета в банковских учреждениях, пользоваться услугами нотариусов, оформлять права на земельные участки под церковными сооружениями. При этом в украинских СМИ подавалась заведомо ложная информация относительно освещения религиозных событий, направленная на дискредитацию УПЦ. Курирующие Украину США не обращали внимания на правовую неадекватность украинского режима при условии уничтожения УПЦ. Очевидно, что со стороны государства проблема состоит в коллизии между Конституцией, нормами закона «О свободе

совести...» (до изменений последних лет) и политикой «национально-государственного строительства», усугубленной ситуацией военного времени. При президенте Украины В.А. Зеленском положение канонической Украинской Православной Церкви ухудшилось, церковь подверглась дискриминации. Украине предстоит вернуться к конституционным основам, стать правовым государством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон України. Про внесення зміни до статті 12 Закону України «Про свободу совісті та релігійні організації» щодо назви релігійних організацій (об'єднань), які входять до структури (є частиною) релігійної організації (об'єднання), керівний центр (управління) якої знаходиться за межами України в державі, яка законом визнана такою, що здійснила військову агресію проти України та/або тимчасово окупувала частину території України (ВВР, 2019, № 3, ст.23) [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2662-19#n2>. – Название с экрана.
2. Закон Украины № 2673-VIII «Про внесення змін до деяких законів України щодо підлеглості релігійних організацій та процедури державної реєстрації релігійних організацій зі статусом юридичної особи» от 17.01.2019 (№ 2673-VIII от 17.01.2019, ВВР, 2019, № 6, ст.40) [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2673-19#Text>. – Название с экрана.
3. Проект Закону «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України (щодо заборони виготовлення та поширення інформаційної продукції, спрямованої на пропагування дій держави-агресора)» https://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=71149. – Название с экрана.
4. Религиозный эксперт предупреждает об угрозах, которые несет новый законопроект №5101 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.church.ua/2021/02/22/religioznyj-ekspert-preduprezhdaet-ob-ugrozah-kotorye-neset-novyy-zakonoproekt-5101/?lang=ru>. – Название с экрана.
5. В Раде зарегистрировали законопроекты о коллаборационизме: будут наказывать и религиозные организации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://risu.ua/ru/v-rade-zaregistrovali-zakonoproekty-o-kollaboracionizme-budut-nakazyvat-i-religioznye-organizacii_n116287. – Название с экрана.
6. Проект Закону «Про внесення змін до деяких законодавчих актів (щодо забезпечення відповідальності осіб, які здійснювали колабораційну діяльність)» №5143 від 24.02.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=71219. – Название с экрана.
7. Рішення Ради національної безпеки і оборони України від 25 березня 2021 року «Про Стратегію воєнної безпеки України» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.president.gov.ua/documents/1212021-37661>. – Название с экрана.
8. Парламентарии хотят забрать у религиозных организаций право на постоянное землепользование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.church.ua/2021/04/19/parlamentarii-hotyat-zabratu-religioznykh-organizacij-pravo-na-postoyannoe-zemlepolzovanie/?lang=ru>. – Название с экрана.
9. Проект Закону про засади державної політики перехідного періоду №5844 від 09.08.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=72625. – Название с экрана.
10. УПЦ МП должна официально признать своей материнской структурой РПЦ, – законопроект Резникова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://risu.ua/ru/upc-mp-dolzha-oficialno-priznat-svoej-materinskoj-strukturoj-rpc--zakonoproekt-reznikova_n115608. – Название с экрана.
11. Спикер ПЦУ утверждает, что патриарх Филарет (Денисенко) «ждет автокефалии от Москвы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://credo.press/235142/>. – Название с экрана.
12. Правозащитники заявили о дискриминации верующих в Европе и США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20201022/diskriminatsiya-1580991648.html>. – Название с экрана.
13. Митрополит Епіфаній: Ми не прагнемо бути державною церквою, як РПЦ // РБК-Україна. 06 січня 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ua/ukr/news/kogo-budut-prizyvat-armiyu-2022-godu-obnarodovan-1640863459.html>. – Название с экрана.
14. В Киево-Печерской Лавре состоялся съезд представителей захваченных храмов Украинской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.church.ua/2021/02/22/v-kievo-pecherskoj-lavre-sostoyalsya-sezd-predstavitelej-zaxvachennykh-xramov-ukrainskoj-pravoslavnoj-cerkvi/?lang=ru>. – Название с экрана.
15. Обращение Блаженнейшего Митрополита Онуфрия к участникам съезда представителей захваченных храмов УПЦ [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

- <https://news.church.ua/2021/02/22/obrashhenie-blazhennejshego-mitropolita-onufriya-k-uchastnikam-sezda-predstavitelej-zaxvachennyx-xramov-upc/?lang=ru>. – Название с экрана.
16. Обращение участников съезда верующих Украинской Православной Церкви к Президенту Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.church.ua/2021/02/22/obrashhenie-uchastnikov-foruma-vernyx-ukrainskoj-pravoslavnoj-cerkvi-k-prezidentu-ukrainy/?lang=ru>. – Название с экрана.
 17. В Киеве состоялась пресс-конференция «Обращение верующих Украинской Православной Церкви к власти: дискриминационные законы и притеснения» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5793764.html>. – Название с экрана.
 18. В украинский томос заложили «бомбу». Теперь она взорвалась [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20210410/tomos-1727418596.html>. – Название с экрана.
 19. Съезд «гонимых» в Лавре – это покушение на государственную безопасность, – Павленко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://risu.ua/ru/sezd-gonimyh-v-lavre--eto-pokushenie-na-gosudarstvennyu-bezopasnost--pavlenko_n116250. – Название с экрана.
 20. Очередная манипуляция «ПЦУ». Верховный Суд не принимал решения, которое бы узаконило переход в их структуру приходов УПЦ — председатель Юридического отдела [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.church.ua/2021/05/06/ocherednaya-manipulyaciya-pcu-verhovnyj-sud-ne-prinimal-resheniya-kotoroe-uzakonilo-perexod-v-ix-strukturu-prixodov-upc-predsedatel-yuridicheskogo-otdela/?lang=ru>. – Название с экрана.
 21. Все украинские церкви и храмы принадлежат ПЦУ, — Епифаний [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://antifashist.com/item/vse-ukrainskie-cerkvi-i-hramy-prinadlezhat-pcu-epifanij.html>. – Название с экрана.
 22. Друзь И. Дехристианизация Украины под грохот канонады [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ren.tv/blog/igor-druz/822276-dekhristianizatsiia-ukrainy-pod-grokhhot-kanonady>. – Название с экрана.
 23. Релігійна самоідентифікація населення і ставлення до основних Церков України: червень 2021 року [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=1052&page=1&t=9>. – Название с экрана.
 24. Релігія і церква в українському суспільстві: 2000-2021рр. // Особливості релігійного і церковно-релігійного самовизначення громадян України: тенденції 2000-2021рр. (Інформаційні матеріали). – Київ-2021. – С.9–10.
 25. ЗВІТ про мережу релігійних організацій в Україні станом на 1 січня 2021 року [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dcss.gov.ua/statistics-2020/>. – Название с экрана.

Поступила в редакцию 12.03.2022 г.

ORTHODOXY IN UKRAINE IN 2019–2021: DISCRIMINATION LAWS AND HARASSMENT

D.V. Posrednikov

The article analyzes the confessional policy of Ukraine, carried out under President V. Zelensky. The Ukrainian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate, being the largest religious organization in Ukraine, was discriminated against by the Ukrainian state. Confessional policy, integrated into the course of nation-state building, assumed the displacement of canonical Orthodoxy and all Russian Orthodoxy from Ukraine, prepared a legislative framework for this and began practical measures for implementation.

Key words: confessional policy, OCU, religion, UOC, Ukraine.

Посредников Дмитрий Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент,
Доцент кафедры политологии ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет», г. Донецк, ДНР.
E-mail: d.posrednikov@donnu.ru

Posrednikov Dmitry Vladimirovich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.
Donetsk National University
Associate Professor of the Department of Political
Science, Donetsk, DPR.
Email: d.posrednikov@donnu.ru

УДК 94:355.426(477.6)"1917"

ДОНБАСС НАКАНУНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В 1917 г.

© 2022. *Н.Н. Разумная*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматривается начало Гражданской войны в Донбассе в 1917 г. Учитывая усиление революционной пропаганды в армии и на местах, в 1916 г. нередкими были случаи дезертирства среди солдат. Предпринимались меры по пресечению случаев уклонения от призыва и получению отсрочек от службы в армии на предприятиях. Отмечено усиление охраны ценностей в почтово-телеграфных хранилищах в 1916 г. В связи со сменой власти в России, весной 1917 г. на территории Донбасса происходило создание Советов рабочих депутатов, определение функций исполнительной власти на местах. Наблюдалось ухудшение продовольственной ситуации. Летом 1917 г. отмечено усиление надзора за почтовой корреспонденцией, поступающей на территорию края. Среди рабочих нередкими были случаи нарушения трудовой дисциплины, и как следствие происходило снижение среднего уровня заработной платы рабочих на промышленных предприятиях Донбасса.

Ключевые слова: Гражданская война, Донбасс, 1917 год, Первая мировая война, общественно-политическая ситуация

Процессы, происходившие на территории Донбасса в 1917 г. были сложными и неоднозначными. Сложность ситуации заключалась в том, что промышленность края в условиях ухудшения социально-экономической ситуации в стране продолжала функционировать, несмотря на то, что наблюдался острый общественно-политический кризис. В продукции производимой на донецких предприятиях испытывали острую необходимость не только население тыловых губерний, но и, безусловно, фронт. Политические события, происходившие в крае в это время, достаточно изучены в советской историографии в работах Ю. И. Кирьянова [1], В. В. Модестова [2]. В постсоветское время появились работы Ю. Р. Федоровского [3] и Л. А. Скворцовой [4] по истории Донбасса данного периода. Многие вопросы, тем не менее, остаются малоизученными.

Целью данного исследования является изучение начала Гражданской войны в Донбассе в 1917 г. на основе введения в научный оборот новых источников.

О сложной общественно-политической ситуации уже в 1915 г. не только в стране, но и в армии сообщалось в многочисленных неизданных документах, представленных в фондах Государственного архива ДНР. В одном из задержанных писем из армии говорилось: «Прокламаций масса и в спичках попадают, и в табаке, и никак не могут поймать этих людей. Словом хотят забунтовать солдат...» [5]. В условиях действия военной цензуры вся почтовая корреспонденция просматривалась сотрудниками почтово-телеграфных отделений. Регулярно встречались воззвания противоположительного характера: с критикой действий правительства, требования к проведению в жизнь политических свобод, осуществления всеобщего избирательного права и т.д. [5]. Так, 26 апреля 1916 г. было разослано распоряжение Главного управления почт и телеграфов немедленно конфисковать, предназначенную для распространения в России, являющуюся преступной по содержанию и призывающую к свержению государственного строя, брошюру Александры Коллонтай, изданную в Женеве и отпечатанную на русском языке, под названием «Кому нужна война?» [5].

Выше перечисленные факты естественно получали распространение и оказывали определенное влияние среди солдат. 11 января 1916 г. всем начальникам

почтово-телеграфных учреждений Екатеринославской губернии было разослано предписание сохранять в тайне время движения воинских эшелонов, с целью предупреждения побегов солдат. Телеграммы нижних чинов с информацией о времени прибытия составов, задерживали и вручали только после того, как данные эшелоны проходили указанное место. Поскольку отправленные родственникам сообщения содержали информацию о возможной встрече или просьбы прислать подводы [5].

Случаи дезертирства повторялись, пресечением данных побегов и поиском дезертиров занимались и органы местного самоуправления. Так, на рассмотрение Мариупольской уездной земской управы в сентябре 1917 г. поступали не совсем обычные вопросы. В связи с участвовавшими случаями дезертирства солдат, 5 сентября Комиссия о дезертирах по Мариупольскому уезду сообщала в исполнительный комитет о недостатке средств. Просили разрешить пользоваться земскими и частными лошадьми для осуществления ареста дезертиров на территории уезда во время проверок поездов между ст. Мариуполь – Ясиноватая [6].

Еще 20 мая 1916 г. в связи с общим подъемом революционных настроений и участвовавших случаев грабежа, товарищ Министра внутренних дел обратился к начальникам почтово-телеграфных управлений по губерниям с секретным письмом. В нем говорилось о необходимости усиленного надзора за почтовыми хранилищами ценностей по мере их отправки. Рекомендовалось перенести помещения почт подальше от денежных кладовых и сундуков, усилено охранять государственные суммы. При отправке прибегать к особой конспирации, менять маршруты и способы перевозки, учитывая опыт событий 1905 г. Была доказана нецелесообразность использования сигнализации. Предписывалось не допускать привлечение полиции впустую. Отправлять ценности так, чтобы средства получали только в дневное время [7].

Конечно, немаловажную роль революционная пропаганда оказывала и среди местного населения, были зафиксированы случаи уклонения от призыва в армию. Так 8 января 1917 г. начальник ГАУ направил разъяснение всем руководителям предприятий, что общим делом является борьба с преступным уклонением от призыва, в особенности представителей дворянского сословия. Предписывалось проводить более организованные проверки всех военнообязанных на предприятиях, работающих на оборону. Искать дезертиров или не вернувшихся в армию без особой причины. Выявлять среди рабочих тех, кому было отказано в отсрочке, а они все равно продолжали работать. Проверять соответствовала ли их работа тому перечню, по которому были предоставлены отсрочки для рабочих по закону от 6 декабря 1915 г. [8].

8 января 1917 г. было принято обязательное постановление по Бахмутскому, Славяносербскому и Мариупольским уездам Екатеринославской губернии, изданное на основании п.1 ст.15, 23 и п.3 ст.26 Положения о государственной охране. Представителям и уполномоченным разного рода учреждений и организаций, владельцам фабрик, заводов и промышленных предприятий запрещалось выдавать военнообязанным служащим и рабочим удостоверения в том, что в отношении их ходатайствуют об отсрочке призыва. Им следовало явиться в призывные пункты [9].

В то же время на местах шло формирование Советов рабочих депутатов. В обращении Временного Лисичанского Комитета к рабочим говорилось о призыве принять участие в организации Советов рабочих депутатов. С целью урегулирования вопросов продовольствия, повышения заработной платы, существования и распределения средств больничной кассы, нормирования продолжительности рабочего дня. Так 5 марта 1917 г. на народном собрании был избран Временный Лисичанский Комитет. Звучал призыв по примеру товарищей рабочих в г. Петрограде, Москве и

других городах России, принять участие и выбрать от каждого рудника делегатов. Место сбора было определено в театре «Комета» 12 марта в 9.00 [10].

19 марта 1917 г. в г. Таганроге состоялся Окружной Съезд Представителей населения Таганрогского округа: землевладельцев, крестьянских обществ и товариществ, кооперативов и организаций рабочих под председательством эмиссара Временного правительства Виктора Петровича Мазуренко и Товарищей председателя В.Л. Руссо и И.Т. Оболюдова. Был избран Окружной Исполнительный комитет в составе 60 чел. представителей от волостей, казачьей станицы, инородного населения казачьей станицы, 21 чел. от рабочих горнопромышленных районов, кооперативов, культурно-просветительных учреждений, горнопромышленников, населения заводского поселка Амвросиевки, 1 представитель армии. В обязанности исполнительного комитета входило прежде всего местное самоуправление: а) организация милиции; б) хозяйственно-продовольственная деятельность; в) подготовка населения к участию в политической жизни страны путем предстоящей организации выборов в учредительное собрание.

Было принято постановление признать наилучшей формой правления «Демократическую республику». Крестьян объединили во всероссийский крестьянский союз. Было решено организовать областные, окружные волостные и сельские комитеты, и послать по 1-му представителю от 5-ти волостей в Петроград для образования Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Полицию заменяли милицией. Членов полиции было решено направить в распоряжение Военного начальника для отправки на фронт. Были отстранены все уполномоченные по продовольствию. Предписывалось соблюдать строжайший порядок и спокойствие. По аграрному вопросу было высказано пожелание о том, что земля должна была перейти к тем, кто ее обрабатывал своими руками, без выкупа со стороны крестьян. Предполагалось, что правительство рассчитается с землевладельцами за счет монастырских и др. имуществ [11].

В г. Мариуполе было распространено объявление объединенного собрания городских общественных организаций, совета рабочих депутатов, кооперативных союзов, торгово-промышленных и ремесленных, солдат и офицеров к населению. Сообщалось, что собрание всех указанных союзов и организаций 5 марта образовало Мариупольский общественный исполнительный комитет. Его главной целью было преодоление разрухи и управление всеми делами города. Было решено до создания милиции, оставить городскую и заводскую полицию на рабочих местах. Был арестован архив жандармского городского и заводского отделения, жандармского подполковника Куприянова, как заведующего делами военного шпионажа. Звучал призыв к населению города не прерывать мирной трудовой жизни и помнить, что труд, единение и порядок – верный путь к быстрому и прочному укреплению нового строя [12].

В свою очередь, Мариупольский общественный исполнительный комитет принял постановление, касающееся целого ряда нововведений: для распределения пожертвованных в Исполнительный Комитет сумм на нужды политических заключенных и ссыльных было решено выбрать комиссию из 3-х лиц. Прапорщику Дружинину и Качевану было поручено договориться с организациями рабочих и солдатских депутатов об отправке подарков воинам на фронт. Комитету разрешалось решать текущие вопросы независимо от числа присутствующих на заседаниях; принципиальные вопросы рассматривать только при наличии 2/3 членов комитета. Было принято решение организовать Продовольственный Комитет в составе: 3 чел. – от Совета рабочих депутатов; 2 чел. – от Городской Думы; 3 чел. – от кооперативов; 1 чел. – от городского Порайонного комитета; 1 чел. – от земства; 1 чел. – от

Исполнительного комитета; 1 чел. – от кредитных товариществ. Представители данных организаций избирались на период до 20 марта.

Без рассмотрения оставили прошение рыботорговцев о разрешении свободного вывоза рыбы из города до образования продовольственного комитета. Как и просьбу пекарей о повышении таксы на хлеб. Торговцам мясом в городе разрешили продавать продукцию по последней таксе, проект которой был отправлен на утверждение губернатора.

В связи с нарушением установленной расценки на хлеб и повышением цены на 2 коп. с фунта пекарем Потихоновым, было решено отобрать у него излишек незаконной прибыли из расчета 80 коп. с пуда за количество 520 пудов, т. е. за двух дневную выпечку хлеба. В случае нежелания Потихонова подчиниться, реквизируют его хлебопекарню и отдать слободскому кооперативу. Отобранные деньги постановили отдать в фонд помощи бедным жителям г. Мариуполя.

Прапорщику Горковенко было поручено доставить со ст. Мариуполь – Порт на ст. Мариуполь – город 15 000 пуд. угля антрацита, направленного городу. Приняли решение рассмотреть предложение Сербского правительства о покупке ячменя по твердым ценам [13].

Об ухудшении продовольственной ситуации в крае сообщалось и в объявлении Мариупольского городского главы, изданном 9 марта 1917 г.. С 12 марта, в связи с острым недостатком пшеничной муки и необходимостью ее экономии, а также масла, сахара и яиц, по решению Городского комитета, была запрещена выпечка и продажа сдобных булок, куличей, пряников, пирогов, тортов, пирожных и печенья из сдобного и сладкого теста. Разрешалась выпечка и продажа вышеперечисленных изделий только на седьмой (страстной) неделе поста, о чем было объявлено местным пекарям и собственникам кондитерских. Данные меры были приняты на основании полученного по телеграфу предложения за №1868 от Министра земледелия А. Шингарева [14].

О том, как проходило празднование 1 мая, сообщали листовки с описанием планируемых мероприятий в г. Мариуполе в 1917 г. [15].

Вследствие запросов, поступающих в Союз Каменноугольных Предприятий Донецкого Бассейна, расположенного в г. Харькове, по вопросу об отношении к созданным на местах по инициативе рабочих, комиссий для осуществления рабочего контроля на предприятиях, 12 июля 1917 г. был принят соответствующий Циркуляр. Отклонялись все самочинные организации, создаваемые в целях наблюдения за предприятиями. Поскольку Донбасский комитет заканчивал выработку инструкций для образования на предприятиях особых технических наблюдательных комиссий, состоящих не только из рабочих, но и из промышленников [16].

В данных условиях предусматривался и определенный порядок увольнения и приема рабочих на предприятия. В частности, если рабочие ставили вопрос об удалении тех или иных лиц, которые вели производство предприятий к упадку или закрытию его, увольнение могло быть согласовано с предпринимателем по постановлению заводского совещания [17].

С целью усиления рабочей дисциплины на Путиловском заводе, расположенном на ст. Ветка, 25 августа 1917 г. было расклеено объявление о том, что рабочие должны опускать номерные знаки в кружку при мастерской в 8 корпусе в определенное время: утром в 7:00 и после обеда в 13:00. Ночная смена с 18:00. Допускалось опоздание не менее чем на 5 минут, после чего кружка убиралась, а время, пропущенное рабочим и не зафиксированное по наличию в кружке номерного знака, не отмечалось. Знаки при этом находились на доске и должны были сниматься рабочими после смены [17].

В условиях нестабильной общественно-политической ситуации в городах Елисаветграде, Симферополе, Екатеринославе, Балте, Александровске, Голте были открыты отдельные контрразведывательные пункты. 30 июня 1917 г., начальник контрразведывательного отделения Штаба Одесского военного округа просил направлять для просмотра начальникам названных пунктов, корреспонденцию частных лиц [18].

26 августа 1917 г. было разослано постановление Министра почт и телеграфов. В нем было предписано немедленно изъять входящие, внутренние и международные телеграммы, за время от 1 марта – 1 августа 1917 г., которые были направлены от имени и на имя следующих лиц обвиняемых по ст. 108 уголовного уложения: Ленин/Ульянов/Владимир; Коллонтай Александры Михайловны и Козловского Мечеслава Юльевича; Суменсон Евгении Маврикиевны; Фюстенберга/Ганецкого/Якова; Ильина /Раскольников/Федора Федоровича; Рошаля Соломона Григорьевича; Семашко Адама Яковлевича; Луначарского Анатолия Васильевича. Вся обнаруженная корреспонденция, как вышеупомянутых лиц, так и на их имя должна была немедленно отправляться судебному следователю по особо важным делам Александрову [18].

В условиях нестабильной общественно-политической ситуации в стране администрация промышленных предприятий прилагала все усилия для того, чтобы организовать производство. Так, 5 сентября 1917 г. на территории Макеевского горного района предлагалось всем служащим рудничных контор и надзора рудников немедленно приступить к работам, перестать распускать преувеличенный страх и приложить все силы к восстановлению порядка по обеспечению продовольствием и необходимого для успешной деятельности предприятий. Помощник комиссара правительства Таганрогского округа А. Кондратьев, опираясь всецело на полную гарантию личной и имущественной неприкосновенности, предъявленной ему Исполнительным Комитетом Советов Рабочих Депутатов, лиц уклоняющихся от данного распоряжения обещал привлекать к уголовной ответственности как изменников родины и трусов [19]

По мере усиления продовольственного кризиса, наблюдался процесс снижения общего уровня обеспечения населения товарами первой необходимости. Так, в архивных материалах встречаются документы, свидетельствующие о необходимости планового обеспечения обувью рабочих предприятий [20].

Также, в документах делопроизводства отдельных учебных заведений есть сообщения о снижении прожиточного минимума, необходимости повышения жалования учителям. Приводились примеры, когда учителя с высшим образованием уходили из гимназий, поскольку не устраивал уровень зарплаты [21].

С 13 октября 1917 г. в Юзовке были уменьшены тарифные ставки всем категориям рабочих, кроме чернорабочих, по 15 коп. в час. Чернорабочим плата 6 руб. за 8 часовой рабочий день при бесплатном квартирном содержании. Если же квартира не предоставлялась предприятием, платили по 7 рублей в день. Кроме этого, предприятие обеспечивало рабочих по установленной цене керосином и углем [22].

В связи с топливным кризисом и необходимостью увеличения угледобычи, с 1 ноября 1917 г. были установлены прибавки к зарплате. Забойщикам, зарубщикам и отбойщикам платили по 2 рубля, поденные и сдельные рабочие получали на 1 рубль больше. Поддельные подземные на 1 руб. 10 коп., женщины по 75 коп., малолетние подростки на 50 коп. больше, военнопленным оплата также была увеличена на 50 коп. Был обозначен переход на 8 часовой рабочий день, без сверхурочных работ [23].

К примеру, жалование служащих конторы Л.Э. Гемстедт и К^о., в г. Юзово за декабрь 1917 г. было действительно разнообразным и зависело от профессии и занимаемой должности. Инженеры получали от 600 руб. до 1 000 руб., мастера – 600 руб., чертежники – 200–225 руб., конторщики – 375 руб., прислуга – 90 руб. [24].

Таким образом, с началом Первой мировой войны активизируется деятельность партийных организаций на местах и происходит усиление революционной пропаганды среди мобилизованных в армии. Которые оказывали определенное влияние среди солдат, в связи с чем в ряде источников было отмечено появление случаев дезертирства, поэтому полицией и местными органами самоуправления на местах разрабатывались возможные меры по пресечению данных попыток. Естественно отмечены были и факты уклонения от призыва и получение необоснованных отсрочек от службы в армии. В условиях нестабильной общественно-политической ситуации в ряде губерний, в том числе и на территории Донбасса, предпринимаются меры по усилению охраны ценностей в почтово-телеграфных хранилищах.

Тем не менее, наряду с органами, подконтрольными Временному правительству на местах происходило создание Советов рабочих депутатов. Постепенно шло определение функций исполнительной власти на местах.

Отдельные документы свидетельствуют о продолжающейся тенденции ухудшения продовольственной ситуации в регионе. Учитывая все перечисленные условия, правительство вынуждено было принимать меры по усилению надзора за почтовой корреспонденцией различного характера, в связи с кризисами временного правительства и распространением литературы агитационного характера летом 1917 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кирьянов Ю.И. Стаечная борьба рабочих Екатеринославской губернии в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) // История СССР. – 1960. – №4. – С. 44-52.
2. Модестов В.В. Рабочие Донбасса в трех русских революциях. – М.: Мысль, 1974. – 268 с.
3. Федоровский Ю.Р. Революционные события 1917 года в Алчевске // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – №3(59). – 2016. – С. 11-20.
4. Скворцова Л.А. Советы рабочих депутатов промышленных предприятий Донбасса в ходе Российской революции 1917 года. // Вестник ДонНУ. Серия Б. Гуманитарные науки. – № 4. – 2018. – С. 34-42.
5. Государственный архив ДНР. – Ф.96. Оп. 1. Д.1. Л. 278.
6. Журналы Мариупольского уездного земского собрания чрезвычайных 30 июля и 10 сентября 1917 г. сессии. – Мариуполь, эл.тип. "Печатное искусство", 1917. – С. 250-251.
7. Государственный архив ДНР. - Ф.96. Д.1 Оп. 1. Л. 364., 373.
8. Государственный архив ДНР. - Ф.154. Оп.1. Д.4 Л.85.
9. Государственный архив ДНР. - Ф.165. Оп.1 Д.4 Л. 112.
10. Государственный архив ДНР. - Фонд Листовок. Д.91.
11. Государственный архив ДНР. - Фонд Листовок. Д.107.
12. Государственный архив ДНР. - Фонд Листовок. Д.96-98.
13. Государственный архив ДНР. - Фонд Листовок 93-95
14. Государственный архив ДНР. - Фонд Листовок. - Д.50.
15. Государственный архив ДНР. - Фонд Листовок - Л.140.
16. Государственный архив ДНР. - Ф.165. Оп.1. Д.4 Л.42.
17. Государственный архив ДНР. - Ф.72. Д.9. Л.14.
18. Государственный архив ДНР. - Ф.96. оп.1.Д.1. Л.468.
19. Государственный архив ДНР. - Ф.57, Оп.1 Д.3. Л.4.
20. Государственный архив ДНР. - Ф.70. Оп.1. Д.25 Л.87.
21. Государственный архив ДНР. - Ф.53. Оп.1. Д.9 Л.14.
22. Государственный архив ДНР. - Ф.72. Оп. 1.. Д.9. Л.20.
28. Государственный архив ДНР. - Ф.165. Оп. 1. Д.4 .
24. Государственный архив ДНР. - Ф.72 Оп.1. Д.7.

Поступила в редакцию 15.03.2022 г.

DONBASS ON THE EVE OF THE CIVIL WAR IN 1917

N.N. Razumnaya

This article is devoted to the problem of beginning of the Civil War in Donbass in 1917. Given the intensification of revolutionary propaganda in the army and in the field, in 1916 there were frequent cases of desertion among soldiers. Measures were taken to curb cases of draft evasion and obtaining deferrals from military service at enterprises. The strengthening of the protection of valuables in the postal and telegraph depositories in 1916 was noted. In connection with the change of power in Russia, in the spring of 1917, Soviets of Workers' Deputies were created on the territory of the Donbass, and the functions of the executive branch were determined locally. There was a deterioration in the food situation. In the summer of 1917, there was a strengthening of supervision over postal correspondence entering the territory of the region. Among the workers, cases of violation of labor discipline were not uncommon, and as a result, there was a decrease in the average level of wages of workers at industrial enterprises in Donbass.

Key words: Civil war, Donbass, 1917, World War I, social and political situation

Разумная Надежда Николаевна

Кандидат исторических наук, доцент,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР.
E-mail: nnrazumnaya@mail.ru

Razumnaya Nadezhda Nikolaevna

Candidate of History, Associate Professor,
SEI HPE "Donetsk National University",
Donetsk, DPR.
E-mail: nnrazumnaya@mail.ru

УДК 94(4)"1492/1914"

ЕГИПЕТ В КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ОТ ЛОНДОНСКИХ КОНВЕНЦИЙ ДО ОБРАЗОВАНИЯ АНТАНТЫ (1841–1904 гг.)

© 2022. *Р. Г. Харьковский*

*ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»,
г. Луганск, ЛНР*

Статья посвящена анализу места и роли Египта в колониальной политике Великобритании в период 1841–1904 гг., в рамках которых рассмотрена история эволюции англо-египетских отношений, начиная от лондонских конвенций 1841 г. до образования Антанты в 1904 г. Выделены основные предпосылки возникновения «Египетского вопроса» и периоды развития отношений между Англией и Египтом, учитывающие как экономическую заинтересованность, так и стратегическую необходимость; охарактеризовано значение Египта для колониальных интересов Великобритании в рассматриваемый период времени.

Ключевые слова: Северо-Восточная Африка, Египет, Фашодский кризис, колониализм, англо-французское соперничество.

В настоящее время Египет – одно из независимых государств Африки, однако так было далеко не всегда. С середины XIX в. Египет стал приобретать для европейских государств всё возрастающее стратегическое значение, вследствие чего ведущие державы стремились максимально усилить своё влияние в данном регионе для того, чтобы установить свой контроль в Северо-Восточной Африке. В изучаемый период, главными соперниками за господство в Египте являлись Франция и Великобритания, политика которых оказала существенное влияние на развитие региона.

Актуальность исследования места Египта в колониальной политике Великобритании в обозначенный период обусловлена целым рядом взаимообусловленных факторов. Прежде всего, рассмотрение данного вопроса может оказать значительную помощь в понимании текущей политики Англии в отношении Египта. С другой стороны, ситуация, сложившаяся на сегодняшний день на Ближнем Востоке, является следствием длительного исторического развития близлежащих регионов, поэтому исследование выбранной темы позволит найти наиболее эффективные пути решения его насущных проблем. Кроме того, нахождение Египта определенный период времени в зависимости от Великобритании оставило существенный отпечаток на всём государстве, поэтому изучение исторического подтекста англо-египетских взаимоотношений дает возможность лучше понять политику, проводимую Египтом на современном этапе. Можно сказать, что рассмотрение выбранной темы является актуальной по той причине, что позволяет взглянуть на сегодняшние события под другим углом и, возможно, найти более эффективное решение существующих проблем.

Тема колониальной политики Великобритании в Африке неоднократно затрагивалась рядом исследователей, в частности, такими как: М.С. Бурьян, А.А. Айвазян, Т.Н. Гелла, О.А. Никонов, Д.Р. Кашанян, А.Х. Хизриев, Е.В. Морозов и др. Тем не менее, комплексных работ по этому вопросу довольно мало, а по проблеме колониальной политики Великобритании в отношении Египта в период 1841–1904 гг.,

то подобных исследований практически нет. Большинство работ, которые касаются британской политики в Египте, либо ограничены периодом, начинающимся с оккупации английскими войсками данного региона в 1882 г., либо рассматривают какой-то отдельный аспект колониальной политики Великобритании, но не касаются самого Египта. Таким образом, ограниченное количество проведенных исследований ещё раз подчеркивает актуальность выбранной темы и необходимость её более детальной разработки.

Цель исследования заключается в рассмотрении колониальной политики Великобритании в отношении Египта в обозначенный период. Ключевыми вопросами являются отношение Англии к Египту на протяжении 1841–1904 гг.; предпосылки возникновения Египетского «вопроса»; место и роль Египта в колониальной политике Великобритании на протяжении рассматриваемого периода.

XIX в. ознаменовал собой новый виток в колониальном соперничестве ведущих европейских государств. Взоры большинства правителей крупных держав обратились в сторону Африки, которая была полна ресурсами и дешевой рабочей силой. Практически с самого начала XIX в. наиболее развитые государства, используя различные методы, стремились укреплять свои позиции на континенте. Великобритания, например, осуществляла колонизаторскую деятельность в Африке под видом борьбы с работорговлей, а Франция до революции 1848 г. пыталась сохранить рабство на захваченных землях [1, с. 135]. Но, несмотря на различие применяемых средств, все государства стремились к расширению своих территорий, и главное – усилению влияния на постоянно ослабевающую Высокую Порту.

В 1840–1841 гг., наряду с активной колонизацией африканских земель возник очередной восточный вопрос, который был вызван турецко-египетским конфликтом. После прекращения военных действий и сохранения власти султана над Египтом, была заключена Лондонская конвенция о проливах 1841 г., согласно которой Россия теряла преимущественное право требовать от Османской империи закрытия проливов, а султан сохранял возможность выдачи разрешений на пересечение проливов легкими военными судами [2, р. 510–511]. Данная конвенция значительно укрепила позиции Великобритании на Востоке, так как нивелировала вероятность появления сильного черноморского флота Российской империи в Средиземном море. В то же время, итоги турецко-египетского конфликта показали амбиции египетского правителя – Мухаммеда Али и в определенной степени ослабили влияние Высокой Порты на данный регион.

Однако, на тот момент, Великобритания ещё не была настолько заинтересована в Египте, чтобы предпринимать какие-либо открытые действия по его колонизации. Последний находился под властью Высокой Порты, с которой открытой конфронтации Великобритания себе позволить не могла. Это нарушило бы устоявшийся баланс сил в Европе. С учетом всего этого, Египет в период 1841–1853 гг. привлекал внимание лишь некоторых иностранных инвесторов, но не занимал какого-либо важного места в политике ведущих держав.

Но уже с 1854 г. Египет постепенно становится центром всеобщего внимания, когда впервые было сделано реально осуществимое предложение по строительству канала, соединяющему Красное и Средиземное моря. Инициатором подобной идеи стал Фердинанд де Лессепс – французский дипломат и предприниматель. Первоначально план был предложен Лессепсом правителю Египта Аббас-паше, но был им отвергнут. После смерти Аббас-паши его преемником стал Саид-паша, который оказался более сговорчивым, нежели его предшественник. Лессепс питал глубокие надежды на то, что новый правитель Египта согласится с его доводами и одобрит строительство канала.

Чтобы убедить египетского пашу, Лессепс приложил немало усилий, и в результате 30 ноября 1854 г. Саид-паша дал разрешение на организацию акционерного общества. Но из-за того, что Египет оставался в подчинении Высокой Порты, получить разрешение от египетского пашы было лишь половиной дела. Основной задачей было получить официальное высочайшее разрешение султана [3, с. 11], что осложнялось наличием в Порте иностранного влияния других государств и на тот момент отсутствием одобрительного решения со стороны французского правительства.

Настрой Англии по поводу строительства Суэцкого канала в первое время также был не самым благоприятным. Многие опасались, что Франция, путем проведения подобной кампании получит стратегическое преимущество в Египте, однако, после взвешивания всех рисков и выгод, британское правительство пришло к выводу, что строительство Суэцкого канала сможет облегчить проход английских судов в Индию, что в значительной мере снизит финансовые затраты государства на транспортировку товаров [4, р. 175]. В связи с этим, Англия заняла нейтральную позицию. Как итог, Лессепс добился своей главной цели, и в 1859 г. началось строительство Суэцкого канала. С момента начала строительства роль Египта в качестве одного из наиболее важных стратегических пунктов в колониальной борьбе за влияние на Востоке была преопределена.

С завершением строительства канала в 1869 г. Египет стал играть качественно новую роль на мировой арене. Стратегическое значение зоны Суэцкого канала многократно возросло, поэтому Египет стал приоритетной целью ряда европейских государств, особенно – Англии и Франции [5, с. 34-35]. Тем не менее, к насильственному установлению политического влияния в Египте на тот момент не стремилось ни одно государство Европы. Соперничество в Египте пусть и стало более оживленным, однако касалось лишь экономической сферы. Для Франции проект Суэцкого канала был важным коммерческим предприятием, но никаких намеков на то, что Париж станет преследовать цель колонизации Египта не было. Великобритания, в свою очередь, первоначально тоже не имела целей по захвату данного региона [6, с. 37].

Что касается положения в самом Египте, то оно было весьма плачевным. От реформ Мухаммеда Али, который вел свою страну по прогрессивному пути, не осталось и следа. К 1869 г. экономика государства находилась на грани краха. Египет потратил слишком много средств на строительство Суэцкого канала, в то время как паша Исмаил не собирался урезать свои расходы и брал средства займы у иностранных контор. Долг государства рос с каждым днем, а денег на его выплату у Египта попросту не было. Чтобы исправить данное положение, Исмаил-паша решил продать акции Суэцкого канала, которые в первое время после его строительства не приносили Египту желаемого дохода.

Контрольный пакет акций находился в руках французов, однако хедиву также принадлежала немалая доля – 44 %. В покупке данных акций были заинтересованы как Франция, так и Великобритания, но Лессепс не сумел убедить французское правительство в целесообразности данной сделки. Международное положение Франции оставляло желать лучшего: существовала угроза войны с Германией, поэтому столь большие средства должны были использоваться государством в краткосрочной перспективе и не могли идти на покупку акций Суэцкого канала. Сложившейся ситуацией воспользовалась Великобритания, принявшая решение о покупке, и в 1875 г. акции хедива официально перешли в руки британского правительства [7, с. 351]. Конечно, 44 % акций было недостаточно для приобретения стратегического превосходства в регионе, особенно учитывая тот факт, что канал находился на

территории Египта, и в случае военных действий его судьба должна была решаться государством и всей компанией Суэцкого канала, контрольный пакет акций которой до сих пор находился у французов. Однако, посредством данной сделки англичане показали своё желание укрепиться в рассматриваемом регионе и тем самым оказали скорее моральное давление на Францию.

Продажа Египтом акций Суэцкого канала, на наш взгляд, была ошибкой Исмаил-паши, поскольку это не помогло вывести государство из кризиса и лишь усугубило его положение. Если ранее траты Египта в отношении Суэцкого канала можно было обосновать расчетом на прибыль в долгосрочной перспективе, то с лишением акций, для Египта стало невозможным погасить накопившийся долг. После подобного решения государство было обречено попасть в зависимость от государств-кредиторов, что в итоге и произошло.

Осознавая невозможность собственными силами преодолеть экономический кризис, разразившийся в Египте, Исмаил-паша обратился к европейским державам за помощью в разрешении сложившейся ситуации. В 1876 г. была образована Касса египетского долга, в состав которой вошли представители всех государств-кредиторов. Долг постепенно должен был погашаться из определенных налогов и в конечном счете мог быть выплачен в течение 65 лет. Подобное положение устраивало как англичан, так и французов. Оба государства закрепились в регионе, установив над Египтом совместный финансовый контроль посредством участия в Кассе.

Однако, несмотря на то, что Великобритания и Франция были довольны сложившейся ситуацией, внутри самого Египта нарастало возмущение иностранным вмешательством в дела государства. Через 5 лет после создания Кассы египетского долга – 9 сентября 1881 г., в Египте вспыхнуло восстание под предводительством Ораби-паши, целью которого было свержение Тауфик-паши и избавление государства от англо-французского влияния. Наиболее распространенным лозунгом повстанцев на тот момент было выражение: «Египет для египтян!» [8, с. 53].

Великобритания и Франция были сильно обеспокоены внезапным всплеском египетского национального сознания и восстанием. В случае успеха Ораби интересам Англии и Франции в Египте мог быть нанесен значительный ущерб, что, в свою очередь, побуждало государства к активным действиям.

В Париже и Лондоне активно обсуждались возможности разрешения разразившегося конфликта. Ряд важных политических деятелей обоих государств настаивал на необходимости вооруженного вмешательства в дела Египта. Причем вмешательство, как отмечали высокопоставленные французские и английские чиновники, должно быть совместным. Слаженные действия Англии и Франции могли позволить разделить расходы на предстоящую кампанию и не нарушили бы баланс сил в Европе. Однако, во французском правительстве колебались, действительно ли вооруженное вмешательство со стороны Франции является необходимым, поэтому Великобритания взяла инициативу на себя, и в 1882 г. английские войска оккупировали Египет [9, с. 56]. Как показала дальнейшая история, именно этот момент стал переломным во многих отношениях, так как начиная с оккупации 1882 г., Египет стал занимать одну из наиболее важных ниш в британской внешней политике и превратился в предмет непримиримых англо-французских колониальных противоречий.

Причиной столь пристального внимания к Египту со стороны Англии служила его большая стратегическая важность. Регион имел значительные запасы ресурсов, необходимых британцам. Но наиболее важным было то, что Египет становился самым

быстрым пропуском в Индию, поэтому контроль над ним и Суэцким каналом сулил Великобритании большую выгоду.

Ввод английских войск в Египет не мог не озаботить ведущие европейские государства, в том числе – Францию, которая хотела предотвратить усиление британского влияния в данном регионе. Однако на проходившей в этом же году Константинопольской конференции, Лондон одержал дипломатическую победу, «закрепив статус-кво британских оккупационных войск» [10, с. 26] и тем самым значительно усилив своё присутствие в Египте.

Великобритания оставила в международной компетенции вопросы иностранных займов и судоходства по Суэцкому каналу, но все внутренние реформы проводились без согласования с мнением других европейских государств. Англичане убедили всех, что уйдут, как только с восстанием будет покончено и Египет сможет самостоятельно регулировать внутренние вопросы. И первоначально эти слова действительно имели под собой реальное желание Англии покинуть данный регион, так как восстановление Египта стоило бы немалых затрат. Однако, спустя какое-то время, когда англичане уже провели на оккупированной территории ряд мероприятий по восстановлению государства, отказаться от Египта значило бы впустую потерять финансовые вложения. Для Великобритании это был принципиальный вопрос, она не могла просто так отказаться от территории, на освобождение и восстановление которой было затрачено большое количество средств. Тем не менее, на тот момент Англия ещё не имела достаточно прочной основы для продолжения своего безраздельного господства в Египте. В частности, англичане постоянно сталкивались с претензиями со стороны Франции, которая настойчиво пыталась убедить британское правительство вывести войска из Египта. Поэтому вопрос о продолжительности оккупации всё ещё оставался актуальным. Англия не могла бы продолжать настаивать на своём, если бы против неё выступили и другие европейские государства.

С учетом ещё неустоявшегося положения в Египте, Великобритания вынуждена была пойти на уступки: в 1888 г. была подписана многосторонняя Константинопольская конвенция, согласно которой устанавливался международно-правовой режим Суэцкого канала, предполагавший, что канал будет открыт для коммерческих и военных судов без различия флага, как в мирное, так и в военное время. Однако, в ходе подписания документа, британское правительство сделало оговорку о своей возможности не выполнять данное соглашение в случае возникновения угрозы британскому присутствию в Египте, тем самым в значительной мере обесценив подписание конвенции [11, с. 191].

Дальнейшее пребывание англичан в регионе лишь усиливало их нежелание его покидать. После подписания конвенции 1888 г. уже практически никто не верил, что Великобритания выведет свои войска из Египта. Англия потратила слишком много средств, уходящих как на реформирование самого Египта, так и на содержание армии на оккупированной территории. Лишь Франция всё ещё задавалась вопросом о выводе британских войск, на что постоянно получала ответ англичан о скором завершении оккупации без указания точных дат.

В то же время, несмотря на то, что Великобритания уже достаточно долгое время держала под контролем Египет, заявить об открытой аннексии рассматриваемого региона, она не могла, потому что это вызвало бы негативную реакцию международного сообщества. Поэтому даже в начале 1890-х гг. Лондон всё ещё был вынужден искать формальные оправдания пребывания своих войск на данной территории.

За время оккупации Египет постепенно оказался тесно связан с экономикой Великобритании, вследствие чего даже при отсутствии официального статуса колонии, регион стал зависеть от Англии. А нахождение в Египте английских войск ещё более усиливало её влияние. Подобное положение существовало практически до конца XIX в.: Англия продолжала занимать Египет, а европейские государства сдерживали дальнейшее распространение её колониальных амбиций. Однако в 1898 г. ситуация изменилась.

С середины 1890-х гг. европейское сообщество стало интересоваться не только Египтом, но и Суданом. Последний не привлекал особо внимания ведущих государств, однако после проведения в 1893 г. французским инженером Виктором Промом исследования в регионе Верхнего Нила, выяснилось, что Судан является стратегически важным пунктом в Египетском вопросе, так как в случае строительства дамбы в Судане, можно было, как лишить Египет воды, так и устроить наводнение. Результаты, полученные в ходе исследования, дали лидерам ведущих европейских государств повод для размышления. Сделанные выводы особенно заинтересовали Англию и Францию. И если для первой это был вопрос сохранения своего доминирующего положения в Египте, то для второй захват Судана предоставлял редкую возможность усилить своё влияние в Северо-Восточной Африке и более того – это был шанс выдворить англичан с оккупированной территории. Оба государства незамедлительно организовали экспедиции в Африку, чтобы убедиться в достоверности появившихся возможностей.

После продолжительного англо-французского соперничества на политической арене и организации кампаний по занятию Судана, экспедиционные корпуса Англии и Франции встретились в Фашоде в 1898 г. Вооруженного столкновения не произошло, да оно было и бессмысленным: британские войска насчитывали 20 тыс. человек, в то время как отряд французов под предводительством Маршана состоял из чуть более сотни человек. Тем не менее, оба государства стремились отстоять свои позиции в регионе Белого Нила. Великобритания требовала от Франции покинуть Фашоду, но та отказывалась идти на уступки, так как сдача Фашоды значила бы для Парижа безоговорочную капитуляцию и проигрыш в политической борьбе с Лондоном. Это был вопрос престижа и пойти на столь унижительный шаг Франция попросту не могла.

Во время Фашодского кризиса проявилось реальное отношение Великобритании к Египту. В Лондоне не желали слышать о потери каких-либо позиций в долине Нила, поэтому ни о каком компромиссе не было и речи. Англия до последнего отстаивала свои интересы и даже угрожала Франции войной, если последняя не отступит. Конечно, это было больше попыткой запугать своего соперника, нежели реальным намерением, так как оба государства не имели на тот момент достаточного количества средств для ведения полномасштабных военных действий, однако Франция не имела их в большей степени, поэтому угроза оказала существенное давление на решения Парижа.

В то же время несмотря на то, что Англия отказывалась идти на компромисс, британское правительство понимало, что Франция должна сохранить своё лицо, покидая Фашоду, а также получить некоторую компенсацию в дальнейшем. По этой причине, уход французов из Фашоды был обставлен как акт доброй воли, как и ряд уступок со стороны Англии после того, как кризис был завершён. В 1899 г. над Суданом был установлен англо-египетский кондоминиум, а Великобритания и Франция заключили соглашение о территориальном разделе Африки, которое, однако, не разрешило противоречия двух держав. Тем не менее, соглашение 1899 г. положило начало новому этапу англо-французских отношений, что впоследствии привело к подписанию договора Антанты в 1904 г. [12, с.65].

«Сердечное соглашение» ознаменовало собой окончательное разрешение колониальных противоречий двух государств в Африке и, в частности, привело к решению Египетского вопроса. Начиная с 1904 г., Франция более не оспаривала господство Англии в Северо-Восточной Африке, в то время как сама Великобритания ещё больше усилила своё влияние в Египте.

Подводя итоги, можно сделать следующий вывод: отношение Великобритании к Египту не всегда было направлено на его колонизацию. Более того, достаточно долгое время, данный регион не играл особой роли во внешней политике Англии. В период 1841–1854 гг. британцы не обращали особого внимания на Египет, однако после появления идеи строительства Суэцкого канала Англия стала больше интересоваться этой территорией. В период разработки идеи, а затем и самого строительства нового канала (1854–1869 гг.) Англия ещё не имела ни причин, ни достаточной основы для оказания существенного влияния на данный регион. Однако с покупкой 44 % акций в 1875 г., Великобритания существенно усилила своё присутствие в Египте, что послужило началом открытия Кассы египетского долга и экономического закабаления государства. Принципиально новую роль Египет стал играть в британской политике лишь с 1882 г., когда Англия, подавив восстание Ораби, захватила власть в регионе и стала проводить реформы. С 1882 по 1898 гг. Лондон различными дипломатическими путями старался удержать власть в Египте, причем довольно успешно. Все сомнения по поводу господства Великобритании в Египте развеялись лишь после Фашодского кризиса 1898 г., когда англичане закрепили свою власть в долине Нила. А с образованием Антанты в 1904 г. Англия окончательно закрепила своё доминирующее положение в Египте, в связи с чем, её права на данный регион более не оспаривались.

Таким образом, место Египта в колониальной политике Великобритании можно описать следующим образом: впервые Англия обратила внимание на Египет в 1854 г, заинтересовалась им в 1869 г., начала стремиться заполучить его в качестве неофициальной колонии с 1882 г., что закончилось успехом к 1904 г. Также следует отметить, что с момента строительства Суэцкого канала, Египет стал приобретать всё большую важность на международной арене, поэтому и отношение к нему начало понемногу меняться. Впоследствии, открытие канала, усиление стратегической важности Египта и восстание Ораби, подавленное Великобританией, привели к возникновению «Египетского вопроса», разрешившегося лишь к 1904 г. победой Лондона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Турекулова Ж.Е. Особенности развития военно-политической ситуации в Северной Африке и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX века / Ж.Е. Турекулова // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* – 2012. – № 34 (288). – С. 134-138.
2. The Convention of the Straits, 1841 // *International conciliation.* – 1922. – N 180. – P. 510-511. – URL: https://www.mei.edu/sites/default/files/mei_library/pdf/10029.pdf
3. Абидулин А.М. «Aperire terram gentibus»: индустриализм и идея создания Суэцкого канала / А.М. Абидулин, Е.Н. Моисеева // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета.* – 2019. – № 8 (185). – С. 8-15.
4. *Opinions and policy of the Right Honourable Viscount H.J. Palmerston as Minister, Diplomatist and Statesman / Ed by G.H. Fancis. L., 1852.*
5. Никонов О.Л. Эволюция колониальной политики Великобритании на Востоке (вторая половина XIX – первая половина XX вв.) / О.Л. Никонов // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы.* – 2017. – № 1. – С. 32-45.
6. Бурьян М.С. Египет во внешней и колониальной политике Великобритании в 20-х гг. XX века: учебник / М.С. Бурьян. – Луганск: БОЯН Ри МП, 1994. – 168 с.
7. Турк С.Н., Кияшко М.И. Египет в колониальной политике Великобритании / С.Н. Турк, М.И. Кияшко // *Эпоха науки.* – 2020. – № 24. – С. 351-353.

8. Хоружая С.В., Турк С.Н. Национально-освободительное движение в Египте в период британского колониального господства в конце XIX – первой четверти XX в. / С.В. Хоружая, С.Н. Турк // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 1 (69). – С. 52-56.
9. Кашанян Д.Р. Египет как английская колония / Д.Р. Кашанян // Colloquium-journal. – 2019. – № 22 (46). – С. 56-57.
10. Хизриев А.Х. Проблемы определения статуса британских войск в Египте после оккупации 1882 года / А.Х. Хизриев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – № 21 (1). – С. 25-33.
11. Морозов Е.В. Египетский вопрос в англо-французских отношениях конца XIX начала XX века / Е.В. Морозов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 58. – С. 190-193.
12. Айвазян А.А. Египетский аспект англо-французской Антанты 1904 г. В оценке Германии и России / А.А. Айвазян // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2011. – № 2. – С. 65-77.

Поступила в редакцию 12.04.2022 г.

EGYPT IN THE COLONIAL POLICY OF GREAT BRITAIN FROM THE LONDON CONVENTIONS TO THE FORMATION OF THE ENTENTE IN (1841–1904)

R.G. Kharkovsky

The article is devoted to the analysis of the place and role of Egypt in the colonial policy of Great Britain in the period 1841-1904. The paper examines the history of the evolution of Anglo-Egyptian relations from the London Conventions of 1841 to the formation of the Entente in 1904. The main prerequisites for the emergence of the "Egyptian question" and the periods of development of relations between England and Egypt from economic interest to strategic necessity are highlighted. The significance of Egypt for the colonial interests of Great Britain in various periods of time is characterized.

Key words: Northeast Africa, Egypt, Fashoda crisis, colonialism, Anglo-French rivalry

Харьковский Руслан Геннадиевич
Кандидат исторических наук, доцент,
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени В.И. Даля», Луганск, ЛНР.
E-mail: www.ruslan@mail.ru

Kharkovsky Ruslan Gennadievich
Candidate of History, Docent.
Lugansk State University named after V.I. Dal,
Lugansk, LPR.
E-mail: www.ruslan@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316

ДОМ КАК МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОСТИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

© 2022. *В.Н. Даренская*

ГОУ ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

В статье рассмотрена символика дома как общей модели социальности в традиционной культуре. Рассмотрено отношение к дому и предметам его внутреннего пространства в традиционной народной культуре. Такой анализ архаической символики дома не является самоцелью, но позволяет понять данный символ как некую универсалию социальной жизни, актуальную и для современного человека.

Ключевые слова: дом, социальность, традиционная культура, символизм.

Введение. Дом – это не только часть социального пространства, но его смысловой центр – то место сокровенной жизни, где сплетаются «мистические корни бытия» (П. Флоренский) и цветет родовое дерево, место самых радостных и мрачных моментов. Во всех культурах дом – это «символ счастья, достатка, единства семьи и рода; шире – символ освоенного человеческого пространства в противовес стихийному, чужому, нечеловеческому» [3, с. 139]. Кроме того, дом содержит в себе важнейшие моменты биологической активности человека, его жизненные узлы – от рождения, еды и сна до продолжения рода и смерти. Онтологическая значимость символа дома для человеческого бытия определяется его базовыми экзистенциальными смыслами и делает актуальным исследование этого символа как универсалии культуры и социальности. Для традиционной культуры дом является универсальной моделью социальности, которая постепенно утрачивается в современном социуме, что приводит к кризису смыслов.

Целью данной статьи является анализ дома как общей модели социальности в традиционной культуре. Это предполагает исследование отношения к дому и предметам его внутреннего пространства в традиционной народной культуре. В свою очередь, такой анализ архаической символики дома не является самоцелью, но позволяет понять данный символ как некую универсалию социальной жизни, утрата которой в современной мире является одним из факторов экзистенциального кризиса современного человека.

Основная часть. В современной философии культуры существует ряд интересных работ по названной проблематике и существует несколько интересных концептуальных подходов к ее осмыслению. В частности, согласно концепции И. Моисеева, дом – это воплощение иерархии сакральных элементов, включительно с архаическим сакральным столбом, ритуальным очагом-алтарем, столом-алтарем (в период христианских времен – святым или красным углом) и тому подобное. Святой угол (покуть) является представителем Бога в сообществе и доме человека [9, с. 138]. В свою очередь, культуролог А. Кирилюк предложил интересное феноменологическое описание смыслового пространства дома в традиционном социуме: «рассмотрение дома, – пишет он, – как мировоззренческой культурной

категории указывает на доминирующий мотив жизни в семейном окружении, то есть, выявляет витально-генетический универсально-культурный комплекс... порог маркировал границу между освоенным, упорядоченным пространством и внешней хаотичной окружающей средой. Простой деревянный брус (в физическом плане) приобретал высокий человеческий смысл в значениях “родного порога”, к которому после странствий по миру и преодоления неведомых путей возвращается сын, концентрируя в себе весь бесконечно сложный комплекс воспоминаний» [9, с. 203].

Впрочем, на наш взгляд, в предлагаемых подходах есть важный недостаток – а именно, не учитываются специфически христианские смысловые измерения этого культурного феномена. Для анализа символики сакрального пространства дома в традиционном христианском социуме большую эвристическую ценность имеет метод интерпретации внутреннего пространства, разработанный П. Флоренским в его труде «Философия культа», состоящем из цикла лекций, прочитанных П. Флоренским в Москве 1918 года. Стоит заметить, что для анализа сакральных локусов традиционного жилья важно использовать христианскую интерпретацию символов, поскольку в исторической перспективе научно некорректно анализировать пространство с чисто языческих позиций, игнорируя тысячелетнюю историю существования восточно-христианской традиции, поскольку «христианская топика отразила библейскую традицию олицетворения мира, общины верующих и церкви как дома Бога. Христианский Бог предстает как заботливый хозяин (*dominus*), а хорошие христиане – как любимые дети, послушные его благому повелению (*fili, servi*)» [10, с. 144]. Соответственно, и дом человеческий предстал своеобразным подобием этого сакрального мирового порядка и должен был существовать по его законам. Нашей целью является исследование мировоззренческого смысла народных представлений о сущности сакрального пространства дома в контексте христианского мировоззрения.

Приступая к анализу сакральности пространства жилища, важно выразить следующие замечания. С точки зрения традиционного народного сознания, пространство является неоднородным; это зависит от того, в каком локусе проходят важные события и какие объекты там находятся. Эти события и объекты в разной степени причастны к тем или иным ритуалам, которые имеют сакральный характер. Тем самым, все пространство в той или иной степени причастно к различным ритуальным действиям; отдельные его локусы выделяются в качестве сакральных в том случае, если они вмещают в себя храмы или места, где происходили значимые события. Отношение к дому в широком смысле этого слова – как месту, где происходит семейная жизнь, в данный момент эволюционирует в направлении потери сакральных локусов внутреннего пространства, или их обесценения: внутреннее пространство современной городской квартиры или многокомнатной сельского дома уже не имеет четких сакральных мест, которые ранее структурировали пространство, и в то же время структурировали строй семейной жизни и нормы морали. Стоит присмотреться пристальнее, что для человека традиционной культуры олицетворял дом как семейный очаг и жилье одновременно. Как замечают исследователи, в основе крестьянской жизни и мировоззрения «лежит принцип целостности, равноценности всех сторон жизни крестьянского общества. Целостность предполагает выработку единых и общепризнанных правил поведения, коллективной памяти и общей картины мира» [4, с. 47]. Этот принцип целостности крестьянской культуры приводил к одинаковым паттернам поведения и единому образу мира.

Для сознания крестьянина было присущим обращение к вещам быта как к живым, что очень ярко описал М. Красиков в работе «Философия бытия Слобожанского

крестьянина» [7]. Поэтому и к дому обращались как к живому, родному, дорогому существу, олицетворявшему Порядок, мир и защиту в экзистенциальном смысле. Известный украинский режиссер Александр Довженко писал о доме так: «Напишу я слово о хате... Белая, с теплой соломенной крышей, поросшей зеленым бархатным мхом, архитектурная праматерь пристанища человеческого. Незамкнутый, вечно открытый для всех без стука в дверь, без “можно?” и без “войдите!” высоко нравственный человеческий дом. Бедный и ясный, как доброе слово, и простой, как будто создали его не рабочие человеческие руки, а сама природа, словно вырос он, как сыроежка в зеленой траве. Опишу его неповторимую внешность, приветливую и веселую, порой грустную, молодую и старенькую вдовицу, нарядную и внимательную, печальную и никогда не гордую... Кажется, исчезни она, и опустеет земля, зарастет бурьяном и станет черным от голода и злобы» [2, с. 339]. Анализируя отношение к дому как к самому важному месту, важно заметить второй существенный момент: дом как бы вырастает из природной среды («будто создали ее не рабочие человеческие руки, а сама природа»), он является порождением земли, органично соединен в материалах и красках с окружающей средой (вспомним, что дом «как сыроежка в зеленой траве»).

То есть для менталитета традиционной культуры присущ взгляд на дом как на продолжение природы, без насильственного ломания рельефа и вида из естественного на искусственно созданный. В-третьих, дом в народном воображении соотносится с мировым деревом: крыша, крыша – это верхушка дерева, стены – это ее ствол, а погреб, который строится тут же под домом – это корни этого дерева. В-четвертых, дом можно представить как своеобразную модель мироздания, поскольку «его четыре стены ориентированы по четырем сторонам света, а фундамент, стены и крыша соответствуют трем уровням Вселенной» [3, с. 139]. И, наконец, в-пятых, дом можно считать местом и форма встречи мира живых и мира мертвых: «определенным образом дом находится на границе между тем миром и этим, между природой и культурой» [9, с. 144]. Действительно, можно привести много этнографических сообщений для доказательства этого. Местом встречи мира живых и мертвых всегда считалась печь, в которой жил «домовой», посланец «того» мира: «домовой любит печь и, как когда-то думали, имеет в ней свое жилище. Поэтому в доме нельзя сказать дурного слова» [4, с. 122]; печь была центром «местонахождения домашних духов и душ умерших родственников» [8, с. 84], поэтому и нельзя было ругаться в доме, так можно было обидеть этих духов и души предков. Существовали определенные дни года, когда мертвые предки могли зайти в дом, и это, прежде всего, праздничный ужин на Рождество. В этот день, сядя за праздничный обед, который начинался с появлением первой звезды на небе, дули на скамью, потому что можно было «сесть» на душу предков. После ужина не мыли ложки, поскольку, по представлениям крестьян, ночью души мертвых предков обедали.

Стоит заметить, что для русского жилья характерна устойчивость основных типов внутреннего расположения вещей домашнего обихода и мебели, поэтому дом любого этнографического региона будет иметь в основном один тип разделения внутреннего пространства дома, что является этнической характеристикой и позволяет говорить о единстве символического значения бытовых вещей. Анализируя интерьер, важно заметить, что основных сакральных центров в доме было два: это печь и покуть. Сразу же возле входной двери с правой или левой стороны находилась печь, составленная из кирпича или глины и побелена. По диагонали от печи в углу находился «святой угол», «красный угол» или покуть, то есть второй сакральный центр дома. Здесь в углу на

полочке стояли иконы (иногда их могло быть до 20–30 на одной стене), висела лампадка, за иконы были заложены веточки вербы, которые освящают на Вербное воскресенье за неделю до Пасхи, Спасу цветы, то есть огородные цветы (тимьян, настурция), которые освящают на праздник Маковея (14 августа) и на Спаса (19 августа). В традиционной украинской хате слева или справа от двери находилась вариста печь, сделанная из глины или кирпича, обмазанная глиной, побеленная мелом, да еще и расписана растительными узорами. В частности, печь украшали рисунками в семьях, где были на выданье дочери. Печь была большой по размерам, иногда занимала до четвертой части жилой комнаты, и выполняла много функций: в нем готовили еду (варили, жарили, запекали, пряжили), пекли хлеб и пироги, сушили фрукты; в холодное время на печи спали (в основном старые и малые жители дома). Важно заметить, что по данным этнографов, печь входила в число важнейших элементов, которые создавали любой жилой интерьер и определяли статус самого строения, – собственно говоря, именно печь была главным формирующим элементом жилья. Как отмечают исследователи, от типа отопительного прибора многое зависело его место в традиционном мировоззрении и связанные с ним обряды: «домашний очаг воспринимался как центр изоморфного космоса жилища, возле которого совершались обряды» [8, с. 84].

В народном сознании много домашних вещей были по своей сути оберегами, это же касается и печи как главного элемента жилья, и поэтому она олицетворяла такие важные элементы: 1) для крестьянина печь была символом «материнского истока, нерушимости семьи, непрерывности жизни, родного дома, родины» [4, с. 456]; 2) она же – ритуальный и культовый семейный алтарь. Поскольку огонь считался священным, поэтому люди поклонялись ему и превозносили его; 3) печь имела не только сугубо утилитарную функцию приготовления пищи и придания тепла, но имела и «духовную, сплывающую. Отсюда метафора: семейный очаг» [1, с. 51]. То есть печь была символом семейных отношений и таких этических категорий, как любовь, тепло и искренность.

Разберем вышеупомянутые элементы символики печи в традиционной культуре подробнее. Как источник тепла и место приготовления пищи, печь была объектом почитания каждой семьи. С печью связаны многочисленные верования и обряды; домашнему очагу поклонялись как ближайшему и главному олицетворению божества стихии огня [8, с. 84]. Печь и огонь, который в ней горит, были символом дома, оседлого жилища, освоенного человеком пространства в противовес хаосу за его пределами. Поскольку огонь в печи и сама печь считались священными, то и обращались с ними соответствующим образом: сама хозяйка должна относиться к нему с уважением и нежно, его нельзя было ругать или при горящем огне ругаться. На этот факт указывает много сведений, в частности на огонь, который полыхал в печи, «нельзя говорить ничего плохого, в него нельзя плевать или бросать что-либо нечистое, с ним нельзя играть» [1, с. 53]. По этнографическим данным, даже пепел подметать в печи нельзя было обычным веником, для этого существовал отдельный, ритуально «чистый» веничек, сделанный из полыни. Стоит заметить, что этот культ огня и домового божества, по утверждению И. Огиенко, «чрезвычайно стар, известен у всех индоевропейских народов. Домашний очаг, в котором горел неугасимый огонь, издавна был главной святыней дома, – он берег счастье дома и всех членов семьи. Домашний семейный очаг был у нас первым жертвенником, а глава семьи – первым жрецом. Старший в семье, отец (а позже “батюшка” – священник) выполнял все необходимые обряды, связанные с домашним очагом» [5, с. 124]. Для жилья важное значение имел

символ огня, зажженного очага, и поэтому печь всегда была своеобразным центром, главным местом, к которому все тяготело в доме. Таким образом, среди сакральных локусов традиционной избы печь занимала самое первое место как символ оседлой человеческой жизни, и без печного огня, то есть очага, на котором готовится пища, дом не считался жилым сооружением.

О важности домашнего очага как символа, освоенного человеком пространства в противовес неосвоенному хаосу, также писал и П. Флоренский. Он отмечал, что «в рисунках детей, которые изображают дом, важнее всего струйка дыма, труба, а слово “дом”, насколько сохранили нам исследование истории языка всей индоевропейской семьи, ведет происхождение от значение “дым” (dhumas, fumeé, dampfen)» [10, с. 84]. Действительно, слово «дом» и «дым» имеют однокоренное происхождение, что указывает на их онтологическую близость или даже неразрывность. Как отмечал в заметках к своим лекциям П. Флоренский, при возникновении жилья его основным центром была кухня (это универсальное, присущее всем народам без исключения, разделение дома на сакральные локусы, что подтверждается многочисленными свидетельствами этнографов), где горел огонь и готовилась еда, семья обедала и ужинала. Собственно говоря, здесь можно усмотреть эволюцию от домашнего очага до кухни. П. Флоренский обращал внимание и на еще один важный факт, который часто остается незамеченным в многочисленных исследованиях: культ огня, который существовал у всех языческих народов (от римлян до славян), существует всегда и одновременно с жертвоприношением, которое затем постепенно превращается на приготовление еды: «Мы готовим еду. Исторически – кухня является святилищем, а очаг – его алтарь. Кухня – не только духовное средоточие дома, но и зерно, из которого вырос весь дом. Кухня – это храм религии рода, который является связью начала поколений, и именно через него поколения являются священными друг для друга и образуются священное единство, род» [10, с. 214]. Он утверждал, опираясь на понимание философии культа, что плита (русская печь) – это жертвенник, кухня в таком случае является храмом, а гостиные – это притвор. В такой интерпретации символики печи и пространства вокруг нее сам процесс употребления пищи превращается, по словам П. Флоренского, на сакральный акт причастия, поскольку для традиционного сознания «связь тела и пищи была священной» [10, с. 79].

Насколько глубокий смысл «закодирован» в домашнем очаге, можно понять, вчитываясь в лекции по философии культа П. Флоренского. Для него очаг или его позднейшая эманация, имели определяющее значение для философской антропологии, поскольку только кухня вводит людей в человеческий мир. Без приготовления пищи, по П. Флоренскому, человек теряет основные характеристики, которые определяют его бытие, поскольку «исторические корни общечеловеческой религии никогда и никем не были отменены, и не могут быть отменены, поскольку не являются чьим-то творением, не были установлены через *contrat social*, а являются выражением самой природы нашей» [10, с. 214]. Мы можем понять, что именно теряет современная цивилизация, когда в высокоразвитых странах приготовление пищи стало делом несущественным, поскольку люди предпочитают кушать не дома, или не готовить вообще. Без систематического ежедневного приготовления пищи теряется сакральный аспект бытия – причащение самой семьи; если очаг не загорается – по логике, присущей народной культуре, – дом не является жилой постройкой, это ночлежка или общежитие для сна и проведения досуга. Из такого дома выветривается понимание сакральности отдельных актов человеческого бытия. Можно сказать, что все этапы жизни человека включали элементы печной символики в качестве семейного оберега, поскольку печь и

пылающий огонь были главными символами человеческой жизни в хаотичной Вселенной.

Почему таким важным выступает процесс приготовления пищи? По П. Флоренскому, через символику печи и очага, выступающих в роли святилища – очаг является его алтарем, а процесс приготовления пищи «род богослужения, низший, может быть, но все-таки священный, по-своему уставный» [10, с. 214], – открывается «священная глубина» (П. Флоренский) кухни. Если игнорируется ее значение, то игнорируется и фактически отрицается человеческая природа: «посягнув на этот закон, мы сами разочаровываемся тем самым от своей собственной человечности, убиваем самих себя как людей» [10, с. 214]. Продолжая эти рассуждения, стоит заметить, что в жилище, где не готовится пища, не происходит священного акта единения рода, нет прецедента формирования ощущения святости «семейного очага», которое возникает во время совместной трапезы. Естественно, что эта инволюция и предельное упрощение понимания акта приготовления пищи приводит к постепенному обесцениванию и всех других семейных ценностей и фактической потере человечности дома.

Заключение. Подытоживая проведенный анализ, можно сделать следующие обобщающие выводы. Сакральность пространства жилья (дома) в традиционной культуре определяется следующими факторами: 1) восприятием самой структуры дома, пищи и печи как способов своеобразного природного «причастия» к целостности Вселенной; 2) восприятием домашней работы как некоего сакрального ритуала или даже определенной жизненной аскетики; 3) восприятием дома как целого в качестве источника религиозного воспитания и духовного вдохновения. Такой синтетический характер дома как символа «центра мира» делает его изначальным местом социализации личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилюк А. Українська хата. – К.: Наукова думка, 1991. – 112 с.
2. Довженко О.П. Хата // Твори: В 5 т. – Т. 3. – К.: Дніпро, 1984. – С. 339-341.
3. Дом // Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Сост. К. Королев. – М.: Эксмо, СПб.: Мидгард, 2005. – С. 139-142.
4. Жайворонок В. Знаки української етнокультури: Словник-довідник. – К.: Довіра, 2006. – 703 с.
5. Іларіон, митрополит (І.Огієнко). Дохристиянські вірування українського народу: Іст.-реліг. моногр. Видання друге. – К.: АТ «Обереги», 1994. – 424 с.
6. Кирилюк О.О. Універсальні параметри соціокультурної спеціальності: українська хата // Універсальні виміри української культури. – Одеса: Друк, 2000. – С. 200-213.
7. Красіков М. Філософія буття слобожанського селянина // Часопис «Дух і Літера». – 1999. – № 5-6. – С. 428-442.
8. Масько Ю.В. Почитание печи у восточных славян (по археологическим данным Днепропетровского Правобережья) // Хлеб в народной культуре. Этнографические очерки. – М.: Наука, 2004. – С. 83-90.
9. Мойсеїв І. «Рідна хата» в системі категорій української культури // Культурологічні студії: Зб.наук. праць. – К.: НАУКМА, 1996. – С. 130-146.
10. Флоренский П.А., священник. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии) / Сост. Игумен Андроник (Трубаев). – М.: Мысль, 2004. – 685 с.

Поступила в редакцию 21.02.2022 г.

THE HOUSE AS A MODEL OF SOCIALITY IN TRADITIONAL CULTURE

V. N. Darenskaya

The article examines the symbolism of the house as a general model of sociality in traditional culture. This involves the study of the relationship to the house and the objects of its interior space in traditional folk

culture. Such an analysis of the archaic symbolism of the house is not an end in itself, but allows us to understand this symbol as a kind of universal social life, relevant for modern man.

Key words: home, sociality, traditional culture, symbolism.

Даренская Вера Николаевна

кандидат философских наук,
доцент, зав. кафедрой философии
ГОУ ЛНР «Луганский государственный
педагогический университет», г. Луганск, ЛНР.
E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

Darenskaya Vera Nikolaevna

Candidat of Philosophical Sciences,
Associate Professor, chief of the Chair of Philosophy
SCE LPR “Lugansk State Pedagogical University”,
Lugansk, LPR.
E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

УДК 111+7.01

СИМВОЛОГИЯ М. К. МАМАРДАШВИЛИ И А. М. ПЯТИГОРСКОГО В СВЕТЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИСКУССТВА

© 2022. Д. А. Левченков

ГОУК «Луганская государственная академия культуры и искусств
имени М. Матусовского»

В статье рассматриваются основные положения символогии М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского, а также обосновывается то, как философский подход данных авторов может быть использован для решения эстетических проблем и анализа произведений искусства. В рамках философии сознания раскрывается специфика понимания философами символа, культуры и роли искусства относительно жизни сознания.

Ключевые слова: сознание, символ, трансцендентальный, эстетическая идея, знак, язык, культура, искусство, эстетика.

Философия Мераба Константиновича Мамардашвили и Александра Моисеевича Пятигорского представляет способ мышления, который по мнению автора статьи может быть продуктивным в области эстетического анализа произведений искусства, способен приблизить нас к пониманию сущности художественного символа в искусстве и характера взаимосвязи эстетического и глубинного смыслового содержания в художественном произведении.

Несмотря на то, что философия авторов связана в первую очередь с описанием жизни сознания, а понятие символ они употребляют в рамках данной философской задачи и исключительно внутри своей своеобразной философской системы, наше обращение к их философии в области эстетики является оправданным и актуальным ввиду того факта, что любой эстетический опыт субъекта принадлежит его сознательной жизни, входит в сферу сознания, а также коррелируется с сознательными интенциями индивида, его волевыми и мыслительными актами. В своей уникальной «символогии» философы пытаются осмыслить те процессы сознательной жизни, которые обеспечивают само понимание чего-либо, формирование смысла, что важно для нас в контексте проблемы смыслового содержания художественного произведения, самого процесса смыслообразования в искусстве.

Поскольку ядром философствования авторов является их фокусирование на онтологическом основании символа и смысла, они предлагают способ усмотрения этих онтологических оснований в жизни сознания, а также в перспективе – в анализе культурных явлений, возможности снимать слои идеологизации с объекта культуры, проникая вглубь его подлинного относительно сознания смысла. Таким образом, данный способ философствования и онтологизм их философии может помочь нам приблизиться к онтологическому уровню и в области эстетики художественного произведения.

Объектом нашего исследования является философия сознания М. Мамардашвили и А. Пятигорского, а предметом – «симвология» данных авторов в контексте решения эстетических проблем.

Задачей данного исследования будет рассмотрение «символогии» М. Мамардашвили и А. Пятигорского с целью применения философского подхода авторов к области эстетики.

К анализу философского наследия М. Мамардашвили и А. Пятигорского обращались Д. Гаспарян, С. А. Нижников, В. А. Конев, Ю. А. Разинов, Л. А. Клюкина, А. А. Исаев и др.

В 1982 году в Иерусалиме впервые вышла в свет книга М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского «Символ и сознание», посвященная рассмотрению жизни сознания через символы. Авторы обратились к понятию символ в контексте своей философии сознания. Данное понятие наряду с некоторыми другими становится ключевым в понимании и философском осмыслении главного предмета их философии – сознания.

М. Мамардашвили и А. Пятигорский создают уникальную философию символа и сознания. Смысл, которым ученые наделяют символ и символическое, значительно отличается от любых других концепций символизма: П. Флоренского А. Ф. Лосева, К. Г. Юнга Э. Кассирера и др. [7].

Книга «Символ и сознание», надо заметить, сложна для понимания. Не случайно Ю. А. Разинов в качестве ее особенности указывает на «темный гераклитовский язык» [8, с. 9]. Предмет символогии авторов – отношение символа к реальности не только вещей, но и сознания. Нельзя понять смыслов, которые философы вкладывают в понятие символ, в отрыве от философии сознания и ее проблематики, хотя для М. Мамардашвили сознание – никакой не предмет, и в этом заключается основная проблема.

Согласно авторам, как бы мы не пытались сделать сознание предметом нашего осмысления и созерцания, оно всегда остается вместилищем любой нашей мысли или созерцания, не выпуская за свои пределы смотрящего, не давая посмотреть на него со стороны как на предмет. Сознание наполнено вещами, но само оно не вещь. Сознание нам не принадлежит, но мы ему принадлежим всегда. Сознание – нечто дорефлексивное, внеположенное по отношению к нам. Все, что мыслится нами о себе самих и о мире, всегда уже является результатом его деятельности. Единственное, что мы можем сказать о сознании, так это то, что оно всегда наполнено неким содержанием. Вглядывание в него, собственно даже не в само содержание сознания, а в то, как это содержание структурируется, дает возможность что-то сказать о самом сознании.

Казалось бы, можно представить себе, как устроено сознание, усмотрев в основе его природы те или иные психические или социально-культурные процессы, наши языковые возможности. Но подобные представления, во-первых, всегда будут являться моделью сознания, но не самим сознанием. Созерцая модель, мы собственно отворачиваемся от того, что хотим сделать предметом нашего рассмотрения, а именно, от самого сознания. Во-вторых, М. Мамардашвили подвергает критике различные теории, редуцирующие сознание к психической деятельности, языку, культуре и т.д. Согласно Мамардашвили, такие процедуры больше похожи на «борьбу с сознанием», нежели чем на попытку ответить – что это. Подобные подходы к анализу сознания сводят, растворяют сознание в том, что является его наблюдаемым спутником или следствием (язык, культура). Таким образом, проблема состоит в том, что мы можем быть свидетелями ассоциируемых сознанию, сопутствующих сознанию процессов и явлений, но никогда не можем сказать, что такое само сознание. Чтобы описать сознание нередко прибегают к метафоре, в которой сознание уподобляется лучу света, освещающему предметы мира, но сам источник света при этом не дан, то есть все дано в сознании, но само сознание нам не дано, так же как и все дано во времени, в пространстве и бытии, но сами по себе ни первое, ни второе, ни третье нам так же не даны [1, с. 51]. Сознание – это то, о чем сложно что-либо сказать, как и о некоторых других вещах, и, соответственно, не может существовать теории сознания. Поэтому мыслители создают «метатеорию сознания», противопоставляя ее какой-либо теории

сознания, как единственный способ если не увидеть сознание как предмет, то хотя бы позволяющий приблизиться к его пониманию.

М. Мамардашвили отрицает возможность адекватного описания сознания в рамках той или иной науки на ее языке. Единственный способ понять сознание и описать его, – использовать собственный язык сознания, который, по мнению философа, является символическим, а саму основу функционирования сознания составляют операции с символами [1, с. 52]. Отсюда следует, что символическая природа сознания может быть описана только при помощи символов. Согласно В. А. Коневу, символы у М. Мамардашвили и А. Пятигорского – «репрезентации не предметов и событий, а сознательных посылок и результатов сознания» [4, с. 77]. Особенность трактовки символа М. Мамардашвили заключается в его понимании символа не только как особой символической деятельности, как основания духовной жизни человека, способности сознания. Символ для философов – это не только объект культуры, но прежде этого – нечто как бы уходящее своим одним концом в содержательную структуру сознания, (которая нам не может быть дана), а другим – обращенное к психике индивида как символ, который для мыслителей таким образом есть вещь [6, с. 26]. Структуры сознания или формы сознания имеют, согласно философам, трансцендентальную природу. Символ является ключом к постижению сознания, поскольку сознание невозможно постигать непосредственно, потому, что само познание, направленное на природу сознания как объект, представляет собой уже содержание сознания, результат его деятельности.

Чтобы понять, что такое «символ сознания» М. Мамардашвили и А. Пятигорского, следует обратиться к их пониманию учения Платона об идеях, которое, согласно авторам, является первой семиотической теорией и первой теорией сознания, в которой предметы являются знаками идей, а не наоборот. «У Платона идеи есть символы сознания, а не знаки <...> не идеи обозначают предметы в сознании, а предметы есть знаки идей» [6, с. 94]. «Платон понятием идея символизировал сознание и прежде всего – отличие духовных (сознательных) структур, в принципе по Платону трансцендентальных, от структур вещественных» [6, с. 95]. Авторы считают, что идеи следует мыслить не как нечто трансцендентное, метафизическое, а трансцендентальное, интеллигибельное, но осуществляя при этом трансцендирование [2, с. 319]. Символ сознания определяется ими как «первичный символ», таковыми являются такие «предельные понятия» как Бог, смерть, вечная жизнь, свобода, сознание [7].

М. Мамардашвили выделяет целый класс ментальных объектов, которые обычно связывают с представлением о трансцендентной реальности. Данные понятия: Бог, смерть, вечная жизнь, свобода, сознание и др. невозможно объективировать, они не могут быть познаны эмпирическим путем, мы можем только мысленно конструировать, представлять себе нечто об этих понятиях, таким образом, согласно М. Мамардашвили, формируя «вторичную символику». Например, «жизнь вечная» – это символ сознания, который отражает нечто соответствующее ему в сознании, некую прибывающую в сознании установку, а представление о «жизни вечной», то, какой она может быть, – есть вторичная, содержательная символика. Мы видим, что смысловое содержание, таким образом, формируется на основе первичного символа сознания, соответствующей ему дискретной содержательной структуры сознания, предполагающей определенное смысловое развертывание и упорядочивание опыта.

Таким образом, философы разворачиваются к самому сознанию, его непосредственным вещам, символам сознания, отстраняясь от того, что непознаваемое, от вторичной символики, измышлений, представлений, включая собственное Я, которое

в результате иллюзии восприятия человек ошибочно принимает за лежащее в основании своего бытия.

Итак, процесс духовного познания, согласно философам, детерминирован трансцендентальными символическими образованиями, включающими такие понятия как тотальная свобода, Бог, бескорыстная любовь, вера и др. Все эти символы сознания соответствуют определенным структурам сознания, которые нам недоступны иначе как через символы. В свою очередь символы задают определенное состояние сознания, вне которого было бы невозможно переживание определенного опыта, его удержания в сознании и осмысления [7]. Символ, таким образом, представляет собой вещь, генерирующую некоторое состояние сознания, посредством чего психика человека включается в определенные содержательные структуры сознания [6, с. 151]. В связи с этим, поскольку символ обладает своей объективной автономией, его нельзя рассматривать исключительно как объект культуры. Символы же в культуре образуют ядро, вокруг которого осуществляется и строится вся человеческая культурная деятельность. В культуре символы уже не являются «чистыми» вещами, но выступают в виде феноменов [3, с. 128].

Согласно воззрениям М. Мамардашвили и его соавтора и сомыслителя А. Пятигорского, символы сознания не должны отождествляться с их культурным содержанием, поскольку так они превращаются в псевдосимволы, символы второго порядка, что приводит к деградации культуры, поскольку акты понимания в культуре осуществляются именно благодаря символам первого порядка. Ученые критически оценивают тенденцию в философии, где символы понимаются как концепты, низводясь до уровня идей, как следствие – идеологизируясь и мистифицируясь в культуре. Идеологизированному символу отводится роль модели, с которой сознание должно соотносить свою познавательную деятельность «Осуществляя удостоверяющую функцию сознания, символы, точнее псевдосимволы, устанавливают контроль над процессом понимания» [3, с. 128].

Соотношение символических и естественно-языковых систем рассматривается М. Мамардашвили и А. Пятигорским как фактор, определяющий характер культуры [6, с. 183]. В своей символогии авторы противопоставляют символическое мышление – языковому, формализованному и автоматизированному. Язык способствует передаче знания, но он не приводит к пониманию. Язык существует и до овладения им потенциального нового носителя. Смыслу, как продукту индивидуального акта мышления, уникальному сознательному опыту всегда тесно в границах понятий языка. Напротив, метафора (символизирующая сознание) по сути представляет собой путь выхода за границы языковости. Усмотрение символов способствует индивидуальному осознанию и пониманию. Философы считают, что в культуре должен присутствовать определенный баланс символичности и «языковости». Смерть различных языков в культуре они прежде всего связывают с утратой символического, смыслового, культурного ядра, без которого язык превращается в формальную оболочку без содержания. М. Мамардашвили противопоставляет символ понятию и знаку, подчеркивая то, что знаки и язык релятивны, символы же – это сами вещи. При этом философ предполагает, что в сознании есть дискретная структура соответствующая знаковости, а рефлексия – это одно из состояний сознания [6, с. 114].

Фиксируя различие знака и символа, авторы книги определяют сознание как понимание. Символы соотносятся с пониманием. «Понимание нельзя «означить», его надо получить, его нужно иметь, в него надо попасть» [6, с. 100]. Символ не есть знак, поскольку знак произволен по отношению к своему означаемому.

Символ встраивает всякое частное в некое целое и это имеет прямое отношение к процессу осознания, поскольку его акт, по сути, представляет попадание индивидуального опыта в целое общей идеи или мысли. Собственно, процесс осмысления, понимания всегда есть выход за пределы частного, конкретного опыта разрозненных переживаний, рассмотрение его как частного случая некой превышающей его общности, которую мы и называем смыслом. [1, с. 53].

Знаки взаимозаменяемы и таким образом ведут нас к релятивизму. Если все может быть переозначено, как может осуществляться познание? Для того, чтобы проявился смысл, сформировалось понимание чего-то, мысль должна устремиться к абсолюту, к пределу, тому, что будет неизменным основанием для нее. Именно символ, благодаря своей предпосылочности как конституирующей структуры мысли, а не самой мысли, согласно Мамардашвили, выступает гарантом смысла и обращение к нему в философии может стать путем возвращения к онтологии не только в области гносеологии, но и, в этике и эстетике. Если знаки ведут нас бесконечной чередой замещений и отсылок, то символ – это конец пути, искомое, вещь сознания [1, с. 57]. «Символы – орудия нашей сознательной жизни. Они – вещи нашего сознания, а вовсе не аналогии, не сопоставления, не метафоры» [5, с. 18-19].

Своеобразно и довольно радикально М. Мамардашвили понимает культуру как некую противоположность жизни сознания, поскольку культура представляет формализованную, автоматически используемую психическим аппаратом человека знаковую систему, что обеспечивает культурную жизнь, позволяет оперировать знаками и значениями, причем в некоторых случаях с нулевым присутствием понимания.

«Культура, как и язык, – в высшей степени формальны по отношению к сознанию: нечто от сознания попадает в культуру, подвергается тому, что можно назвать культурной формализацией, и становится само культурным формализмом» [6, с. 187]. Любое тиражирование, в том числе и в художественной культуре, превращение культуры в массовую, приводит к редуцированию в ней символизации жизни сознания. Под «формализацией» М. К. Мамардашвили понимает работу «любого механизма, которая может осуществляться при редукции этим механизмом исходного материала и условий, не предполагая постоянного их воспроизводства и «оживления»» [6, с. 188]. «Возможно, что «ядро» культуры как таковой позволяет что-то сделать на уровне культуры и в самой культуре не понимая. Делать что-то без понимания, механически и есть культура» [6, с. 192]. «Культура есть то, что культивирует объективно направленный автоматизм мышления» [6, с. 192]. Согласно М. Мамардашвили в тоже время должны существовать способность и силы противостоять культурной формализации, антиредукционные механизмы, обеспечивающие возвращение человека к внекультурной сознательной жизни, и оживление культуры, сохранение в культуре символизации сознания [6, с. 187]. .

Обращаясь к искусству, М. Мамардашвили подчеркивает, что в нем «регрессия к символизму сознания дана не в тенденции (как в философии), а как основное условие любого выполнения» [6, с. 194]. Все европейское крайне индивидуалистическое искусство, по сути, не воспроизводимо, то есть его нельзя воспроизвести механически, формально, вне сознательной жизни, если конечно это подлинное искусство. То есть, символизм сознания присутствует благодаря уникальной первичной символизации, которая всегда в сознании новая вещь, требующая понимания, а не знак языка, значение которого можно просто знать [6, с. 195]. Основная роль и функция искусства относительно сознания – выступать как бы противоположностью языка, блокировать тенденцию культурной формализации. Способность искусства оказывать

сопротивление превращению в формализованный язык, механическому, несознательному тиражированию, является для мыслителя критерием его подлинности [6, с. 194].

Несмотря на то, что философия М. Мамардашвили направлена на исследование природы сознания, его философский подход может быть использован в совершенно разных областях, в том числе и в анализе произведений искусства. В первую очередь это поможет пролить свет на процесс смысловыражения и смыслопонимания в искусстве. Подобный анализ можно использовать вместе с языковым, заключающимся в рассмотрении формализации и автоматизированного использования языка.

Говоря о значении и роли символа в познании, стоит вспомнить, как рассматривал символическое И. Кант, а именно, как некую наглядность идеи, понятия, без которой невозможен процесс познания. При этом И. Кант в этом процессе отводит значительную роль воображению, без которого невозможно созерцание вещи. Символ, не будучи конвенциональным знаком, требует творческой активности и воображения, логической способности напряжения разума, логического реконструирования идеи в сознании, что и приводит к ее символическому созерцанию и, как следствие, – пониманию.

Таким образом, символическое мышление способствует пониманию, поскольку символ обеспечивает созерцание идеи, ее содержательное отображение, при этом задействуются творческие мыслительные способности, поскольку индивид должен не просто знать значение знака, как в языке, но открывать смысл, создавать каждый раз заново символ как способ созерцания идеи (по Канту). Даже в том случае, когда индивид созерцает символ как предмет, он вынужден воссоздать смысл, создавая свое символическое представление.

Знак, как мы знаем, не дает представления о предмете, но только означает его. В данной интерпретации символа у И. Канта речь не идет о символизме сознания, а о символизме в принципе, символизации любой идеи, и в этом его представлении мы также видим различие построения символического выражения и знакового, языкового. Впрочем, согласно М. Мамардашвили, чтобы понимание возникло, что-то в любом вторичном символизме, языке должно быть от первичного символизма сознания, обеспечивая это самое понимание, какая-то связь с ним. В искусстве мы так же можем разграничить языковое пространство как совокупность знаковых элементов с достаточно строгими устоявшимися значениями, (стилистические формы и нормы, синтаксис), и символическое пространство, представляющее область свободы и творческого мышления, (которое может формироваться и на языковой основе, как это происходит в поэзии и литературе).

Если продолжать размышлять в духе М. Мамардашвили, то очевидным становится тот факт, что в искусстве преобладает символическое сообщение над языковым, что обусловлено самой функцией искусства выходить за рамки значений языка. Искусство – это единственный способ сказать о том, что осталось неизреченным на языке понятий. В искусстве всегда присутствует как в символической деятельности стремление сделать смысл осязаемым, не только понимаемым, но ощущаемым непосредственно, интуитивно, как данность.

Музыка, например, своим звучанием (скажем нежным и изящным), не отсылает нас к идее нежности как пустотелый знак, но проявляет эту нежность, это изящество, мы с ними встречаемся в своей феноменальной данности. В этом искусство уподобляется природе, подражает ей. Не в смысле копирования ее, а в смысле своей феноменальной наличности.

Метод усмотрения символов М. Мамардашвили, таким образом, может быть применим к области эстетического. С одной стороны эстетический образ всегда представляет единичный опыт и нечто конкретное, с другой – его бытие в сознании обязано восхождению созерцателя к некому целому и абсолютному, к эстетической идее, проявляющей себя в процессе нашего усмотрения предметов мира в результате работающего трансцендентального аппарата, предположительно лежащего также в основе и эстетических идей, организующего разрозненные чувственные впечатления, и не только чувственные впечатления, но и смыслы, включая их в круг эстетического, вкладывая их в некие эстетические структуры сознания. И тогда в разных чувственных восприятиях проступают контуры, отсветы общей эстетической идеи, которая эти очертания рисует в согласии с целым, конституирует, являясь для них законом. Таким образом, эстетические идеи мы понимаем как трансцендентальные символы сознания. Эстетические идеи (символы) определяют наше восприятие. Благодаря им усматриваются эстетические объекты – ритмы, фигуры, их соотношения и связи. Эти чувственные объекты конструируются в сознании по другому критерию, иному, нежели объекты утилитарные, – по эстетическому, но в основе этого процесса лежит связывающий и превышающий их смысл, эстетическая идея, соотносящаяся с сознательной жизнью.

Все мировое искусство, таким образом, представляет собой историю получения и закрепления опыта восхождения к эстетической идее. Можно также предположить, что в одних случаях в основе эстетического, интенционального, сознательного восприятия и выражения лежат трансцендентальные, эстетические идеи, включенные в сферу сознания, тогда как в других – формируются вкусы и эстетические феномены, лишенные онтологической основы. Таковые являются продуктами идеологий, приходящих вкусов моды, вторичных культурных образований, связанных со вторичной символикой культуры. Любая вещь, связанная с эстетическим переживанием, открывается нам как-будто в ином модусе реальности. Мы полагаем, что эстетическая идея или эстетический символ сознания представляет в сознании некий структурный принцип, обеспечивающий связь всех его дискретностей – содержательных структур в некое целое в сознании.

В анализе произведений искусства, следуя за М. Мамардашвили, мы также можем использовать подход разделения на первичную и вторичную символику, редуцировать идеологический символизм и осуществлять усмотрение первичных символов как отпечатков жизни сознания, в произведениях искусства, выступающих как феномены. Следующим шагом может быть анализ того, как вторичный символизм, как совокупность культурного опыта, структурируется в символы на основе символизма первичного, в который как в вещь упирается наша мысль после долгой череды знаковых отсылок. Или рассматривать случаи, когда вторичный символизм существует как некоторые опустевшие стилистические формы (как формы языковые) или нарративы.

Способ философствования М. Мамардашвили применительно к искусству может подводить к тонкой материи смысла, который формируется не только как включенность нашего опыта в некие общие культурные идеи, идеологии, но и как результат «падения» нашего опыта на дно трансцендентальных установок сознания, находящих свое проявление через символы сознания. Так, согласно М. Мамардашвили, происходит «попадание в понимание». И это состояние может быть близким к тому, что называется мистическим озарением, откровением, когда мир не понимается, но проживается, а истина ощущается.

Итак, ключевое значение в философии сознания М. Мамардашвили и А. Пятигорского занимают символы сознания, которые в понимании философов

символизируют нечто не в предметном мире, а в области сознания, представляют собой онтологическую основу для смысла и есть суть само понимание, осознание. Философы проводят различие между символом сознания и идеологией, идеями, концептами и понятиями культуры. Последнее мыслители относят ко вторичной символической, возникающей на основе первичной, то есть символов сознания, но способной существовать и самостоятельно в культуре без понимания. Мыслители противопоставляют сознание и символическое выражение культуре и языку как механизмам формализации и редуцирования сознательного содержания, подчеркивают отличие релятивного знака от символа сознания, который есть вещь. Искусство учеными рассматривается как механизм, возвращающий в культуру символизацию сознания. Поэтому подобный философский подход усмотрения символов сознания может быть применен для решения эстетических проблем, а также для анализа смыслового содержания в произведениях искусства, где также возможно определение идеологических компонентов, языковых элементов и символической составляющей. В рамках данного подхода

эстетическая идея может быть осмыслена как трансцендентальная онтологическая структура сознательной жизни, связанная с интенциональными сознательными актами, организующая определенным образом чувственные впечатления и также символизирующая в сознании структурный принцип, закон, связывающий любые дискретности сознания, любые символы сознания.

Переживая различные жизненные ситуации, мы их осознаем лишь отчасти. Какая-то часть опыта остается неосознанной. Но эстетическая переработка жизненного материала дает не только более глубокое, но и иное понимание реальности. Жизненный материал получает новое осознание. Трансцендентальные эстетические структуры сознания, оформляя наш жизненный опыт, определяют наше понимание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспарян Д. Философия сознания Мераба Мамардашвили / Диана Гаспарян – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. – 288 с.
2. Климова С. М. М.К. Мамардашвили: символ – трансцендентальность – трансцендентность / С.М. Климова // Трансцендентальный поворот в современной философии – 4: трансцендентальная метафизика, эпистемология и философия науки, теология и философия сознания. Сборник тезисов международного научного семинара «Трансцендентальный поворот в современной философии» (Москва, 18–20 апреля 2019 г.) – М.: изд-во ГАУГН–Пресс, Фонд ЦГИ, 2019. – С. 317-321.
3. Клюкина Л. А. Концепция философии культуры М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского / Л. А. Клюкина // *Studia Culturae*, No 10 (2010), с.128-136]. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://iculture.spb.ru/index.php/stucult/issue/view/15>
4. Конев В. А. Критика опыта сознания: Самарские семинары по трактату М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского «Символ и сознание»: монография / В.А. Конев; Федеральное агентство по образованию. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. – 156 с.
5. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию / Мераб Мамардашвили – М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1992. – 418 с.
6. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символической и языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 224 с.
7. Нижников С. А. Постигание Мамардашвили. Часть 2. Символ и сознание в творчестве М.К. Мамардашвили [Электронный ресурс] / С.А. Нижников // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2015. – Т. 8. – Вып. 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/postizhenie-mamardashvili-chast-2-simvol-i-soznanie-v-tvorchestve-m-k-mamardashvili/viewer>
8. Разинов Ю. А. Правила «входа» или как не заблудиться в лабиринте «Символа и сознания» // Конев В.А. Критика опыта сознания: Самарские семинары по трактату М. К. Мамардашвили и

А. М. Пятигорского «Символ и сознание»: монография / В.А. Конев; Федеральное агентство по образованию. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. С. 6 – 23.

Поступила в редакцию 20.01.2022 г.

**SYMBOLOLOGY OF M. K. MAMARDASHVILI AND A. M. PYATIGORSKY IN THE LIGHT OF
AESTHETIC ANALYSIS OF ART**

D. A. Levchenkov

The article discusses the main provisions of the symbology of M.K. Mamardashvili and A.M. Pyatigorsky, and also substantiates how the philosophical approach of these authors can be used to solve aesthetic problems and analyze works of art. Within the framework of the philosophy of consciousness, the specifics of philosophers' understanding of the symbol, culture and the role of art in relation to the life of consciousness are revealed.

Key words: consciousness, symbol, transcendental, aesthetic idea, sign, language, culture, art, aesthetics.

Левченко Дмитрий Александрович,
кандидат философских наук, доцент,
Докторант кафедры культурологии
ГООУК «Луганская государственная академия
культуры и искусств им. М. Матусовского»,
Луганск, ЛНР.
E-mail: dmitriy.levchenkov@gmail.com

Levchenkov Dmitry Alexandrovich,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Doctoral student of the Department of Cultural
Studies,
SEI HPE “Lugansk State Academy of
Culture and Arts. M.Matusovsky”, Lugansk, LPR.
E-mail: dmitriy.levchenkov@gmail.com

УДК 1(091)

ТЕМА ЛЮБВИ В ЛИТЕРАТУРЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

© 2022. *А.А. Миргородский*

ГБУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Дзержинского»

В статье рассматривается содержание феномена любви в художественной литературе эпохи Возрождения. Содержание феномена любви выступает выражением человеческой личности и имеет важное значение в контексте философии персонализма, потому что личность является главной жизненной ценностью.

Ключевые слова: личность, любовь, мораль, право, свобода, творчество, эстетика.

Теоретико-методологическую основу статьи составляют художественные произведения представителей философии эпохи Возрождения, их философско-антропологическое учение, сущностью которого является уважение к свободе и личности человека, приоритет свободы духа личности.

Актуальность и анализ публикаций по проблеме и задачи исследования состоят в том, чтобы глубоко проанализировать философию любви видных представителей эпохи Возрождения. Цель статьи – показать, каким образом проявилась трактовка феномена любви с антропологической позиции в творчестве писателей-мыслителей эпохи Возрождения.

В общей оценке эволюции представлений о любви, сложившейся в эпоху Возрождения целесообразно, на наш взгляд, исходить из концептуализации темы В.П. Шестаковым [6], который в развитии теории любви в данный период выделяет три этапа: первый (поэтический) или проторенессанс – время зарождения в итальянской поэзии «сладостного нового стиля» (*dolce stile nuovo*); второй этап, относящийся к XV веку, характеризуется появлением философских трактатов о любви, а в метафизическом смысле в этот период разрабатываются подходы к обоснованию философского пантеизма; третий этап (XVI в.) определяется как эротико-дидактический – представлен сочинениями практического и назидательного характера.

Если анализировать раннее европейское Возрождение, то своеобразную философию любви мы находим в творчестве таких итальянских и французских поэтов и писателей, как Данте Алигьери, Франческо Петрарка, Джованни Боккаччо, Франсуа Вийон, Франсуа Рабле. Идеалом в любви становится гармония духа и тела, однако эта общая для эпохи установка дополняется своеобразным авторским видением концепта любви. Так, Данте Алигьери связывает любовь с творческим вдохновением и воспекает идеал неразделенной любви, воплощенный в образе Беатриче. Поэзия Данте отражает его философскую эстетику – из этой связки рождается одна из самых возвышенных страниц мировой литературы. «Чтобы философствовать, надо любить», – утверждал Поэт. На протяжении всей своей жизни Данте оставался верен своему идеалу любви, о чем впоследствии будет говорить Н.А. Бердяев в своих рассуждениях об идеальной влюбленности. Тема влюбленности также чрезвычайно важна и для понимания творчества Франческо Петрарки, «вдохновенно воспевавшего Лауру, образ которой символизировал собой всю прелесть мира» [1, с. 6]: «Благословен день, месяц, лето, час / И миг, когда мой взор те очи встретил! / Благословен тот край, и дол тот светел, / Где

пленником я стал прекрасных глаз». Эти возвышенные слова свидетельствуют о том, что любовь здесь не просто условный поэтический приём, а принцип самой жизни, приобретающий форму сонета. Истинная любовь, как утверждается поэтически, захватывает всего человека, уже не способного мыслить себя вне служения женщине – земной, но при этом несущей и облик божественной красоты.

Самым ранним произведением второго этапа становления ренессансной «философии любви» являются «Диалоги о любви» Лоренцо Пизано [1, с. 21-47]. Мыслитель исходит из идеи, что Бог является источником всякой любви, однако сама по себе любовь как феномен человеческого бытия есть единство любящих, демонстрирующее прежде всего отказ от своекорыстия: «Секрет тут в том, что нельзя дарить любовь и нельзя совершенно ей отдаться, пока не достигнуто полное взаимоуподобление. Любящий как бы переливает себя в любимого и притягивает его силой своей любви, которая скрепляет их воедино. Тогда отдают уже не чужому, но как бы самому себе» [1, с. 21]. Любовь в понимании итальянского гуманиста неразрывно связана с красотой, интеллектом, волей людей. Для достойной любви необходимо, по его мнению, чтобы деяния любви освящались неугасимым светом естественного разума и целомудрия. Вместе с тем в оригинальных философских размышлениях о любви Лоренцо Пизано чувствуется и влияние аристотелизма. Так, утверждается, что материя вовсе не чужда любви, хотя и оформляет её дух. В определённой степени эта мысль будет близка и Л.П. Карсавину, который считал, что только дух способен возвысить материю – именно поэтому, по мысли русского философа, любовь растёт, отвергая подчинённость телесному, созерцая красоту и истину. По сути, в обеих позициях наличествуют признаки гилозоизма, одушевления материи.

Для понимания ренессансного толкования концепта любви особо важно подчеркнуть нацеленность эпохи на возрождение идеи античного Эроса как восхождения от чувственных стремлений к духовной силе, к благу и красоте. В этом контексте будет размышлять о любви Николай Кузанский, по мнению которого, восхождение к высокому смыслу любви начинается от человека – именно в любимом обнаруживаются бесконечные и невыразимые основания для любви. Красота любимого совершенно неизмерима, бесконечна, ничем не ограничена, непостижима и потому может быть сравнима с абсолютным совершенством, то есть Богом. Бог в интерпретации философа – абсолютный максимум, отсюда ничего не может находиться за Его пределами, быть противоположным Ему, в Боге совпадают все противоположности. Единство Вселенной, всеобщая связь всего со всем обозначается словом «любовь» и уподобляется Святому Духу, доказывает мыслитель. Любовь представляет собой высшую связь, а Святой Дух – совершенную любовь. Исходя из этого, Н. Кузанский доказывает, что Бог всегда связан со своим творением. Эта интенция немецкого мыслителя особенно, на наш взгляд, присутствовала в интерпретациях любви последующими религиозными философами, её по-особому ощущал С.Н. Булгаков, в философских размышлениях которого красной нитью проходит мысль о чрезвычайном великодушии Бога. Бог настолько великодушен, что даёт людям свободу не любить Его (а любить кого-то вместо Него), тогда как Он всегда любовно связан со всем и каждым.

Примечательна идея развертывания Абсолюта в мире, которую в метафизике всеединства разрабатывает В.С. Соловьев. Подобные идеи в XX веке выразит уже упоминаемый Л.П. Карсавин. Продолжает линию Н. Кузанского и С.Л. Франк.

Центральным моментом в плане утверждения связи ренессансной эпохи с культурой античности в XV в. стало творчество Марсилио Фичино, а также

деятельность созданной им Флорентийской академии. На собраниях академии присутствовала практически вся флорентийская интеллигенция того времени. Философский платонизм, в том числе теория любви Платона, был одной из популярнейших тем академического обсуждения. М. Фичино – крупнейший ренессансный мыслитель, развивающий философию любви в духе платонизма. Он пишет «Комментарий на “Пир” Платона. О любви» [1, с. 49-71]. Много позже, подобный шаг сделает и В.С. Соловьёв, написав «Смысл любви» и тем самым продолжив традицию христианского платонизма. В произведении М. Фичино представлена грандиозная диалектика любви, охватывающая собой не только человеческие чувства, но и отношения всех вещей и процессов в мире. По словам В.П. Шестакова [6], М. Фичино использует различные источники, которые относятся к философии любви: идеи эроса Платона, дружбы Аристотеля и стоиков, учение о космической любви Прокла, христианскую идею *caritas* и даже представления о куртуазной любви, но доминанта в его рассуждениях остаётся платоновская. М. Фичино видел в любви силу, которая соединяет тело и душу, материю и дух, человека и природу [4]. По его мнению, любовь придаёт хаосу форму и организует мир в единое целое. В процессе любви происходит превращение любящего и любимого: один до самозабвения отдаёт себя другому, умирает в нём, но затем воскресает, возрождается и начинает жить уже не одной, а двумя жизнями. То есть, любовь – это единение душ, обмен душами, удвоение творческих потенций жизни. «Платон называет любовь горькой вещью, – пишет он. – И справедливо, потому что всякий, кто любит, умирает. Орфей называет её <...> сладостно-горькой, так как любовь есть добровольная смерть. Поскольку она есть смерть, она горька, но, так как смерть эта добровольна, – сладостна. Умирает же всякий, кто любит...» [1, с. 58]. М. Фичино в любви видит наслаждение и страдание, одновременно грусть и радость: «Ибо кто однажды умер, воскресает дважды, и за одну жизнь обретает две, и из себя одного превращается в двоих» [1, с. 59]. Такие же параллели можно найти в рассуждениях Л.П. Карсавина.

В этих строчках просматривается метафизическая сложность любви, проявляющаяся в слиянии, взаимном проникновении божественного и человеческого, в проблесках высшего смысла в обыденном, повседневном, в рождении единства в многообразии, в соединении разного, но в любви тождественного. В целом, в неоплатонизме любовь – это желание наслаждаться красотой, поиск прекрасного, который получает удовлетворение тремя способами: с помощью разума (интеллекта), зрения и слуха. Для М. Фичино чувства не имеют отношения к любви, ибо они связаны с вожделением, отсюда желание соития и любовь противоположны. Вместе с тем всякая любовь благородна и праведна, потому что имеет божественный источник. Любовь – движущая сила, которая заставляет творения искать воссоединения с Богом, это «крепчайший обруч, скрепляющий мироздание в одно великолепное сооружение, а людей – во всеобщее братство» [3, с. 440]. Это духовное круговращение (круговой ток) – от Бога к миру и от мира к Богу. Таким образом, любить – значит занять место в этом мистическом круговращении. При этом любовь без познания «слепа», ведь познание устремляет любовь к высшей цели, к благу, которые и есть красота. Как видим, в целом, Николай Кузанский и Марсилио Фичино развивали идею космической любви. Аналогичные идеи продолжили и углубили Л. да Винчи, Я. Бёме, Дж. Бруно, И.-В. Гёте. Особую популярность в последующие эпохи получила идея о том, что человеку присуще чувство всеобъемлющей любви.

Джованни Пико делла Мирандола опирается в своих размышлениях о смысле человеческого бытия на одну из основных идей платонизма о том, что зачатие и

рождение – проявление бессмертного начала в смертном существе. Он считает, что человек возвышается до высшей части универсума, очистившись от «грязи» земного тела и превратившись благодаря любви в «духовное пламя». Человек воспаряет до умопостигаемого неба, счастливо успокаивается в руках Отца [1, с. 9]. В его интерпретации любовь – это желание высшей красоты. Красота же есть облик любви, составляющей сущность мира. В свою очередь, всеохватывающая любовь пронизывает мир, потому что Бог сотворил её. Следовательно, где есть единство, есть любовь – там есть и Бог. Благодаря любви, возрастая от совершенства к совершенству, человек достигает такой ступени, на которой, как говорит философ, соединяя свою душу с умной природой и из человека сделавшись ангелом, он весь воспламеняется ангельской любовью. Итак, любовь происходит от красоты. На это обращает внимание и Леон Эбрео в своих «Диалогах о любви» [1, с. 72-77]. В его философии сущность прекрасного проявляется в грации, представляющей собой как бы отблеск идеальной, божественной красоты в материальном мире. Отсюда возникает и потребность в любви, то есть желание обладать и наслаждаться красотой. Материальный мир наполнен огромной любовью к своему идеальному началу, находящемуся в Боге, который приемлет мир дружбы. У Л. Эбрео любовь – это творческий процесс единения с Богом в восхождении к высшим началам бытия. Смысл связи-любви состоит в интуитивном познании, что сообразуется с идеями большинства философов эпохи российского Серебряного века, в частности, с идеей интуитивного познания сердцем П.А. Флоренского, И.А. Ильина.

Мистический эротизм проявляется в творчестве Джордано Бруно. Для него истинная любовь – это путь божественного познания, выражающийся в героическом энтузиазме. Любовь обращена к Богу и являет человеку рай. В гедонистическом эротизме Мишеля Монтеня любовь – это жажда вкусить наслаждение от предмета желаний. Любовь присуща всем, «нею уравниваются человек с животным» [7, с. 243]. Лоренцо Валла представляет ренессансную линию философии любви в мировоззренческом плане оптимистично. Предметом его трактата «О наслаждении» являются как земные удовольствия (речь идёт, в частности, о восхвалении винопития, женских прелестей, как в творчестве вагантов, миннезингеров), так и загробные. В этих своих размышлениях философ использует эпикурейское учение о наслаждении. Однако в христианской части трактата появляется критика как эпикурейства, так и стоицизма. Такое, на первый взгляд, противоречие в учении Лоренцо Валла аргументированно пояснил А.Ф. Лосев. По его мнению, Л. Валла учит о таком удовольствии или наслаждении, которое ничем не отягощено, ничем плохим не грозит, которое бескорыстно и беззаботно, которое глубоко человечно и в то же самое время божественно. Бог всё творит только для любви. Любовь же разлита по всему миру. Отсюда все и всё наследуют вечную любовь, но только вместе с Богом.

Неоплатоническая линия в философии любви продолжена Франческо Каттани [1, с. 89-125], в большей мере интересующегося земной человеческой любовью, нежели небесной, божественной. «Изумительная красота, – пишет философ, – рождается в теле мира от союза столь различных и противоположных вещей, которые, объединяясь, составляют большое одушевлённое творение. И если дозволено сравнивать большое с малым, мир подобен человеку...» [1, с. 109]. Благодаря учению Ф. Каттани происходит постепенная психологизация в понимании категории любви, «очеловечивание» её. Мыслитель считает, что хотя телесная любовь и несовершенна, но только она позволяет человеку идти путём самопознания, самоусовершенствования, восходить через духовное очищение к красоте более высокой, к любви небесной. Чистоту и

целомудренность этой бесконечной небесной любви подчёркивает более поздний трактат Туллии Арагоны «О бесконечности любви» [1, с. 155-202]. Целью возвышенной любви, как утверждается в нём, является духовная потребность так воплотиться в любимом, чтобы составить с ним единое существо: «... в любви совершенной, о которой рассуждаем мы сегодня, любящий и влюблённый – единое целое, в котором один перевоплощён в другого» [1, с. 198]. Но эта любовь предполагает и телесный элемент, что неоднократно подчёркивается в ходе интеллектуального диалога (в жанре которого написано произведение Арагоны). Главная идея тут – нельзя любить до определенного предела, потому что настоящая любовь беспредельна и бесконечна, причём, «любовь бесконечна не в действительности, а в потенции...» [1, с. 179].

Таким образом, постепенно в сочинениях о любви в эпоху Возрождения начинают доминировать не космология или онтология, а психология, этика, эстетика любви при сохранении религиозного подтекста в её трактовке. К примеру, для Джузеппе Бетусси настоящая любовь необходима для продолжения рода человеческого, ориентирована на телесное начало, но это только начало пути. Любовь, как утверждает он, «способна провести нас через созерцание красоты телесной и смертной к приобщению к красоте вечной и небесной. Ибо истинная любовь не отвращает нас от Бога, но является лестницей, к высшей красоте ведущей» [1, с. 285]. Писатель Бальдассаре Кастильоне также считал [1, с. 79-86], что любовь – стремление к красоте, а красота означает победу идеального начала над чувственным. Истинная любовь носит духовный и разумный характер. Любовь закрепляется поцелуем, но поцелуй – не столько единение тел, сколько слияние душ (Гёте), при котором одна душа управляет двумя телами. Заметим, что спустя время, поэт Серебряного века З.П. Гиппиус будет обоготворять именно поцелуй как символ любви.

Трактаты о любви в поздний ренессансный период постепенно превращаются по жанру в художественные произведения. В XVI в. во Франции возникает поэтическая школа «Плеяда», глава которой П. Ронсар, воспевая любовь к Кассандре и Елене, в поэтических образах рассуждает о любви. В литературу Великобритании тема любви входит благодаря творчеству Д. Чосера, Ф. Сидни, Д. Донна. Но настоящим гимном любви становятся произведения У. Шекспира: «Любовь способна низкое прощать / И в доблести пороки превращать, / И не глазами – сердцем выбирает» («Сон в летнюю ночь»). Та же мысль и в «Венецианском купце». Творческая сила любви раскрывается в сонетах: «Любовь – маяк, к которому суда доверятся и в шторме, и в тумане». В творчестве У. Шекспира проявляется и антиномизм чувственной (Венера) и возвышенной, идеальной любви (Адонис), что характерно для философии неоплатонизма. Подлинный трагизм жизни и любви запечатлён в шекспировских трагедиях «Ромео и Джульетта», «Отелло», «Гамлет». В них утверждается любовь как сила, которую не могут преодолеть никакие человеческие страсти и конфликты. В трагедии «Король Лир» Корделия любовью спасает своего отца, не сразу духовно прозревающего. Любовь Ромео и Джульетты стремится преодолеть социальный конфликт, вражду двух семейств. Влюбленные погибают, но ценой своей жизни и силою своей любви они достигают мира между семьями Монтеки и Капулетти. Феодалный закон мести уступает новому миру любви: «Затмил бы звезды блеск её ланит, / Как свет дневной лампы затмевает, / Глаза ж её с небес струили б в воздух / Такие лучезарные потоки, / Что птицы бы запели, в ночь не веря ... / О говори, мой светозарный ангел! / Ты надо мной сияешь во мраке ночи, / Как легкрылый посланец небес» [5].

В эпоху Возрождения рождается особое мировоззрение, которое принято называть утопическим. В рамках этого «жанра» идея любви связывается с созданием

разумной социальной организации для гармонизации общественных отношений, поиска общественного устройства, при котором любовь будет основана не на корысти, а на свободной привязанности и взаимном чувстве (Т. Кампанелла «Город Солнца»). Томас Мор в «Утопии» осуждает захватнические войны и роскоши феодального дворянства. Автор рисует идеальный общественный строй острова Утопии. Подобные философские идеи содержатся и в работе Шарля Фурье «Новый любовный мир» [2, с. 21-32]. Ш. Фурье пишет, что цель природы – в равновесии обоих видов любви – любви чувственной и любви сентиментальной. Материальная (чувственная) любовь не уступает по рангу любви сентиментальной. Фурье ратует за гармоничное обеспечение лицам всех возрастов наслаждения благами любви, причем не меньшее, чем то, каким в настоящее время пользуются люди в расцвете сил. Образцом философии любви испанского Возрождения стал «Дон Кихот» Мигеля де Сервантеса. Дон Кихот Ламанчский – «странствующий рыцарь без страха и упрека» – верен гуманизму Золотого века, который воплощается в идеале – возлюбленной Дульсинее. Ренессансный гуманизм проявляется и у Э. Роттердамского, который своими произведениями возвращает к духу раннеапостольского христианства. В целом, в эпоху Реформации (в частности, в протестантизме) придается большое значение чистоте в моногамическом браке, освященном божественной любовью.

Таким образом, можно утверждать, что в разнообразных по жанру и мировоззренческим подходам сочинениях деятелей эпохи Возрождения присутствует гармоничный синтез любви-эроса и любви-агапе. Философия любви как направление метафизических размышлений в этот культурно-исторический период имеет прежде всего эстетическое измерение. В мировоззренческом же плане имеет место синтез неоплатонизма и христианства. Все это роднит данную традицию с философией любви русского Серебряного века, ставшего «ренессансом» философской культуры рубежа XIX–XX вв.

Итак, базовыми принципами философии и художественной литературы эпохи Возрождения является любовь, которая выражает и конституирует человеческую личность. Феномен любви в творчестве мыслителей эпохи Возрождения связана с приоритетом человеческой личности, ее прав и свобод.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О любви и красотах женщин: Трактаты о любви эпохи Возрождения / Сост. и авт. вступит. ст. В. П. Шестаков. – М.: Республика, 1992. – 368 с.: ил.
2. Трактаты о любви: сборник текстов / Составитель О. П. Зубец. – М.: ИФРАН, 1994. – 187 с.
3. Философия любви. Ч. 1 / [Под общ. ред. Д.П. Горского; Сост. А.А. Ивин]. – М.: Политиздат, 1990. – 510 с.
4. Фичино М. Комментарий на «Пир» Платона о любви / Марсилио Фичино // Эстетика Ренессанса: Антология в 2 т. Т. 1. – М.: Искусство, 1981. – С. 144-241.
5. Шекспир У. // У. Шекспир. Собрание сочинений. Избранное. В 2-х ч. Ч. 2. / Составитель А. Аникст. – М.: Просвещение, 1984. – 208 с.
6. Шестаков В. П. Эрос и культура: Философия любви и европейское искусство / В. П. Шестаков. – М.: Республика, 1999. – 464 с.
7. Этика: Энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – 671 с.

Поступила в редакцию 24.02.2022 г.

**THE THEME OF LOVE IN RENAISSANCE LITERATURE AS AN EXPRESSION OF THE
PHILOSOPHY OF HUMAN PERSONALITY**

A.A. Mirgorodskiy

The article examines the content of the phenomenon of love in Renaissance literature. The content of the phenomenon of love is an expression of human personality and is important in the context of the philosophy of personalism because personality is the main value of life.

Key words: personality, love, morality, law, freedom, creativity, aesthetics.

Миргородский Андрей Александрович

Кандидат философских наук, доцент кафедры
философии и социологии ГБУ ВО «Академия МВД
ДНР имени Ф.Э. Дзержинского», г. Донецк, ДНР.
E-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

Mirgorodskiy Andrei Aleksandrovich

Candidate of philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy
and Sociology, Dzerzhinsky Academy of the Ministry
of Internal Affairs.
E-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

УДК 821.161.1–31.09.+929 Пастернак

ПОЭТИКА СКАЗКИ В РОМАНЕ Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

© 2022. А. Б. Молодцов

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

В статье рассмотрена поэтика сказки в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» на примере рассказа Тани Безочередовой. Сопоставление текста романа с отличительными чертами сказки указывает на присутствие традиционных сказочных мотивов, персонажей и характеров, свойственные сказке пространственно-временные отношения, а также характерные для сказки стилистику, образность и устное повествование.

Ключевые слова: жанр, фольклор, сказка, мотив, роман.

Актуальность. Жанровое своеобразие романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» еще не раскрыто до конца, однако литературоведы признают одно его свойство – это воздействие различных жанров и поэтик. А. Немзер, Б. Гаспаров, Д. Быков, Н. Лейдерман и др. обращают внимание на то, что в рамках сюжета взаимодействуют различные мотивы и жанры: приключенческий и философский роман, лирическая проза и притча, любовный роман и роман воспитания, роман о художнике и эстетические эссе, дневник и т.д. Так или иначе, каждый из этих составляющих мотивную структуру сохранил узнаваемость, не ассимилировавшись с другими элементами до конца.

Творчеству Б. Пастернака посвящены исследования многих авторов. Особое значение для нашей работы имеют исследования Б.М. Гаспарова [1], А. Немзера [2] и В.В. Федорова [3]. При этом, на наш взгляд, еще недостаточно исследовано влияние фольклора на поэтику романа «Доктор Живаго». Фольклор в романе сыграл не менее значимую роль, чем христианская тема или поэтика Л. Толстого и Ф. Достоевского, а с развитием сюжета, особенно во второй части романа и эпилоге, его художественная стихия становится едва ли не господствующей. Поэтому целью данной статьи стало исследование влияния жанрового канона сказки на поэтику романа Б. Пастернака «Доктор Живаго».

«Отсюда отказ от внешних примет космогонии и мифологизма (при их скрытом, но властном присутствии в романе), от акцентировки мотивных переключек (при их удивительном богатстве), от модернистского небрежения сюжетом, который в желанной книге жизни должен быть разом простым (оперирующим вечными чувствами) и увлекательным», – отмечает А. Немзер [2]. Влияние фольклора анализирует Б. Гаспаров в работе «Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Б. Пастернака «Доктор Живаго»»: «Однако наряду с <...> «высокими» моделями художественного мышления не менее важную роль в поэтике «Доктора Живаго» играет ориентация на народное искусство. Роман наполнен скрытыми и явными отсылками – от прямых упоминаний до стилистических реминисценций – к самым разнообразным фольклорным жанрам» [1, с. 266].

Избегая однозначных трактовок и определений при создании образов Б. Пастернак «играет» с фольклором, делает образы амбивалентными. Например, текст 90 псалма дается как на церковнославянском языке, так и на просторечии в форме защитного оберега и для юнкера, и для красного партизана. Лара бессознательно, по-

простонародному причитает над гробом Живаго, знахарка в партизанском лагере заговаривает, а Живаго даже запоминает наизусть текст одного из заговоров, хаотичного, нелогичного на первый взгляд, но, несомненно, строящегося на своей особой внутренней логике.

Такие примеры рассматривает и Б. Гаспаров, однако представляет интерес обращение к сказочному канону в романе Б. Пастернака.

Сказка предполагает двойственный сюжет: с одной стороны, он подкреплен жизненными приметами и отношениями как строительным материалом, но с другой – он повествует не о математическом сложении жизненных реалий, а о символическом значении взаимодействия основ мироздания: человека и общества, человека и космоса, добра и зла, жизни и смерти, красоты и уродства и т.п. Таким образом, сказка выражает универсальный символический пласт мира «поверх» правдоподобного изображения обыденности, включая какие угодно ее уровни – от быта до политики. Как известно, «сказка – ложь, да в ней намек...».

Б. Пастернак трактовал свой роман с учетом его особой символичности: «Я все время не могу избавиться от ощущения действительности, как попранной сказки» (из письма к Н. Табидзе от 04 декабря 1946 г.) [5, с. 147]. С учетом вышесказанного, представляется, что речь идет не о благополучной развязке сюжета или использовании волшебства, но о наделении хаоса настоящего смыслом, о «вочеловечивании эпохи», о возвращении человеку и его понятиям о мире их исконного значения и силы, о возведении случайности в необходимость, разноголосицы – в узор.

Для воплощения целой эпохи ошибочно было бы полагаться на «верхи» происходящих процессов, ибо действительность и состоит из их бесконечного переплетения, при котором нельзя определить, где их конец, а где начало. Разъять происходящее на части невозможно, а объяснять его только сочетанием отличительных признаков (которые, по сути, не взаимодействуют, а лишь соседствуют друг с другом) – недостаточно. Мотивы романа существуют не только как частные события, но и как «целое произведения», если воспользоваться определением В. Фёдорова, который противопоставлял понятию «литературное произведение» (более внешнему, с его точки зрения) понятие «поэтический мир», который отвечает за внутреннюю целостность первого. Постижению целого в романе «Доктор Живаго» аналогично восприятие слова. «Слушатель, воспринимающий ряд звуков, и воображаемый зритель, воспринимающий изображенный в слове предмет, утверждены на различных точках зрения, которые можно предварительно определить как внешнюю и внутреннюю. В акте восприятия слова слушатель (читатель) переходит с внешней точки на внутреннюю. Таким образом, восприятие предмета, изображенного словом, осуществляется согласно закономерности, словесной по своей природе, и эта закономерность требует перехода с внешней точки зрения на внутреннюю», – отмечает В. Федоров [6, с. 161].

Именно для решения этой проблемы Б. Пастернаку была необходима целостная человеческая личность и жизнь – то есть вполне определенный критерий, «призма» времени. А Живаго, более того, был также и художником, способным жизнь претворять в искусство, увековечивать ее. Личность ограничивает линейную протяженность исследуемого времени и одновременно открывает доступ к углублению и поиску универсальных причин в их малом выражении, зачастую попросту бытовом обиходе.

Тем самым развитие действия в романе походит на сюжет мифа или сказки, весьма своеобразно соотносящихся с реальной действительностью. Судьба Живаго, как и судьба иных персонажей, значительна не столько количеством произошедших катастроф и пережитых перипетий, сколько своей причастностью к выражению

универсального опыта человека, как это свойственно сказке. В данном случае – это опыт творческого преображения эпохи, со свойственными ей надеждами и разочарованиями.

Как помним, «Доктор Живаго» объединил не только разные стилистические, художественные или философские системы, но и разные жанры. Сказка является одним из жанров, подспудно формирующих мотивную структуру романа. Однако, помимо отдельных черт сказочного жанра, сам он реализуется в полной мере в одном рассказе-новелле, принадлежащем Тане Безочередевой, дочери Живаго и Лары. Остановимся на нем подробнее.

А. Немзер замечает, что Таня Безочередева была таинственно хранима судьбой, «потеряв родителей и уютную участь, чудом храня осколки воспоминаний, отдающих зловещей сказкой, но верных в самой сути, получив унижительно уличное прозвание (и принимая его жуть как данность)» [2].

Дочь Живаго и Лары Таня выросла одна, пройдя сквозь ужасы сиротства и войны, а ее история, рассказанная собравшимся солдатам (которую подслушали Гордон и Дудоров), и сама по форме является сказкой с традиционными мотивами: страданием от зависти, зловещим испытанием, столкновением со смертью и в итоге – торжеством добра над покаранным злом.

Эта Таня, появившаяся в Эпilogue из ниоткуда, наделена сразу двумя характерными живаговскими чертами: улыбка во все лицо и, как известно, курносостью (кстати, единственное, что положительно известно о внешности Живаго). Кроме того, у нее есть его способности: «Нужли, думаю, и я вместе с тетей Марфушей не в своем уме, что со мной всякая живая тварь, всякая машина бессловесная ясным русским языком говорит?» [4, с. 665]. Выясняется, что она из беспризорных, потому что ее кличка «Безочередева», то есть «безотчая», без отца. Эти же черты: понимание речи природы и изменение судьбы, связанное с изменением имени, – присущи поэтике сказки.

Таня сама рассказала свою историю в 4 части Эпilogue, которая по фабуле и объему является вставной новеллой, например, как у персонажа Ч. Диккенса в «Посмертных записках Пиквикского клуба» (это целые главы, такие как «Глава VI. Старомодная игра в карты. Стихи священника. Рассказ о возвращении каторжника», «Глава XXI, в которой старик обращается к излюбленной теме и рассказывает повесть о странном клиенте», «Глава XXIX. Рассказ о том, как подземные духи похитили пономаря», «Глава XXXVI, содержанием коей главным образом является правдивое изложение легенды о принце Блейдаде и в высшей степени необычайное бедствие, постигшее мистера Уинкля», «Глава XLIX, содержащая историю дяди торгового агента»). Ч. Диккенс сопровождал все творческому пути Б. Пастернака, который даже ориентировался на некоторые особенности прозы английского романиста.

Мама Тани – «Раиса Комарова, женой была скрывающегося министра русского в Беломонголии, товарища Комарова» [4, с. 659]. На наречии улицы это означает Ларису Комаровскую, а также рокового обольстителя адвоката Комаровского, бежавших в Монголию, как и собирались. Комаровский не знал о девочке, а Лариса не рассказывала, более того – скрывала дочь, потому что «он ужас как того не любил, чтобы дети, и кричал и топал ногами, что это одна грязь в доме и беспокойство. Я, кричал, этого терпеть не могу» [4, с. 660]. В традиции сказки у ребенка есть неродной родитель, чаще мачеха, но в «сказке» Тани – это отчим Комаровский, который даже и мысли не мог допустить о ребенке. Эта изначальное гонение определяет Танину скитальческую судьбу: родная мать отдает ее в чужие руки – также частый сказочный

мотив. Ребенок знатного, непростого, королевского рода живет бедной, грубой жизнью (король Артур, например).

Примечательно, что в «новой» семье отношения с родителями приобрели более традиционный характер: отца, сторожа Василия, Таня все-таки называла «тятенькой», хоть он и пил, и, пьяный, рассказывал всю подноготную о себе. А жена его, на руки которой Лара и передала дочь с деньгами, так и осталась «тетей Марфушей» для Тани и была страшна для нее. Девочка, как характерно для сказки, работала за двоих на дворе при сторожке. На то была и объективная причина: у сына Марфуши, Петеньки, были «сухие ножки», и Таня говорит, что не забудет, «как косилась тетя Марфуша на здоровые мои ноги, зачем, дескать, не сухие, лучше бы у меня сухие, а не у Петеньки, будто сглазила, испортила я Петеньку...» [4, с. 661–662]. Этот традиционный для сказки мотив зависти здоровью, чистоте, благородству сыграет немаловажную роль в дальнейшей судьбе Тани.

Кульминационный момент новеллы – это традиционная встреча со злом, со смертью, с потусторонним миром. Обстоятельства были изначально зловещие: сильный осенний ветер, из-за которого даже паровоз не мог одолеть подъем, – такая гиперболизация только оттеняет сверхъестественность происходящего. Кроме того, из ниоткуда ветер принес странницу. «Идет странница, стонет, за живот хватается, попросилась в дом. Положили ее на лавку, – ой, кричит, не могу, живот подвело, смерть моя пришла» [с. 663]. По ее просьбе отец отвез странницу в больницу «верст за пятнадцать» от их дома. Эта странница явилась как вестник смерти, хотя и упомянула о ней по отношению к себе. Уже ночью на дворе послышался храп коня Удалого. Несмотря на неправдоподобно раннее появление, тетя Марфуша подумала, что это вернулся муж, и сама открыла дверь его убийце, который «порешил» его за два мешка «лимонов» от проданной коровы. Убийца и самой Таней называется «окайнным», «нечистым», что является эвфемизмом дьявола.

Сверхъестественность ситуации усиливается и частыми замечаниями Тани, что, видимо, тетя Марфуша сразу же лишилась ясности ума, когда узнала об убийстве, и все дальнейшие действия – вне привычных рамок разумности, как бред.

Поскольку в доме остались не богатыри, в противостоянии злу используется не сила, а хитрость – тоже довольно частый сказочный мотив, когда злая сила обманывается в игровой форме. Как в избушке Бабы Яги старая ведьма учит ребенка, будто не знающего, как садиться на лопату, чтобы попасть в печь, так и тетя Марфуша пытается обмануть убийцу, заманив его в подпол. «А он, нечистый, ее хитрости насквозь видит. “Нет, говорит, тебе, хозяйке, ловчей. Лезь, говорит, сама”» [4, с. 663]. Однако Марфуша хочет откупиться своей приемной дочерью, пустить ее вместе с убийцей, а самой посветить свечой со ступеньки. Удивительным образом, но Таня, уже поверившая в близкий конец, была «пощажена» именно той силой, которая ей угрожала. «А злодей опять, не будь дурак, на нас обеих один глаз скосил, прищурился и криво так во весь рот оскалится, шалишь, мол, не проведешь. Видит, что не жалко ей меня, стало, не родня, чужая кровь, и хватъ Петеньку на руку, а другую за кольцо, открывает лаз, – свети, говорит, и ну с Петенькой по лесенке под землю» [4, с. 664]. В сказках выражена вера в сверхъестественную, но не лишенную логики справедливость: злая сила настигает именно того, кто с ней заигрывает и обычно проигрывает, именно того, кто хочет ее обмануть и оказаться «умнее». Недаром главным персонажем русских сказок является «дурак».

Таня и Петенька были невинными, но спасение Тани было куплено только лишь тем, что именно она была отдана в жертву, чтобы другие выжили. Этот универсальный

мотив является единым и для всего романа и его системы героев в целом: ведь и ее отец, Живаго, своей добровольной жертвой и муками, от которых он никогда не откупался, заслужил право на преодоление смерти. В «персональной эстетике» Б. Пастернака, особенно в его зрелом творчестве, этот мотив является одним из основополагающих, поэтому в рассказе Тани он воплощен в «сказочной справедливости», карающей подлый навет и щадящей чистоту, героизм, жертву.

Когда злодей был с маленьким Петенькой уже внизу, тетя Марфуша закрыла ход и навалила на него тяжелый сундук, позвав на помощь Таню. Снова девочка говорит, что тут уж точно стало очевидно помешательство женщины, «перехитрившей» нечистую силу. «Надвинула, и сама на сундук, сидит, дура, радуется» [4, с. 664]. (Представляется, что недаром слова «дура» и «радуется» в этой строке сопряжены, то есть являются характеристиками одной и той же сущности). Сразу же разбойник стал угрожать убийством Петеньки, стучать в пол, выть. «Слов-то сквозь толстые доски не слышно, да в словах ли толк. Он голосищем хуже лесного зверя ревел, страх наводил» [4, с. 664]. В данной сцене и в рассказе Тани явно слышится отголосок мировоззрения самого Б. Пастернака, всегда считавшего явно не добрую, но могущественную силу жизни больше и сильнее, чем способности отдельного человека, особенно его ум. То, что послание убийцы было «ясно без слов», – лишь доказательство силы вышедшей из берегов дикой (поскольку «хуже лесного зверя») стихии, подкрепленной новым созвучием: «зверя ревел». Победа и шутовское положение сверху на сундуке грозят просто новой спрятанной смертью, убранной с глаз. Причем, хотя Марфуша и не собиралась отдавать в жертву Петеньку, она не стала и спасать его, а обрекла на верную смерть. Значит, ей было все равно, кто умрет, лишь бы перехитрить зло, уцелеть самой. Для Тани – это безумие, для Марфуши – расчет, хитрость. Ее поведение амбивалентно, повторим, вне однозначной оценки. Трудно определить, была ли она сумасшедшей в тот момент на самом деле: безумие зачастую проявляется в форме повышенной логичности, доведенной до предела ясности ума. Таня пыталась растолкать триумфальную Марфушу, чтобы спасти Петеньку, но безуспешно. В итоге разбойник «загрыз насмерть» мальчика, из-под пола только слышался его тоненький голосок – снова звуковая характеристика вместо изображения самого злодеяния, отчего ужас только возрастает. Народные сказки тоже зачастую довольно жутки, беспощадны.

Таня оказалась одна, по ее словам, с разбойником и полоумной. Ее дальнейшие действия продиктованы, тем не менее, не ее смекалкой, но подсказаны самой природой, которая, как подчеркивают ее определения, всегда была рядом с ней: во-первых, все время происшествия стоявший не распряженный «заржал Удалой, словно хочет сказать, давай, Танюша, скорей к добрым людям поскачем, помощь позовем» [4, с. 665]. Девочка с ним даже соглашается, как в диалоге, отвечает, благодарит. Но дальше еще одна подсказка, еще один символ – приближающийся «знакомый» поезд. Тане показалось, что это «петух *родной*» позвал. В этом двоящемся образе (техника – природа) кроется знамение близящегося утра, конца страшного испытания (день продержаться да ночь простоять) и власти нечистой силы. Таня наделена сказочной способностью понимать живую природу и весь окружающий мир. Эта черта – еще одно из основных положений «персональной эстетики» Б. Пастернака: «Мы в дружбе, но я не его сосуд» (о разуме) [3, с. 108]. Жизни нужно доверять больше, чем можно придумать самому, иначе это может не довести до добра. Образ поезда, такой важный как для творчества Б. Пастернака в целом, так и для романа «Доктор Живаго» в частности, символизирует поступательное движение истории, которая борется со смертью ясностью. Тем не менее развязка не менее ужасна, чем в народной сказке.

Поезд был на медленном ходу из-за ветра. Выбежав с фонарем на рельсы, Таня все-таки остановила его, но «знакомый» машинист не мог разобрать слов кричащей Тани (мотив бессильных, неважных слов – сквозной в этой новелле) из-за того же ветра, стихии. Оказалось, Таня остановила еще большую силу: поезд был военный, из него вышли красноармейцы, удивленные, что они стоят ночью в лесу на подъеме – то есть налаженное движение остановилось в самом неестественном, неполюженном месте, где действовала дикая стихия и сказка. Узнав обо всем, они вытащили разбойника, пищавшего «потоньше Петеньки». Одна сила оказалась сильнее другой или свет и ясность оказались сильнее тьмы грубости и зла? Только «вытащили его на шпалы, руки ноги к рельсам привязали и по живому поезд провели – самосуд» [4, с. 666]. Таким образом, концовка «сказки» тоже амбивалентная и жуткая: с одной стороны, Таня хотела искать помощи у «людей добрых», убийца тоже обращается к красноармейцам «люди добрые», то есть они в данном случае несут ту справедливость, которая карает зло, но, с другой стороны, в этой страшной справедливости, «самосуде», они не менее жестоки, чем наказуемый.

Конечно, писав о революционном времени тридцать лет спустя, Б. Пастернак не мог не видеть его двойственность. Это было будущее: с одной стороны, более достойное, лучшее, с другой – беспощадное. Символичны те, кому теперь подчинялся этот «поезд», – это культурное развитие и его свет. Но таково было время – и Таня присоединилась к нему, сев на поезд к красноармейцам, потому что старое было разрушено и страшно было вернуться. Таким образом, сказка заканчивается, с одной стороны, традиционно, – торжеством добра и высшего миропорядка. Обидчик наказан и уничтожен (он тоже заигрался, его победила еще большая сила, «тьму» победил «свет»). С другой стороны, если спуститься с надмирного измерения к человеческому, то победа оказывается такой же жестокой и вне привычного понимания, как наказуемое преступление.

Помимо сказочных сюжетных мотивов и образов, которые реализуются в новелле Тани, ее рассказ обладает и стилистическими свойствами сказки. Во-первых, «сказка» Тани дана автором как ее устная речь, и эта устная форма текста, характерная для народной сказки, и определяет ее стилистику. Едва ли не главнейшим ее признаком является отсутствие конкретики и определенности в исходных причинах и обстоятельствах событий. В романе это вуалируется объективной неосведомленностью Тани о своем прошлом, об отношениях с родителями. Поначалу она все ссылается на кого-то третьего, причем неизвестного: «Будто не из простых я, сказывали. Чужие ли мне это сказали, сама ли я это в сердце сберегла, только слышала я, что <...> не отец он родной мне был, надо полагать, этот самый Комаров <...> Ну, конечно, я девушка неученая, без папи, без мами росла сиротой <...> Я теперь та понимаю, откуда маменька знали сторожиху? Думается <...> Видно, я тут чего-то не знаю. Думается, маменьку обманули <...> Верно, денег дали тете Марфуше на мое пропитание <...> » [4, с. 659, 660, 661].

Пространственно-временные отношения тоже неопределенны, причем снова завуалированно: тем больше неясности, чем больше Таня пытается объяснить точно. Если о времени неизвестно ничего конкретного вообще, то общее пространственное направление указано: «Это было за Крушицами, на другом конце Сибири, по ту сторону казатчины, поближе к китайской границе» [4, с. 660], упоминается «ихний главный белый город». Местоположение разъезда Нагорной, куда Лара отвезла дочь Таню, хотя и названо («это от того города в трех перегонах. Я сейчас объясню. Сперва станция Низовая, потом разъезд Нагорная, потом Самсоновский перевал [4, с. 660]»),

однако все равно эта точка остается затерянной «на другом конце Сибири», так далеко, что теряется представление о конкретном месте и обстоятельства незаметно переходят в условные, и этому переходу способствует уточнение заведомо неопределенного места – это орнамент, скрывающий начала и концы. Введя слушателя в круг условного, автор уже детально описывает положение города возле путей, его затерянность в пространстве, казенную квартиру и т.п.

Если пространство в «сказке» Тани замаскировано под реальное, то о ходе времени и понятия нет, что характерно для сказки, место и время действия которой неопределенно удалены от настоящего момента, хотя и могут обладать чертами той или иной эпохи. Эта неопределенность выражается в сказочных повторах и устойчивых выражениях: «Ну, и шло время. Годы прошли. А сколько, не помню» [4, с. 661]. Хотя известно, что «тогда нэп был» [4, с. 662], то есть 20-е годы, когда еще был жив ее настоящий отец Живаго. Когда уже семья ждала Василия, сторожа, вернуться из больницы, куда он повез больную странницу, Таня говорит: «Долго ли, коротко ли, ложимся мы с тетей Марфушей спать» [4, с. 662]. Традиционная сказочная присказка. В дополнение к этому, Таня пытается фиксировать течение времени, нагнетая атмосферу тревоги, когда убийца уже был в подполе: «время-то идет».

По сути, рассказ Тани – далеко не конец ее истории, она сама заключает, что повидала много чудес, но и – всегдашняя обратная сторона медали – «и беды всякой много и греха»: «Да ведь это все потом было, это я в другой раз расскажу» [4, с. 666]. Добро и свет все-таки уравниваются злом и тьмой, отчего и значительны приключения Тани. Судьба тети Марфуши выражена с поразительной амбивалентностью: «Говорят, она потом в сумасшедшем доме в безумии померла. А другие говорили, поправилась, выходилась» [4, с. 666]. Снова одновременное употребление двух вариантов развития событий создает неопределенный, загадочный, фантастический эффект, заставляющий даже усомниться в реальности произошедшего. Таким образом, рассказана лишь весомая часть из приключений Тани, причем двойственность рассказа налицо: хотя она не может объяснить ни начала, ни конца истории, а начинает как бы уже с данности (неродная дочь из богатых), Таня выказывает знание отдельных вещей: Комаровский не любил ее и «топал ногами», мама была впечатлительная, «пугливая», роковой осенний день, лимоны нэпа. Детали рассказа неосознанно важнее для Тани, чем его причинно-следственное объяснение.

Наконец, устная речь Тани вся соединена устойчивыми выражениями и оборотами: «А мне правда есть что порассказать» [4, с. 659], «Вам, может быть, смешно, что я говорю, ну только говорю я, что знаю, надо войти в мое положение» [4, с. 660], «Да. Так, значит, было это все, про что я вам дальше расскажу...» [4, с. 660], «Стало быть», «И вот я скажу» [4, с. 660], «Теперь слушайте, это, как говорится, еще цветочки, дальше что будет, вы просто ахнете» [4, с. 662]; вариации: «Ой, батюшки светы, дорогие товарищи, что с нами сделалось, войдите в наше положение!» [4, с. 663], «Ой, батюшки, дорогие товарищи, сами подумайте, что со мной сделалось» [4, с. 663]; «И вот сколько годов прошло, мурашки по мне бегают, как косилась тетя Марфуша...» (на ноги Тани) [4, с. 661], «ой, батюшки, ой, батюшки, всего-то я в жизни навидалась-натерпелась, такой страсти не запомню, век буду жить, век буду слышать Петенькин голосок жалостный» [4, с. 664]. Кроме ее личных оборотов, звучат еще и народные: «Свинья борову, а боров всему городу» [4, с. 661], «Дрожим, ни живы ни мертвы, язык отнялся от ужаса» [4, с. 663], «Знать не знаю, ведать не ведаю» [4, с. 663], «Не будь дурак» [4, с. 663], «Мели, мол, Емеля, твоя неделя, а я на сундуке и ключи у меня в кулаке» [4, с. 664], «заржал Удалой, словно хочет сказать» [4, с. 664–665].

Таким образом, мы видим, что рассказ Тани, который занимает всю 4 часть, заметно превышающую по объему среднестатистическую часть всего романа, обладает завершенностью и своей стилистикой, поэтикой, основанной на своеобразии народной сказки. Ведущие сюжетные мотивы и стилистические черты «сказки» Тани в малой и универсализированной форме образуют «музыкальный» эквивалент общей формы романа «Доктор Живаго», ставя ее в отношения целого и части, и воплощают основную идею романа. Синтез литературных жанров и родов в данном случае является формообразующим признаком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспаров Б.М. Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» / Б.М. Гаспаров // Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. – М.: Наука, 1993. – С. 241–273.
2. Немзер А. Смерти не будет. К 50-летию издания романа «Доктор Живаго» [Электронный ресурс] / А. Немзер // «Время новостей», 22. 11. 2007. – Режим доступа: <http://pasternak.niv.ru/pasternak/kritika/nemzer-smerti-ne-budet.htm> (дата обращения: 03.11.2021).
3. Пастернак Б.Л. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1912–1931 / Редкол.: А. Вознесенский, Д. Лихачев, Д. Мамлеев и др.; сост., подгот. и коммент. В. М. Борисова и Е. Б. Пастернака. – М.: Худож. лит., 1989. – 751 с.
4. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: [роман] / Б.Л. Пастернак. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 704 с.
5. С разных точек зрения: «Доктор Живаго» Б. Пастернака. – М.: Советский писатель, 1990. – 288 с.
6. Фёдоров В.В. Проблемы поэтического бытия / В.В. Фёдоров. – Донецк: ДонНУ, 2008. – 492 с.

Поступила в редакцию 12.03.2022 г.

POETICS OF A FAIRY TALE IN B. PASTERNAK'S NOVEL “DOCTOR ZHIVAGO”

A. B. Molodtsov

The article examines the poetics of a fairy tale in B. Pasternak's novel “Doctor Zhivago” on the example of a story by Tanya Bezotereleva. Comparison of the text of the novel with distinctive features of a fairy tale indicates the presence of traditional fairy tale motifs, characters and characters, spatial-temporal relations inherent in a fairy tale, as well as stylistics, imagery and oral narration characteristic of a fairy tale.

Key words: genre, folklore, fairy tale, motif, novel.

Молодцов Алексей Борисович

аспирант, ассистент кафедры русской и мировой литературы ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, ЛНР.
E-mail: homosapien34@mail.ru

Molodtsov Aleksey Borisovich

Graduate student, Assistant of Department on Russian and World Literature, SCE HE “Lugansk State Pedagogical University”, Lugansk, LPR.
E-mail: homosapien34@mail.ru

УДК 130.2

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ГЕРМЕНЕВТИКИ В ПЕРСПЕКТИВЕ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ВЕРСИИ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ

© 2022. *И. Г. Сухина*

ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»

В статье представлена и обоснована концептуальная культурологическая экспликация философской герменевтики, сформированная в качестве пропедевтики к герменевтической версии философии культуры. В этих рамках предложены: авторское – лингво-семантическое понимание сущности и специфики культуры, герменевтически адекватное истолкование культуры и ее явлений с позиции текста, обоснование феномена понимания как установки человеческого сознания на смысло-полагание в качестве механизма культуротворчества, и др. В статье содержится концептуальное – с позиции философской герменевтики рассмотрение и интерпретация таких фундаментальных составляющих философии культуры, как: культуротворчество и культуротворческая субъектность, морфология культуры и ее историческая динамика, и др. Представлено обоснование аутентичности человеческого бытия как «бытия в культуре».

Ключевые слова: человек, человеческое бытие, сознание, смысл, значение, смысло-полагание, понимание, язык, текст, культура, культурное явление, культуротворчество, семантика, герменевтика.

Вводная часть. Человеческое бытие/человеческое «бытие в мире» представляет собой, прежде всего, «бытие в культуре», которая удостоверяет его специфику и сущностные основания, выступающие в качестве его атрибутов. Культура удостоверяет собой оптимальную – конструктивную модальность человеческого бытия в субъектной его активности, актуализирующей потенциал сущностных сил человеческой природы.

Выступающее гносеологической и мировоззренческой платформой рефлексивного постижения человека и его (субъектного) бытия философское осмысление/постижение культуры имеет непреходящее значение. Проблемы культуры – это актуальные проблемы человеческого бытия, и они все-временны. Именно в культуре – универсальной сфере сообразного со смыслом, полагающего его, конструктивного мироотношения человек проявляет себя аутентичным образом – как субъект культуры/культурного творчества. И философия культуры неизменно раскрывает, показывает то, что значит «быть человеком».

При всем множестве философских интерпретаций культуры, ее имманентная сообразность с актуальными смыслами человеческого бытия, – с человечески-значимыми смыслами, как и языковым/лингвистическим их выражением, не вызывает сомнений.

Культура в предельном выражении, корреспондентном ее лингво-семантической сущности, является смысловой тотальностью человеческого бытия. И потому постижение культуры на теоретической основе философской герменевтики, акцентирующей языковые текстовые формы объективации ее смысловой содержательности в качестве предметной сферы постигающего понимания ее антропологически адекватной сущности и специфики – закономерно и актуально. Такое – герменевтическое осмысление/постижение культуры выявляет универсальный механизм культуротворчества, заключающийся в опосредуемом языковыми формами

инициативном понимании как осуществляющей смысло-полагание установки сознания на активацию и экспликацию смысловой содержательности мира.

Это ставит вопрос о культурологическом понимании, экспликации герменевтики, и соответственно – инкорпорировании в герменевтику культурологической проблематики, в перспективе разработки целостной герменевтической философии культуры как области актуального гуманитарного знания о культуре как аутентичности человеческого бытия.

Цель статьи: изложение и обоснование концептуализированных основоположений культурологической экспликации философской герменевтики, которые в совокупности могут рассматриваться пропедевтикой к герменевтической версии философии культуры.

«Не лишено смысла, если мы попытаемся очертить то, что можно было бы назвать семантическим ядром всякой герменевтики, будь она общей или частной, фундаментальной или специальной. Представляется, что общий элемент, присутствующий всюду – от экзегезы до психоанализа, – это определенная конструкция смысла». (Поль Рикер. «Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике» [9, с. 40]).

Основная часть. Будучи субъектом сознания и рефлектирующего самосознания человек бытийствует, прежде всего, не в материальном мире вещей, а в ментальном, семантическом мире смыслов, которые в своей значимости предстают ценностями человеческого бытия. Так, согласно утверждению немецкого философа П. Козловски, «задача человека – продумывать и формировать смысл сущего и идеи мира» [4, с. 184].

Подлинно человеческое «стремление к смыслу» выражает смысло-полагающую – интенциональную активность человеческого сознания как такового, и в потоке сознания воплощается во всех формах сознательно-мотивированной деятельности, которая в оптимальной/конструктивной своей модальности ведет к созданию, позиционированию, развитию и воспроизводству мира культуры. Человеческое «бытие в мире» раскрывается, исторически развертывается и позиционируется как смысло-значимое «бытие в культуре».

Как субъект сознания человек погружен в мир смыслов, с которым сообразованы все мотивированные акты его поведения, коммуникации и деятельности. Смыслом, значением исполнено все, что человек мыслит, чувствует, делает, все, что образует культурную среду его бытия: знаки и символы, язык и тексты, мифы, религиозные верования и культы, нормы, традиции, информация, знания, вербальные и невербальные формы коммуникации, воспитание, образование, жилища, техника, и т.д. Формирующее человека, его субъектность, его бытие «стремление к смыслу» проявляется в человеческих потребностях, определяет человеческие интересы, придает человеческой деятельности мотивирующую ее значимость, задает ее цели, ориентиры и приоритеты, обеспечивает целостность природы человека в сознательно-мотивированных актах его активности.

Интенциональное «стремление к смыслу», инспирирующее поток сознания, является наиболее существенной характеристикой человека и его бытия. Человеческое бытие формируется и субъектным образом осуществляется в актуализируемой и интендируемой им смысловой содержательности, что в совокупности конструктивных объективаций создает культуру – исполненный смыслом антропогенный мир человеческого бытия.

Как универсальный антропологический и антропогенный феномен культура являет собой, прежде всего, мир полагаемых – ментально инспирируемых, коммуникативно- и деятельностно-объективируемых человеком смыслов, значений.

Российский философ А. Кармин пишет: «мир смыслов – мир продуктов человеческой мысли – велик и необъятен, это своего рода «вторая Вселенная», которая возникает и расширяется благодаря усилиям человечества. Человек – творец этой Вселенной. Создавая и развивая ее, он вместе с тем создает и развивает самого себя» [3, с. 20]. И этим творимым человеком «миром», «Вселенной», «Универсумом» актуальных смыслов, который «...постоянно расширяется и обогащается...» [3, с. 20] является культура. Культура есть мир значимых для человека и его бытия – культурных смыслов. Согласно словам П. Козловски, «предметы становятся носителями культуры, когда несут в себе и сообщают культурный смысл» [4, с. 17].

Такое – с позиции смыслов человеческого бытия, их актуализации, объективации и коммуникативной трансляции – понимание феномена культуры можно номинировать семантическим (греч. *semantikos* – обозначающий); рассматривая семантику философской теорией смысла, указывающей на смысловую сферу человеческого бытия как свой объект. Семантику в ее философской экспликации можно представить акцентирующим смыслы в их объективном – онтологическом статусе философским мировидением/миропониманием.

Согласно семантическому пониманию культура в своей сущности, в предельном ее выражении представляет собой смысловую тотальность человеческого бытия, которая организуется, приводится в систему. И в этой тотальности смыслообразования, которую удостоверяет культура, следует выделять такие ее сопоставляющие, как актуализация смыслов, и опредмечивающая их объективация. Российские культурологи А. Пелипенко и И. Яковенко утверждают: «если культура представляет собой всю систему смыслов человеческого бытия, как идеальных, так и опредмеченных, то цивилизация может быть понимаема как та часть этой системы, которая связана именно с предметным ресурсом культуры» [8, с. 17]. Они указывают на то, что культурная предметность производна от объективации соответствующих смыслов: «говоря о предметном теле культуры, следует помнить, что мы всегда имеем дело не с предметным телом как таковым или единичными предметными объектами, а только... с репрезентирующими их смыслами» [8, с. 8].

Культура как смысловая тотальность человеческого бытия в развернутом выражении семантической ее сущности выступает в качестве ментальной презентации реальности, картины мира для сообщества ее носителей. Согласно утверждению А. Пелипенко и И. Яковенко, «всеобщность культуры определяется тем, что в ней нет ничего, что не содержалось бы в человеческой ментальности... За пределами культуры может лежать только то, что в принципе непомышляемо ее субъектом» [8, с. 12]. Культура презентует реальность через призму человечески-значимых смыслов, соотносит мир с человеком.

Главным способом культурно-адекватной – оптимизирующей человеческое бытие актуализации и объективации смыслов выступает язык – логически организуемая знаково-символическая система, формирующая, фиксирующая, преобразующая, выражающая и передающая смысловые содержания, например – в виде информационных сообщений.

Язык представляет собой культурную универсалию – является универсальной формой культуры, удостоверяющей ее семантическую содержательность, конгруэнтную ее позиционированию и функционированию. Главная функция языка – семантическая, и это выражение, фиксация, аккумуляция и коммуникативная передача смыслов, значений.

Как и язык, смыслы во многом аналитичны. В практике использования происходит артикулирующая их содержание дифференциация на определенные

значения, с их последующей интерпретативной рекомбинацией в различные семантические образования.

Культура в сущностных своих основаниях – семантическая, и вместе с тем она – лингвистична, и если результировать это, то, культура, в сущности – лингво-семантическая.

Как мир человечески-значимых смыслов, культура в совокупности продуцируемых человеческим бытием в его конструктивной субъектности явлений – артефактов (лат. *artefactum* – искусственно сделанное) может быть представлена семантическим миром текстов, пространством их творчески-коммуникативного полагания и аффирмации.

Текст (лат. *textum* – ткань, связь) выступает дискретной, по отношению к семантико-лингвистическому полю развертывания культуры как морфологической целостности, задающему пространственные границы сферы ее функционирования и влияния, формой актуализации и организации языка. Текст представляет собой универсальную форму культуросгенной объективации языка, его онтологизации как культурного артефакта.

Собственно культурный текст можно определить как логически организованную совокупность культурно-адекватных смыслов, выраженных в лингвистической форме.

Если язык является культурно-адекватным способом актуализации и объективации смысла, то текст является способом его онтологизации в культурных формах. «В широком смысле слова, как отмечает российский культуролог А. Флиер, культурными текстами являются все явления культуры как таковые» [11, с. 257]. Культурная форма выступает инспирирующим и моделирующим культурные артефакты прототипом. Она является, как отмечает А. Флиер, «...исходным образцом для последующего прямого или вариативного репродуцирования» [11, с. 145]. Культурная форма по семантическим, а в более широком плане – семиотическим или культурособразующим характеристикам аналогична тексту.

Культурный текст представляет собой синтетически интегрированную форму языка, в которой знаково-символическими средствами зафиксирована актуальная смысловая содержательность, представленная в качестве информации/информационного сообщения, предполагающего соответствующий коммуникативный адресат. «Под текстом, согласно утверждению российского философа и культуролога Ю. Лотмана, понимается любое отдельное сообщение...» [6, с. 17]. «Текст, по его словам, – это сообщение, направленное от носителя информации, писателя к аудитории» [1, с. 64]. Как носитель информации, «текст, по утверждению Лотмана, выполняет функцию коллективной культурной памяти, и в этом смысле определение текста совпадает с определением культуры» [1, с. 64].

Текст представляет собой логически организованную семантическую, и вместе с тем – лингвистическую структуру; при этом для текста смысл и его организация в определенную (смысло-сообразную) форму логически первична. С учетом сущностной лингвистической адекватности смысла, взаимной конвергентности смысла и языка, их континуальности, текст является лингво-семантическим образованием, структурой.

Культурный текст обладает организующим его смысловым (композиционным) единством. Ю. Лотман отмечал, что «текст обладает началом, концом и определенной внутренней организацией. Внутренняя структура присуща всякому тексту по определению. Аморфное скопление знаков текстом не является» [5, с. 17]. И поскольку текст удостоверяет смысл, логически интегрированную смысловую содержательность, постольку он определяется не отдельными структурными элементами, а способами их

сочетания, синтеза. В общем, текст – это семантически адекватная лингвистическая структура. Логическая связанность и семантическая целостность – основные его свойства.

Будучи средоточием объективируемой лингво-семантической сущности культуры, и в силу лингво-семантической своей природы, текст является универсальной формой культуры, имманентно корреспондентной всем ее явлениям/артефактам, представленной в них, и презентующих их собой. Каждое созданное человеком явление культуры смысло-содержательно, обладает объективирующей смысл культурной формой, и может быть представлено, воспринято, осмыслено, прочтено и понято как целостный текст. Так, А. Флиер указывает на то, что «...любое культурное явление подготовленный специалист может «читать» как связанный и осмысленный текст.» [11, с. 257]. Текст презентует собой как явления/артефакты культуры, так и ее лингво-семантическую сущность.

Как явления культуры, так и сама культура могут быть представлены в виде текста, который обладает лингвистически выраженным смысловым содержанием, и предполагает его интерпретацию – понимающее «прочтение». «Культура, по утверждению Ю. Лотмана, есть совокупность текстов или сложно построенный текст» [6, с. 28]. Лотман указывал на то, что «в общей системе культуры тексты выполняют, по крайней мере, две основные функции: адекватную передачу значений и порождение новых смыслов» [6, с. 61].

Такое, семантически фундированное – лингво-семантическое понимание культуры в качестве сложно построенного – интегрального текста, которое не соразмерно пониманию текста как явления культуры, предполагает герменевтику культуры, выводит на нее.

Герменевтика (греч. *hermeneutikos* – разъясняющий, истолковывающий) являет собой концептуально фундированную философской доктриной понимания теорию, методологию и практику интерпретации текстов. Как таковая герменевтика может и должна рассматриваться способом философского постижения культуры как оформленной в текстах лингво-семантической содержательности и исполненности человеческого бытия.

Как предметная сфера герменевтики культура в «оптике» ее видения предстает семантическим миром смысло-содержащих текстов, предполагающих производную от ментального коммуницирования с ними постигающую и понимающую их интерпретацию.

Герменевтика, начиная с работ ее фундатора – немецкого философа и теолога Ф. Шлейермахера, который полагал возможным и актуальным ее широкое применение не только к экзегетике текстов Библии, но и ко всем другим текстам. Герменевтику Шлейермахер представляет как искусство понимания [13, с. 41]. Он предложил два метода интерпретирующего понимания текстов. Грамматический метод предполагает процедуру понимания исходя из смыслового контекста или «духа языка», как этим духом определяемую. Психологический метод предполагает процедуру понимания с позиции субъективного мира или «души повествующего», в качестве уникального способа смысло-полагания. Понимание текста как манифестального памятника культуры заключается тем самым в смысло-постигающем «вхождении» субъекта в «дух языка» и «душу автора».

Актуализирующая семантически значимый, т.е. культурно-адекватный опыт, представленный в культурной памяти и культурном наследии, герменевтическая процедура понимания текстов как аутентичной презентации культуры и ее явлений

осуществляется с учетом ее общей смысловой направленности («целое»), которая вместе с тем полагается в качестве основы для понимания ее конкретных проявлений («часть»).

Процедура понимания контекстуальна, она предполагает «вхождение» субъекта в культурный контекст как носитель общей смысловой направленности текста. Понимание есть такое состояние сознания, которое рефлексивно осознается его субъектом как уверенность в адекватности смысловой интерпретации своего предмета, полученных о нем представлений, информации, знаний. Уверенность эта выступает психологическим индикатором аутентичности, целе-ориентированной на понимание интерпретационной деятельности, и вместе с тем – ее мотивацией. «Культура, согласно словам украинского философа С. Крымского, функционирует как понимаемый феномен; ее понимание всегда оказывается в свою очередь стимулирующим культурным процессом» [5, с. 100].

Цель герменевтики, ее процедур и методов – достижение концептуализированного понимания смысла текстов в их культурном контексте. Понимание, которое является логически сообразной семантической процедурой постижения смысла, предстает здесь как реактивация, реконструкция и интерпретация содержащегося в культурном тексте человечески-значимого смысла. Российский математик, философ и логик В. Налимов утверждал, что «...понимание смыслов – это всегда овладение смыслами...» [7, с. 124]. В общем, смысл можно рассматривать как бытие, которое может и должно быть понято.

Реактивирующее смысл понимание является главной компонентой неотъемлемого от культуротворчества процесса актуализирующего воспроизводства культурных явлений, их аффирмации. Понимание, вместе с тем, – это семантическая реконструкция текстов, их смысловой содержательности, которая, так или иначе, обретает творческий характер.

Манифестальная доктринация понимания в качестве главенствующей философской темы и проблемы была осуществлена на зрелом – философском этапе развития герменевтики как направления современной философии. Определяющее влияние на становление философской герменевтики оказала философия немецкого мыслителя Х.-Г. Гадамера. Философская герменевтика ознаменовала трансформацию герменевтики из учения о методе познания – методологии, в учение о бытии – онтологию, согласно которой понимание есть онтологическая закономерность человеческого бытия. По словам Гадамера, «языковым и потому понятным является человеческое отношение к миру вообще и в принципе. Поэтому... герменевтика представляет собой универсальный аспект философии, а не просто методологический базис так называемых наук о духе» [2, с. 550].

➤ Корпус основных, концептуализированных положений философской герменевтики, универсальным образом эксплицирующих феномен понимания, можно представить так:

- бытие/мир представляет собой универсальное семантическое пространство смысло-постигающей понимаемости, бытие/мир – это «герменевтический универсум»;
- понимание есть форма первичной данности мира человеку как субъекту сознания;
- определяющее отношение человека к миру, и рефлексивное его отношение к самому себе как персонифицированной самости понимание является аутентичным и универсальным способом человеческого «бытия в мире» как «бытия в культуре»;
- выявляющее актуальный смысл, значение понимание как рефлексивное осмысление – *co-gito* всегда является «интерпретационным», а интерпретация – «такой, что понимает»;

- понимание проявляется в перманентной рефлексивной интерпретации человеком как субъектом сознания/самосознания мира, себя и своего бытия в мире, что актуализируется, сублимируется и интегрируется в его – человеческом «опыте мира»;
- понимание – не только осмысление, познание, но универсальный способ освоения мира – «опыт», это всегда процесс актуализирующего искания смысла – «сути дела»;
- культурным/культурогенным способом формирования смысло-содержательного, значимого человеческого «опыта мира», его концептуализации является язык;
- понимание смысла реализуется в лингвистической «стихии языка», т.е. процесс понимания происходит в языковой форме, является языковым – культурным процессом;
- имеющий благодаря языку культурный характер «опыт мира» запечатлевается в текстах/текстовых материалах, оформляется в культурных традициях, проявляется в культурных контекстах и транслируется как внутри поколений, так и между поколениями;
- человеческое бытие в мире/культуре разворачивается как историчность, т.е. определяется временем и местом, ситуацией, данностью мира как сущего;
- понимание текста возможно лишь как использование – соотношение его смыслового содержания с наивным культурно-историческим контекстом;
- понимание имеет субъектный характер – это способ бытия мыслящего, творчески-деятельного, познающего и оценивающего человека-субъекта;
- понимание текста имеет экзистенциальное измерение, и для рефлексивного человеческого сознания и бытия является экзистенциальным событием;
- понимание текста есть творческое действие, не исчерпывающееся только лишь реконструктивным воссозданием авторского смысла текста, но создающее смысл заново;
- понимание-интерпретация есть событие в бытии культурного текста, момент его «действенной истории», а также необходимое звено «свершения традиции» культуры.

Ключевые идеи философской герменевтики можно представить в ряде следующих тезисов: «мир представляет собой универсальное пространство – универсум понимания», «мир раскрывается человеку в форме понимания», «существовать – значит быть в понимании», «человек есть существо, бытие которого заключается в понимании».

Эти идеи предполагают онтологический статус герменевтической процедуры понимания и онтологическую презумпцию осмысленности мироздания, согласно которой понять можно только то, что обладает смыслом и таким – семантическим образом соотносится с человеческим бытием, воплощается в нем. «Герменевтика ставит вопрос о смысле именно в плане онтологическом, – из чего следует: *мир имеет смысл*» [10, с. 69]. Понимание, согласно утверждению Х.-Г. Гадамера, пронизывает собой все связи человека с миром [1, с. 39]. Гадамер указывал на то, что любой объект познания в культуре уже является осмысленным. Универсальная осмысленность сферы культуры позволяет говорить об универсальной понимаемости – «герменевтическом универсуме» [2, с. 42].

При этом любой объект/артефакт культуры можно представлен в качестве текста, раскрывающего понимающее – смысло-сообразное человеческое отношение к миру.

И поскольку понимание, создающее и воспроизводящее человечески-значимый – гуманитарно-адекватный смысл, является культуротворческим актом смысло-полагания, постольку философскую герменевтику следует рассматривать именно как

философию культуры. Философская герменевтика и философия культуры в принципе неразделимы.

➤ Корпус основоположений герменевтически ориентированной версии философии культуры, имеющих концептуальный характер, можно представить в таком виде:

- культура как универсальный мир человеческого бытия является лингвистически актуализируемым семантическим миром человечески-значимых смыслов, образующих содержание культурных явлений и контекстов как их функциональных объективаций;

- актуализированный смысл выступает как язык, который является культурно-адекватной – культурогенной действительностью и функциональной действенностью смысла;

- в культуре смысл и язык обретают взаимную – лингво-семантическую конвергентность;

- культурный/культурно-адекватный смысл имеет лингвистическую формацию; культура, ее явления и контексты имеют лингво-семантическую определенность;

- язык является главным актуализатором культурогенной деятельности и культуры в целом как ее универсальная форма, конгруэнтная онтологическому ее позиционированию;

- человеческое «бытие в культуре» представляет собой смысло-значимое «бытие в языке»;

- язык является необходимым условием онтологической объективации смысла в культуре;

- универсальная культурогенная форма языковой объективации смысла – текст;

- текст удостоверяет лингво-семантическую сущность культурных явлений/артефактов;

- интерпретативное понимание является языковым процессом конституирования смысла;

- культура – не только предметное воплощение понимания смысла, объективированный его результат, но и универсальная коммуникативная сфера, пространство, хронотоп функционирования и трансляции понимания, конгруэнтный человеческому бытию в мире;

- смысло-значимое содержание культурных явлений всегда связано с культурно-историческим контекстом, традициями, с исторической спецификой человеческого бытия;

- человеческое бытие как таковое имеет смысло-полагающий – культурогенный характер;

- культура является лингво-семантическим пространством инициирования, актуализации, объективации, коммуникативной трансляции и понимания – интерпретации смыслов;

- каждая состоятельная культура презентует свою версию смысла человеческого бытия.

Ключевые идеи философской герменевтики можно представить в ряде следующих тезисов: «человеческое бытие есть бытие в лингвистически актуализируемой смысловой содержательности», «онтологическая объективация актуальных смыслов человеческого бытия конституирует культуру», «в культуре смысл и язык обретают континуальность», «культура представляет собой лингво-семантический мир человеческого бытия», «язык как универсальный способ актуализации смысла выступает универсальной формой культуры», «средоточием

лингво-семантической определенности культуры выступает текст», «текст предстает моделью культурных явлений и как таковой представляет собой главный объект герменевтических процедур интерпретативного понимания», «понимание моделирует человеческое мышление и опыт, человеческое поведение, коммуникацию, деятельность, творчество», «человеческое «бытие в культуре» фундируется пониманием».

Эти идеи можно считать пропедевтикой к герменевтической философии культуры, согласно которой актуализирующее смысл понимание является способом человеческого «бытия в мире» как «бытия в культуре», сущность которого – инициативное смысло-полагание. Согласно герменевтике в культурно-антропологической ее концептуализации, сам человек – это культурный текст, способный к само-пониманию и само-интерпретации.

Соответственно, «герменевтический круг» в его преимущественно ориентированной на смысл и его актуализацию семантической концептуализации можно представить так: смысло-полагание предполагает понимание, а понимание – смысло-полагание. Согласно этому объективирующая актуализация смысла в конституируемом на этом основании культурном контексте представляет собой движение от интенционального смысло-полагания – к пониманию и, соответственно, от понимания – к смысло-полаганию.

Связующим звеном, интегратором этого взаимно-конвергентного стремления к смыслу в его культурогенной актуализации, объективации и аффирмации является текст.

Процесс полагания – актуализации и объективации смысла, как и осуществляемый пониманием процесс его постижения происходят в лингвистической форме, и могут квалифицироваться как языковые. Образно можно сказать, что путеводная нить процессов полагания и понимания смысла соткана из языка, имеет лингвистическую определенность. Видный представитель философской герменевтики – французский мыслитель П. Рикер подчеркивал, что «...в языке, и только в языке, выражается всякое понимание...» [9, с. 49]. Видный представитель философской герменевтики – немецкий мыслитель М. Хайдеггер писал: «в жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты – хранители этого жилища. Их стража – осуществление открытости бытия, насколько они дают ей слово в своей речи, тем сохраняя ее в языке» [12, с. 192]. «Язык, согласно Хайдеггеру, есть дом бытия» [12, с. 192]. Применительно к человеку можно перефразировать: язык есть дом человеческого бытия, которым является культура, – подлинный доминион человеческого бытия в мире.

Язык выступает проводником смысла в реальность, и тем самым – культурогенным способом ее конструирования как мира человеческого бытия/культуры. Х.-Г. Гадамер указывал на «...исконно языковой характер человеческого бытия-в-мире» [2, с. 513].

Человеческое бытие в культуре инициируется семантическими, в своей сущности, процессами полагания и понимания смысла, моделируется ими, и удостоверяется в них. И эти процессы осуществляются в лингвистической/языковой форме, имеют лингво-семантическую природу, и опосредуются текстами как базовыми, архетипическими и универсальными культурными формами. По словам Ю. Лотмана, «текст как генератор смысла... для того, чтобы быть приведенным в работу нуждается в собеседнике. В этом сказывается глубоко диалогическая природа сознания. Чтобы активно работать, сознание нуждается в сознании, текст – в тексте, культура – в культуре» [6, с. 67]. Он характеризует культурный текст как «...сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как

информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [6, с. 90]. Соответственно это предполагает ориентированную на понимание ментальную коммуникацию с текстом.

Сходящиеся в текстах взаимно-сопряженные и взаимно-конвергентные процессы полагания и понимания смысла выступают в своей синергии культуuroобразующими началами, центрами и механизмами генерирования, актуализации, объективации и позиционирующей аффирмации смыслов, их формирующего, воспроизводящего и развивающего культурное пространство человеческого бытия в мире коммуникативного распространения. В своем совокупном действии эти процессы продуцируют семантосферу – сферу смыслов, семантический континуум человеческого «бытия в культуре».

Семантосфера представляет собой интегрированную сферу смыслов, исполненную лингво-семантическими образованиями коммуникативную семантическую среду. Она удостоверяет собой лингво-семантическую сущность и специфику культуры. Весь этот охватывающий и принимающий человеческое бытие семантический континуум может быть представлен как единый культуuroгенный механизм актуального смысло-полагания.

Единство семантосферы обеспечивается ее имманентной гомогенностью, задаваемой ментальной природой и семантической сущностью полагаемых смыслов. Ей присущи центры семантической интеграции в виде главенствующих общезначимых смыслов, с тенденцией их согласования, гармонизации и единения в центрирующее ее и культуру в целом смысловое ядро, удостоверяемое культурной картиной мира. Семантосфера в своей конфигурации определяется главенствующими для культурного контекста смыслами – смысловыми доминантами, выступающими в качестве культурных кодов, фундирующих картину мира, представленную в ментальности сообщества носителей культуры, и задающую их мировосприятие, миропонимание, мироотношение, их коммуницирование.

Объективированные в качестве артефактов смыслы – лингво-семантические образования культурного пространства человеческого бытия в мире не редуцируются к состоявшимся культурным формам, не замыкаются и не исчерпываются в них в полноте своей смысловой содержательности. Будучи адресованными человеку как субъекту интерпретирующего понимания, они вновь и вновь раскрывают в нем потенциалы своего содержания, свою смысло-значимость, что способствует воспроизводству и развитию явлений культуры, их контекстов, а в предельном выражении – культуры в целом.

Понимание, которое философская герменевтика постулирует в качестве главной категории человеческого бытия, может рассматриваться исходным и моделирующим началом культуuroтворчества, объективирующего актуальные смыслы человеческого бытия.

Праксеологическая (субъектная) реализация эксплицирующего смысловую содержательность понимания развертывается в инициируемых им культуuroтворческих процессах, которые создают культуру и обеспечивают ее историческую динамику. Вместе с тем объективация смысла в культурных явлениях создает исполненный смысловой определенностью порядок их позиционирования, который воплощается во внутреннем – морфологическом устройении культуры, ее функциональной структурной организации.

Наиболее аутентичной предметностью культуuroгенной объективации понимания как культуuroгенного смысло-полагания, с присущим ему принципом субъектности,

выступает текст – лингво-семантическая манифестация культуры, моделирующая ее явления, наличествующая в них. Понимание «пред-полагает» текст, воплощается в нем, исходит из него, имманентно обогащаясь тем самым, и обогащая культуру новыми текстами.

Подлинно человеческое бытие – это бытие в культуре, и как таковое оно представляет собой смысло-полагающее понимание в культурогенной его субъектности. «Герменевтика и ее метод указывают на то, что познать и освоить бытие можно лишь путем углубления и расширения познания человеческого мира/культуры» [10, с. 68].

Выводы. С концептуальной позиции философской герменевтики удостоверяются основополагающие составляющие философского осмысления культуры – проблематика культурного творчества, морфологии – внутреннего строения культуры и ее динамики.

Поэтому (философская) герменевтика может и должна рассматриваться, мыслиться в качестве теоретико-методологической платформы разработки целостной философской концепции культуры, которую можно номинировать герменевтикой культуры. Очевидно, что культура для герменевтики – аутентичный объект/предмет познавательного интереса.

Ориентированное на активацию человечески-адекватного смысла понимание как герменевтическая установка сознания является необходимым условием философского постижения гуманитарной сущности, специфики и предназначения культуры. Очевидно, что герменевтика содержит в себе актуализирующий культуру гуманитарный потенциал. Культивируя понимание, она раскрывает практический аспект в философии культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева А.В. Ю.М. Лотман / А.В. Васильева. – М.: ИКЦ «МарТ», 2005. – 144 с.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер ; пер. с нем. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
3. Кармин А.С. Культурология / А.С. Кармин, Е.С. Новикова. – СПб: Питер, 2006. – 464 с.
4. Козловски П. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития / П. Козловски ; пер. с нем. – М.: Республика, 1997. – 240 с.
5. Крымский С.Б. Экспликация философских смыслов / С.Б. Крымский. – М.: Идея-Пресс, 2006. – 240 с.
6. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю.М. Лотман. – СПб: Академический проект, 2002. – 544 с.
7. Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности / Налимов В.В. – М.: Прометей, 1989. – 287 с.
8. Пелипенко А.А. Культура как система / А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко. – М.: Языки русской культуры, 1988. – 376 с.
9. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер ; пер. с франц. – М.: Академический проект, 2008. – 695 с.
10. Сухина И.Г. Аксиология культуры: философско-антропологические основания: монография / И.Г. Сухина. – Донецк: Донбасс, 2011. – 560 с.
11. Флиер А.Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии / А.Я. Флиер. – М.: Академический Проект, 2000. – 496 с.
12. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер ; пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
13. Шлейермахер Ф. Герменевтика / Ф. Шлейермахер ; пер. с нем. – СПб.: Европейский Дом, 2004. – 242 с.

Поступила в редакцию 11.02.2022 г.

**CULTURAL EXPLICATION OF HERMENEUTICS
IN PERSPECTIVE OF HERMENEUTIC VERSION OF PHILOSOPHY OF CULTURE**

I. G. Sukhina

The article presents and substantiates the conceptual cultural explication of philosophical hermeneutics, formed as a propedeutic to the hermeneutic version of the philosophy of culture. Within this framework, the following are proposed: author's – linguistic-semantic understanding of the essence and specifics of culture, hermeneutically adequate interpretation of culture and its phenomena from the point of view of the text, substantiation of the phenomenon of understanding as the establishment of human consciousness on meaning and belief as a mechanism of cultural creation, etc. The article contains a conceptual – from the point of view of philosophical hermeneutics, consideration and interpretation of such fundamental components of the philosophy of culture as: cultural creativity and cultural subjectivity, the morphology of culture and its historical dynamics, etc. The substantiation of the authenticity of human being as «being in culture» is presented.

Keywords: man, human being, consciousness, sense, meaning, meaning-belief, understanding, language, text, culture, cultural phenomenon, cultural creation, semantics, hermeneutics.

Сухина Игорь Григорьевич,
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии ГО ВПО «Донецкий
национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»,
г. Донецк, ДНР.
E-mail: suhina_igor@mail.ru

Sukhina Igor Grigoryevich,
doctor of philosophical sciences, the associate
professor, professor of department of philosophy
State organization of higher education «Donetsk
National University of Economics and Trade named
after Mikhail Tugan-Baranovsky», Donetsk, DPR.
E-mail: suhina_igor@mail.ru

ПЕДАГОГИКА

УДК 372.581

ЛЕКЦИЯ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ФОРМА МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ МАТЕМАТИКИ

© 2022. А. И. Дзундза, В. А. Цапов

ГОУ ВПО ДНР «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена анализу организационно-методических основ проектирования лекции как важнейшей формы мировоззренческого обучения математическим дисциплинам будущих учителей математики. Выделены методические требования к мировоззренчески ориентированным лекциям. Обоснованы их функции. Приведены примеры организации объяснительно-иллюстративной, эвристической, проблемной мировоззренческих лекций.

Ключевые слова: мировоззренческое обучение математическим дисциплинам, мировоззренчески-ориентированная лекция, объяснительно-иллюстративная лекция, проблемная лекция, эвристическая лекция, мировоззренческие ориентиры, будущий учитель математики.

Проблеме исследования организационных форм обучения и их классификации уделяют внимание многие ученые, что нашло отражение в большом количестве научно-педагогических работ (А.М. Новиков, А.В. Хуторской, В.А. Слостенин, И.Я. Лернер, М.Н. Скаткин, и др.) [8]. В нормативных документах и педагогической литературе выделяются традиционно сложившиеся формы учебных занятий: урок, конференция, семинар, лекция, собеседование, консультация, практикум, лабораторное занятие и пр. В высшей школе преимущественно реализуются следующие формы организации учебного процесса – лекция, практические, лабораторные, семинарские занятия, практики, консультации и самостоятельная работа, и научно-исследовательская работа студентов [5]. С.Н. Щеглова подчеркивает особую роль лекционных занятий, как формы информационно-культурной коммуникации лектора-педагога с подрастающим поколением [9].

Основной организационной формой обучения в высшей школе, безусловно, является лекция. Общеизвестно, что лекция должна не только предоставлять студентам новые знания, но и содействовать формированию личностной сферы будущего специалиста, всестороннему развитию индивида. И осуществляется это специфическими, присущими непосредственно лекционному преподаванию средствами. На данный момент лекция конкурирует с другими источниками информации и обучающими формами: видеотехнологиями, мультимедийными средствами, различными видами он-лайн коммуникации и другими интерактивными формами обучения. Чтобы продемонстрировать будущим учителям ценность «настоящей» лекции усилия преподавателя должны быть направлены на выразительную передачу «живого» знания, наделенного реальными смыслами, подлинными ценностями, а не просто информационного материала. Именно такой подход позволит лектору проявиться и как ученому, открывающему новое знание, и как оратору, это знание пропагандирующему, и как воспитателю, активизирующему развитие личности студента.

Ни семинар, ни лабораторное или практическое занятие, ни беседа не создают таких возможностей достижения целей мировоззренчески ориентированного обучения, как лекция, разумеется, эти формы имеют другой значительный образовательный и воспитательный потенциал. Лекция является эффективной формой мировоззренческого обучения, поскольку она предполагает систематический, непосредственный контакт сознания, чувства, интуиции, воли, убежденности педагога с внутренним миром студента [1]. Грамотный, интеллигентный, неординарно мыслящий преподаватель раскрывает перед будущим специалистом богатство научного мышления, приобщает к поиску нового, увлекает энтузиазмом познания. Безусловно, лектор убедительнее, эмоциональнее, чем учебник или пособие, способен донести до слушателей идеи гуманизма, служения обществу, чувство внутренней ответственности перед ним [4].

Отметим, что результативно конкурировать с современными средствами массовых коммуникаций могут только мировоззренчески ориентированные лекции. Мы считаем, что такие лекции должны удовлетворять следующим методическим требованиям:

- быть целостными, гибкими и дифференцированными;
- исходить из особенностей общекультурного потенциала изучаемой дисциплины;
- учитывать специфику мотивационно-волевых устремлений аудитории, а также психологические закономерности процесса познания;
- оказывать влияние на формирование нравственных оценок, взглядов, отношений, чувств и убеждений личности;

• соответствовать возможностям современных информационных технологий.

Мы выделяем основные функции мировоззренчески ориентированной лекции:

- информационная функция, направленная на развитие интеллектуально-познавательной активности студентов, качеств и операций мыслительной деятельности;
- мотивационно-волевая функция, направленная на формирование навыков самостоятельной учебной и научно-исследовательской работы;
- профессионально-ориентирующая функция, направленная на формирование профессионального мировоззрения, профессиональной этики, навыков саморазвития и самосовершенствования;
- методологическая функция, направленная на формирование навыков корректной научной аргументации, интерпретации результатов, составление выводов и прогнозов [1, 2].

Рассмотрим кратко сущностные характеристики основных функций мировоззренчески ориентированных лекций. Информационная функция заключается в том, что лекция должна содержать философскую, общекультурную трактовку базовых научных фактов, являющихся основой для последующего анализа, логических построений, рассуждений, оценок. Хотя функция лекции по передачи информации не основная, студент, воспринимая предложенную на лекции информацию, чаще всего старательно ее фиксирует, составляя конспект в качестве «гарантированного минимума» успешного прохождения контрольных мероприятий. Поэтому преподаватель должен заботиться, чтобы при этом интеллектуальная, нравственная и мотивационно-волевая активность обучающегося оставалась высокой [10]. Чтобы лекция стала стартовой площадкой саморазвития, очень важно придать теоретической информации мировоззренческую направленность, доказать общекультурную значимость изучаемого материала, раскрыть его внутренний познавательный потенциал. В этом полноценно проявляется мотивационно-волевая функция лекции.

Безусловно, мировоззренчески ориентированная лекция должна выполнять методологическую функцию, знакомить студентов с общими методологическими принципами научного познания. Эта функция эффективно реализуется через анализ и систематизацию научных теорий, сравнение, сопоставление методов исследования и решения проблем, выявление общих предпосылок и подходов, разъяснение принципов и логики научного поиска. Вовлекая будущего учителя в особую, создаваемую преподавателем, эмоционально окрашенную учебную атмосферу по решению поставленных учебных проблем, лектор фактически нацеливает познавательный процесс на поисковую, исследовательскую деятельность [6]. Названная функция направлена на формирование у будущих специалистов нравственных качеств, навыков и умений аналитико-синтетической деятельности, позволяющих осуществлять в исследованиях и практической деятельности индукцию и дедукцию, анализ и синтез, сравнение и сопоставление, а также другие методы и приемы познания. Тем самым она позволяет формировать у студента гибкое аналитическое мышление [3].

Опыт нашей педагогической деятельности позволяет констатировать, что наиболее полно выполняют названные функции и удовлетворяют выделенным выше методическим требованиям информационно-объяснительные, проблемные и эвристические мировоззренчески ориентированные лекции [1, 2, 7].

Информационно-объяснительные мировоззренческие лекции мы проектируем с выделением содержательно-смысловых блоков мировоззренческой направленности. Сущностно-мировоззренческий блок наполняем определениями и формулировками, раскрывающими философскую, общекультурную сущность математических понятий. В содержание исторически-ориентированного блока мы включаем сведения об истории зарождения и развития математических теорий; биографические сведения о выдающихся математиках; определения, формулы, теоремы, леммы, методы, носящие имя известных ученых. Эстетически-направленный блок содержит материал, подчеркивающий внешнюю красоту геометрических форм и аналитических записей, а также внутреннюю эстетику математического смысла и рассуждения, эстетику математического познания. Блок базисно-образующей сущности математических теорий охватывает сведения о значимости математических теорий для становления естествознания и социально-гуманитарной сферы. Будущие учителя активно привлекаются к подготовке презентаций, докладов, сообщений по соответствующим тематикам.

Методическим требованием к информационно-объяснительной мировоззренческой лекции, на наш взгляд, является последовательное изложение понятийно-категориального аппарата учебной дисциплины в соответствии со следующими этапами:

- обоснование математической и мировоззренческой сущности вводимого понятия и определение его места в системе других математических понятий;
- изучение возможности применения понятия в практико-ориентированных задачах; изучение возможности применения понятия в различных учебных предметах;
- раскрытие роли понятия в процессах познания окружающей действительности, в формировании общенаучной картины мира.

Приведем пример фрагмента информационно-объяснительной мировоззренческой лекции по математическому анализу в теме «Неопределенный интеграл»: «История развития большинства математических понятий проходит длительный путь от первых идей, связанных с рассмотрением частных примеров, до формализованного и строго сформулированного определения. Этот процесс прослеживается и на категориях математического анализа. Прародителем интегрального исчисления принято считать

древнегреческого учёного Евдокса Книдского, жившего приблизительно в 400 – 350 годах до нашей эры. Он доказал формулу вычисления объема пирамиды. Позднее Демокрит изобразил тела составленными из пластин бесконечно малой высоты. Объем тела при таком представлении являлся не чем иным, как суммой объемов этих пластин. Эта идея положена в основу вычисления площадей и объемов в интегральном исчислении. Архимед не только дополнил идеи Демокрита переходом к пределу, но и вывел формулы длины окружности, площади круга, объема и поверхности шара. Он показал, что определение объемов шара, эллипсоида и параболоида вращения фактически сводится к определению объема цилиндра. В конце XVI века для вычисления площадей и объемов математики начали активно использовать метод неделимых. Идея этого метода состояла в том, чтобы разделить исследуемые тела на «неделимые» тела нулевой длины, которые потом складываются в другую фигуру, площадь которой известна. Именно формализация метода неделимых в значительной степени определила развитие интегрального исчисления. Б. Кавальери при нахождении площадей плоских фигур, объема тел вращения использовал идеи метода неделимых.

И. Кеплер вывел формулы для вычисления площади фигуры ограниченной эллипсом и объемов тел вращения, которые в 1615 году привел в своем труде «Стереометрия винных бочек». П. Ферма в 1629 году решил ряд задач на нахождение центров тяжести. Г. Лейбниц одновременно с И. Ньютоном обосновал основные принципы дифференциального и интегрального исчислений и доказал, что дифференцирование и интегрирование – взаимно обратные операции. Знак интеграла был впервые введен в статье Г. Лейбница в 1686 г. Термин «интеграл» впервые в печати употребил Я. Бернулли в 1690 г.»

Важнейшей формой мировоззренческого обучения является эвристическая лекция. Основным требованием к ее проведению Е.И. Скафа называет предоставление обучающимся возможности создавать новые знания, формулировать творческие задачи, делать собственные открытия [7]. Мы считаем, что эвристическая лекция способствует развитию личностной сферы студента, формирует навыки интеллектуально-познавательной деятельности. Методическим требованием к проведению мировоззренческой эвристической лекции является организация эвристической беседы при проведении лекции. Приведем фрагмент эвристической беседы, организованной на лекции по математическому анализу (тема «Поверхностный интеграл 2-го рода»).

«Преподаватель (П.): При введении понятия поверхностного интеграла 1-го рода мы получали интегральные суммы, в которых значение функции в некоторой точке умножалось на площади элементов поверхности. В задачах физики, например, при определении потока жидкости через поверхность S , встречаются пределы аналогичных сумм с той лишь разницей, что вместо площадей самих частей стоят площади их проекций на три координатные плоскости. При этом поверхность S предполагается ориентированной (указано, какое из направлений нормалей считается положительным) и площадь проекции берётся со знаком «+» или «-» в зависимости от того, является ли угол между положительным направлением нормали и осью, перпендикулярной плоскости проекций, острым или тупым. Ставлю вопрос: сколько жидкости протечет через заданную поверхность за единицу времени, если плотность жидкости везде одна и та же («несжимаемая жидкость»), пусть для определенности она равна 1.

Студент (С.): Очевидно, такая задача не может не привести к интегральной сумме и через нее – к интегралу.

П.: Действительно, давайте разобьем поверхность S на кусочки, каждый из которых можно уже приближенно считать плоским, а поле A скоростей жидкости на

протяжении этого кусочка постоянным. Рассмотрим один такой кусочек. За единицу времени частички жидкости, находившиеся в начальный момент на исследуемом кусочке, сместятся на отрезок, длина которого численно равна скорости (ведь скорость и есть «путь за единицу времени»). Ставлю вопрос: как подсчитать объем вытекшего столбика жидкости?

С.: Нужно площадь основания умножить на высоту, которая равна «пути за единицу времени». Учитываем, что скорость перпендикулярна площадке.

П.: Правильно. А в общем случае нужно взять составляющую скорости, перпендикулярную к поверхности. Будем считать, что на нашей поверхности одна из сторон выделена; обычно это делают так: в какой-то точке поверхности строят вектор, перпендикулярный поверхности. Лучше всего считать, что этот вектор имеет некоторую заранее известную длину; чаще всего считают, что она равна 1 . Когда мы передвигаемся по плоскости, вместе с нами передвигается и вектор нормали. Та сторона, на которой стоит вектор, и считается выделенной. Если же мы встретили поверхность одностороннюю, то с помощью задания нормали выделить сторону поверхности невозможно. *Вопрос:* Что же в этом случае делать?

С.: Я вижу тут следующий выход: считать, что суммарно жидкость через нее протекла в нулевом количестве (в смысле: сколько втекло, столько и вытекло).

П.: В самом деле, тот наблюдатель, который (условно) стоит вверх головой, подсчитывает количество протекающей жидкости через ту или иную площадку, ориентируясь на свою нормаль, а тот наблюдатель, который вслед за Мебиусом ушел туда, откуда Мебиус слышал лай своей собаки, доносящийся как бы из-под земли, также подсчитывает количество протекающей жидкости, но если, скажем, первому кажется, что это количество нужно учитывать со знаком плюс, так как жидкость вырывается из поверхности в виде гейзера, то второму кажется, что идет дождик. Заканчиваем рассуждение про вычисление количества жидкости за единицу времени. Конечно, мы должны просуммировать результаты, полученные для каждой площадки и перейти к пределу. Перейдем теперь к построению поверхностного интеграла второго рода».

Проблемные лекции, безусловно, являются эффективной формой мировоззренческого обучения математическим дисциплинам. Методическими требованиями к организации проблемной лекции являются:

- обоснование мировоззренческой сущности изучаемой проблемы;
- анализ разных точек зрения на возможность решения проблемы;
- привлечение исторических сведений об открытиях в соответствующей сфере науки;
- вовлечение студентов в поиск научной истины альтернативными способами;
- оценивание концептуальной полезности полученного результата.

Проблемная лекция должна быть направлена на возбуждение интеллектуально-познавательного интереса к изучаемому разделу математики, формирование мотивационно-волевых качеств у студентов. Мы считаем, что будущим учителям необходимо сообщать, какой именно вид лекции будет организован в данной педагогической ситуации. Так, при проведении проблемных лекций, мы рассказываем студентам о различных подходах к их проектированию. Приведем фрагмент вводной части из проблемной лекции по вариативной дисциплине «Мировоззренческий потенциал математического обучения»: «Выдающиеся лекторы применяли проблемную лекцию для усиления ее доступности, эмоционального и идейного воздействия. В значительной степени проблемность присуща лекциям

А.П. Карпинского, П.Ф. Лесгафта, Д.И. Менделеева, К.А. Тимирязева, Н.А. Умова и других замечательных лекторов. Лектор излагает материал в виде проблемного поиска, постоянно апеллируя к аудитории, обращаясь к слушателям с вопросами, стимулирующими мысль, фантазию, догадку. Даже при монологической форме изложения информации, подобная лекция превращается в диалог по своему внутреннему строению. Благодаря проблемной лекции осуществляются практически все звенья мировоззренческого обучения, в основном повторяющие основные стадии интеллектуально-познавательного поиска».

Таким образом, в современных условиях мировоззренческое значение вузовской лекции ни в коей мере не снижается, а возрастает, при этом возрастают и требования к ней. Мировоззренчески ориентированная лекция – это лекция, методическими требованиями к которой должны быть: многофункциональность, гибкость, дифференцированность, полнейшая реализация информационной, мотивационно-волевой и методологической функций обучения. При этом эффективность основных организационных форм работы преподавателя со студентами, способствующих раскрытию и формированию их мировоззренческого потенциала, находится в прямой зависимости от эрудиции, логики, убеждений и собственных мировоззренческих идеалов преподавателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дзундза А.И. Проблема формирования социально-адапционного компонента системы мировоззренческих ориентиров цифрового поколения современных студентов средствами экономико-математического моделирования / А.И. Дзундза, В.А. Цапов, Е.Ю. Чудина // Вестник Донецкого национального университета, Сер. Б: Гуманитарные науки. – 2019. – № 2. – С. 115-122.
2. Дзундза А.И. Профессионально-педагогические ориентиры в структуре системы мировоззренческих ориентиров будущих специалистов / А.И. Дзундза, В.А. Цапов // Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. – Вып. 39: Серия «Педагогика» (История и теория математического образования). – Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2018. – С. 58-68.
3. Журавлёва О.П. Воспитательное пространство современной школы: попытка определения сущности и средств его организации / О.П. Журавлёва, Л.П. Михалева // Инновации в образовании. – 2018. – № 9. – С. 131-140.
4. Климов Е.А. Идеалы профессиональной культуры и пути их достижения / Е.А. Климов // Трудности и перспективы становления профессионала: Сборник научных трудов. Под ред. Е.А. Климова. – Москва: МГУ, 2012. – С. 7-22.
5. Новиков А.М. Методология образования. Издание второе / А.М. Новиков. – Москва: Эгвес, 2006. – 488 с.
6. Пидкасистый П.И. Организация учебно-познавательной деятельности студентов / П.И. Пидкасистый. – 2-е изд., допол. и перераб. – Москва: Педагогическое общество России, 2005. – 144 с.
7. Скафа Е.И. Теоретико-методические основы формирования готовности будущего учителя математики к проектно-эвристической деятельности: монография / Е.И. Скафа. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – 280 с.
8. Хуторской А.В. Методология инновационной практики в образовании. Монография / А.В. Хуторской. – Москва: Литрес, 2021. – 162 с.
9. Щеглова С.Н. Педагогические условия развития творческого потенциала студентов младших курсов педагогического вуза: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / С.Н. Щеглова. – Москва: МГУ, 2006. – 223 с.
10. Яковлева Е.В. Формирование научного мировоззрения студентов на лабораторных занятиях по физике в вузе / Е.В. Яковлева // Бюллетень науки и практики. – 2019. – Т. 5. – №4. – С. 398-404.

Поступила в редакцию 02.02.2022 г.

**LECTURE AS THE MOST IMPORTANT ORGANIZATIONAL FORM OF WORLD OUTLOOKING
MATHEMATICAL DISCIPLINES FOR FUTURE TEACHERS OF MATHEMATICS**

A.I. Dzundza, V.A. Tsapov

The article is devoted to the analysis of the organizational and methodological foundations of designing a lecture as the most important form of ideological teaching of mathematical disciplines for future mathematics teachers. The methodological requirements for ideologically oriented lectures are highlighted. Their functions are substantiated. The examples of the organization of explanatory-illustrative, heuristic, problematic worldview lectures are given.

Key words: worldview teaching of mathematical disciplines, worldview-oriented lecture, explanatory-illustrative lecture, problem lecture, heuristic lecture, worldview guidelines, future teacher of mathematics.

Дзундза Алла Ивановна.

Доктор педагогических наук, профессор,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР.

E-mail: alladzundza@mail.ru.

Dzundza Alla Ivanovna

Doctor of Pedagogy, Professor,
SEI HPE “Donetsk National University”,
Donetsk, DPR.

E-mail: alladzundza@mail.ru.

Цапов Вадим Александрович

Кандидат физико-математических наук, доцент,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР.

E-mail: tsapva@mail.ru.

Tsapov Vadim Aleksandrovich

Candidate of Physico-Mathematical Sciences,
Associate Professor,
Donetsk National University, Donetsk, DPR.

E-mail: tsapva@mail.ru.

УДК 378.017:331-042.65: [378.011.3-051:331.482]

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ 20.03.01 ТЕХНОСФЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

© 2022. *В. В. Карпов*

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

В статье рассмотрена организация самостоятельной работы студентов как планового мероприятия, выполняемого по заданию и под методическим руководством преподавателя. Самостоятельная работа определена в качестве основного способа усвоения студентом учебного материала в свободное от обязательных учебных занятий время. В работе демонстрируется, как рациональная организация самостоятельной работы студентов с использованием современной информационно-образовательной среды учебного заведения позволяет не только интенсифицировать работу в качественном усвоении учебного материала, но и закладывает основы для дальнейшего постоянного самообразования и самосовершенствования.

Ключевые слова: бакалавр, техносферная безопасность, самостоятельная работа, активизация, самостоятельность.

Введение. Рост технического прогресса и благосостояния людей сопровождают проблемы загрязнения окружающей природной среды и планеты в целом, что сегодня беспокоит во всем мире каждое развитое государство. Для спасения общества от опасностей техногенного и природного характера, снижения техногенной нагрузки на окружающую среду обитания все государства должны иметь собственную стратегию устойчивого (зеленого) развития на долгосрочную перспективу, внедрять на предприятиях природоохранные мероприятия и готовить специалистов, основными обобщенными трудовыми функциями которых и является обеспечение безопасности человечества в современном техногенном мире, нивелирование влияния человеческой деятельности на природу и биоразнообразие планеты, мониторинг и прогнозирование последствий вмешательств в природу и т.п. Очевидно, что для овладения навыками выполнения столь сложных функций, в образовательной среде высшего учебного заведения необходимо рационально сочетать и использовать все формы учебной деятельности: как аудиторную (преимущественно участие в различного рода учебных занятиях), так и самостоятельную (внеаудиторную) учебную деятельность студентов [1; 2].

Основной целью самостоятельной подготовки студентов является закрепление, углубление и систематизация знаний; самостоятельное овладение учебным материалом; поиск, обработка и представление информации; формирование потребности к постоянному самообучению, развитию и самоусовершенствованию; формирование умений и навыков самостоятельной познавательной деятельности. Этого можно достичь только при условии выработки умений самостоятельно работать, которое начинается во время профессиональной подготовки в образовательной среде вуза. Внедрение самостоятельной деятельности выдвигает перед высшими учебными заведениями ряд сложных и комплексных задач – определить пути перевода студента из состояния пассивного потребителя знаний в позицию активного их творца, умеющего сформулировать проблему при изучении дисциплин и приобретающего умения самостоятельно мыслить и принимать решения в разнообразных профессиональных ситуациях. Можно утверждать, что настал качественно новый этап

в развитии проблемы самостоятельной работы студентов. Если ранее самостоятельная работа рассматривалась как важная составляющая учебного процесса, которая по важности немногим уступала аудиторным занятиям, то новой парадигмой образования самостоятельная работа студентов определяется как основной компонент высшего профессионального образования. Поэтому в условиях современной системы обучения самостоятельная работа студента является основным средством усвоения им учебного материала, которая доминирует среди остальных видов учебной деятельности студентов после практической подготовки [3; 4].

В Порядке организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования, утвержденным приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 6 апреля 2021 г. № 245, самостоятельная работа студентов определяется как основное средство овладения учебным материалом, в период времени, свободный от обязательных учебных занятий [5]. Содержание самостоятельной работы студента над овладением конкретной дисциплиной определяется учебной программой дисциплины, методическими материалами, заданиями и указаниями преподавателя. Самостоятельная работа студентов должна обеспечиваться системой учебно-методических средств, предусмотренных для изучения конкретной учебной дисциплины: учебники, учебные и методические пособия, конспект лекций преподавателя, семинарские, практические и лабораторные занятия.

Основная часть. Раскрытие особенностей соответствующего подхода к самообразованию студентов посвящен целый ряд исследовательских работ (Н.А. Ерошина, П.И. Пидкасистый, А.Н. Алексюк, А.А. Аюрзанайн, В.А. Козаков, Л.И. Шумская, О.Л. Жук, Т.С. Поддубная, В.А. Поддубный, И.А. Гиниатуллин, В.Г. Семенова, О.Н. Ефремова,). Из рассмотренных исследований следует важный вывод: формирование прочных навыков, умений, знаний, развитие умственных способностей студентов возможно только в результате их собственной, самостоятельной, интеллектуальной и практической деятельности. При условии такого обучения значительно изменяется содержание и значимость самостоятельной работы индивида, которая становится ведущим видом учебной деятельности студентов.

Подготовке бакалавров техносферной безопасности, а также выявлению потенциала и роли самостоятельной деятельности студентов в овладении ими учебным материалом профессиональных дисциплин и формировании компонентов профессиональной компетентности, посвящены работы таких авторов как Е.П. Вох, Н.Н. Мичурова, С.Н. Дульцев, Б.Ч. Месхи, В.А. Девисилов, А.А. Ковалева, С.С. Тимофеева, Л.А. Попова, Ю.В. Трофименко, З.С. Сазонова, Т.В. Федюкина, В.А. Штерензон, С.А. Худякова и др. А.А. Ковалева в своем исследовании предлагает формировать профессиональные компетенции будущих бакалавров техносферной безопасности по принципу практикоориентированного обучения, при преимущественно самостоятельном выполнении студентами «маршрутных» заданий (проектов), что параллельно позволит формировать и творческие способности обучающихся [6]. По мнению В.А. Штерензона и С.А. Худяковой повышение качества профессиональной подготовки будущих бакалавров техносферной безопасности предполагает изменение модели взаимоотношений между преподавателем и обучающимся, что позволит студенту самостоятельно анализировать информацию, находить и обосновывать пути решения поставленных задач, самостоятельно мыслить и быть готовым к реальным жизненным ситуациям, тем более чрезвычайного характера. Авторы предлагают модель смешанного обучения, предполагающую гибкую интеграцию традиционных и

инновационных личностно-развивающих технологий аудиторного обучения и самостоятельной работы студента [7]. Ю.Г. Пикулиным и В.Э. Ворониной изучено влияние изменения продолжительности (объёмов) различных видов практик и объёмов аудиторных часов на качество подготовки будущих бакалавров техносферной безопасности. Возможность повышения качества образования по данному направлению подготовки авторы видят в соответствующем перераспределении основной нагрузки на самостоятельную работу студентов (выполнение большего количества домашних заданий, рефератов, расчётно-графических работ, курсовых работ и проектов) с учётом времени на подготовку к текущему контролю знаний по дисциплинам в конце семестра [1].

Анализ библиографических источников показал, что авторами не выявлен потенциал самостоятельной подготовки студентов на фоне уменьшения аудиторной нагрузки в соответствии с требованиями государственных образовательных стандартов; не обоснована необходимость внедрения новых методов самостоятельной работы обучающихся, соответствующих, одновременно, и современным достижениям и реалиям педагогики высшей школы, и требованиям новых образовательных стандартов, и специфике содержания и организации подготовки будущих бакалавров техносферной безопасности.

Самостоятельная работа будущих бакалавров техносферной безопасности в Луганском государственном университете имени Владимира Даля по овладению дисциплинами профессионального цикла имеет свою нормативную правовую базу, а именно «Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, специалитета, магистратуры», утвержденного приказом Министерства образования и науки Луганской Народной Республики № 2032-од от 26.12.2019 г.», а также «Положение об организации самостоятельной работы обучающихся» [8]. Оба нормативных документа позволяют и предусматривают введение системы самостоятельной работы студентов с учетом возраста молодежи, их адаптации к учебному процессу, содержания и задач конкретной дисциплины. Так, при изучении дисциплин профессионального цикла («Надзор и контроль в сфере безопасности», «Управление техносферной безопасностью», «Надежность технических систем и техногенный риск», «Метрология, стандартизация и сертификация» и т.д.) прежде всего учитывается степень самостоятельности студентов в обучении с проявлением активности, которая имеет три уровня:

- репродуктивно-следственной деятельности;
- поисково-исполнительской деятельности;
- творческой деятельности.

Процесс формирования самостоятельности у студентов находит дальнейшее развитие и при рассмотрении вопросов их самостоятельной работы с заранее определенными темами учебной дисциплины. Например, при овладении знаниями, связанными с управлением охраной труда и промышленной безопасностью, в соответствии с рабочей программой дисциплины «Управление техносферной безопасностью», студенты самостоятельно отрабатывают темы «Основные направления государственной политики Луганской Народной Республики (ЛНР) в области охраны труда», «Международный опыт в области управления безопасностью труда», «Структура законодательной и нормативной правовой базы охраны труда в ЛНР», «Надзор и контроль в области промышленной безопасности в ЛНР», «Ответственность за нарушение законодательства ЛНР в области охраны труда и промышленной безопасности». При изучении указанной учебной дисциплины

профессионального цикла имеют место все три уровня активности, каждый из которых имеет свою систему деятельности. При репродуктивно-следственной системе студент приобретает умения выполнять самостоятельную работу по примеру преподавателя. В ходе поисково-исполнительской деятельности преподаватель формулирует конкретные задания, а студенты самостоятельно ищут наиболее рациональные, безопасные, экономичные способы выполнения. Иной направленности приобретает творческая активность. Студенты сами формируют задания и выполняют их или предлагают свой собственный неординарный вариант их решения.

Согласно исследований В.А. Козакова, Н.А. Ерошиной, по уровню проявления творчества самостоятельную работу студентов можно разделить на:

- репродуктивную – осуществляемую по определенному образцу (решение типовых задач, требующих осмысления, запоминания и простого воспроизведения на основе ранее полученных знаний);
- реконструктивную – предусматривающую слушание и дополнение лекций преподавателя, составление планов конспектов, воспроизведение содержания научных заметок, статей;
- эвристическую – направленную на решение проблемных задач, получение новой информации, её структурирование (составление опорных конспектов, схем-конспектов, аннотаций, решение творческих заданий, составление прогнозов);
- исследовательскую – ориентированную на проведение научных исследований (подготовка курсового проекта, подготовка разделов выпускной квалификационной работы, теоретические исследования и по их результатам написание тезисов докладов, научных статей и т.д.) [9; 10; 11].

Самостоятельность студенческой работы отражается и в научно-исследовательской деятельности, в которой студенты имеют возможность приобретения навыков проведения научного поиска в ходе исследований. Итогом такой работы являются выступления студентов с докладами на научных конференциях, подготовка научных статей. Таким образом, эффективная самостоятельная работа становится самостоятельной творческой деятельностью и способствует развитию креативного мышления студента.

Во время изучения дисциплин профессионального цикла учебного плана направления 20.03.01 Техносферная безопасность самостоятельная работа студентов предусматривается при выполнении следующих видов учебной работы:

- работа в системе дистанционного обучения;
- работа с электронными учебно-методическими разработками кафедры;
- изучение и конспектирование отдельных тем курсов;
- выполнение домашних заданий;
- подготовка к семинарским занятиям, коллоквиумам;
- конспектирование, реферирование, перевод иностранных текстов, написание докладов, письменных работ на заданные темы, составление презентаций и т.д.;
- обработка учебного материала по печатным и электронным первоисточникам;
- выполнение научно-исследовательской работы;
- выполнение заданий опытно-экспериментального характера.

Однако задекларированная направленность на систематизацию, углубление и закрепление полученных знаний и умений путем самостоятельного изучения учебно-методических пособий, нормативных правовых документов, решение ситуационных и проблемных профессионально ориентированных задач, выполнение практических заданий, курсовых и выпускных квалификационных работ невозможна без

целенаправленного формирования у студентов определенных общеобразовательных навыков и соответствующего психолого-педагогического влияния со стороны преподавателей, направленных на подготовку к участию в научно-практических конференциях техносферной проблематики, круглых столах, олимпиадах безопасности жизнедеятельности, развитие организационно-коммуникативных навыков, преодоление страха перед аудиторией.

Основными формами контроля самостоятельной работы студентов является поточный, итоговый и модульный, экзамены, курсовые работы, выпускная квалификационная работа, государственная итоговая аттестация. Контроль осуществляется в течение всего периода изучения учебной дисциплины, во время практических и семинарских занятий и имеет целью проверку уровня овладения знаниями, умениями, навыками, профессионально значимыми качествами студентов. Мотивационным фактором в интенсивной учебной работе и, в первую очередь, в самостоятельной, является личность преподавателя, который должен быть примером для студента как профессионал, гражданин, творческая личность. Преподаватель должен руководствоваться методическими материалами, системой учебно-методических средств, предусмотренных для изучения конкретной учебной дисциплины, может и должен помогать студенту раскрыть свой творческий потенциал, сформироваться как профессионалу, определить перспективы своего внутреннего роста.

Вопрос контроля за самостоятельной работой студента является неоднозначным, т.к. прямолинейный контроль со стороны преподавателя снижает самостоятельность студента, однако он необходим для повышения эффективности обучения. Практика показывает, что эффективность контроля за самостоятельной работой в большинстве своем зависит от личности преподавателя, уровня его профессиональной коммуникабельности, отношения к образовательному процессу, инновационных качеств. Доступность значительного количества электронных статей и книг, справочной литературы, цифровых образовательных платформ, интерактивных учебных материалов позволяет расширить творческий потенциал студента, повысить производительность его труда и при этом выйти за рамки традиционной модели изучения учебной дисциплины. Такой широкий спектр самостоятельной работы студентов должен обуславливать наличие на кафедрах широкого круга учебно-методических пособий, способствующих достижению двуединой цели: формированию самостоятельности студента (специальная цель обучения) и развитию способностей, умений, навыков и знаний студентов (основная цель обучения) [9, с. 13]. Организующим началом является обеспечение студентов методическими разработками по темам, отведенным для самостоятельного изучения, списками профессиональной литературы, индивидуальные консультации с предварительной проработкой студентами учебного материала. Это даст возможность определить уровень их подготовленности для дальнейшей самостоятельной работы.

Следующим фактором, способствующим активизации самостоятельной деятельности, можно считать полезность выполняемой работы. Если студент знает, что результаты его работы будут использованы в отчетах по учебной и производственной практике, в написании курсовых проектов, при подготовке публикаций или каким-либо еще способом, то отношение к выполнению самостоятельных заданий существенно изменяется в лучшую сторону и качество выполняемой работы возрастает. При этом важно психологически настроить студента, стимулировать и мотивировать его работу. Организованная таким образом самостоятельная работа активизирует познавательную деятельность, помогает комплексно использовать полученные в процессе обучения

знания, сформировать самостоятельное мышление. Кроме того, последовательная и контролируемая преподавателем самостоятельная работа способствует подготовке студентов к написанию в дальнейшем выпускной квалификационной работы, закладывает основные навыки самостоятельного поиска информации, ее обработки, анализа, формулирования выводов, их оформления и внесения предложений, касающихся возможных организационно-управленческих решений в будущей профессиональной деятельности. При этом осуществляется контроль компетенций, которые являются производными знаний, умений и навыков студентов и являются одной из форм обратной связи, источником информации для преподавателя о ходе самостоятельного овладения студентом учебного материала и глубине, прочности его усвоения [12].

Заключение. Повышение качества подготовки будущих бакалавров техносферной безопасности новой формации тесно связано с постоянным совершенствованием организации самостоятельной работы студентов в учебном процессе, поиском путей повышения эффективности этой работы, которая должна активизировать познавательную деятельность студентов, прививать им практические навыки, побуждать к непрерывному приобретению знаний в течение всей жизни. Самостоятельная работа всегда оценивалась с точки зрения ее эффективности, которая определяется мотивацией, наличием у студентов интеллектуальных умений и навыков, общей эрудицией, умением работать с источниками информации, эффективно общаться, профессионально личностными качествами студента, самоорганизованностью. Таким образом, методически правильно мотивированная организация самостоятельной работы студентов является одной из важнейших форм учебного процесса при подготовке будущих бакалавров техносферной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пикулин Ю.Г. Системный подход при подготовке бакалавров по направлению «Техносферная безопасность» / Ю.Г. Пикулин, В.Э. Воронина // педагогический опыт: теория, методика, практика. – Чебоксары: Изд-во ООО «Интерактив плюс», 2015. – т.1. – № 3(4). – С. 84–86.
2. Вох Е.П. Роль самостоятельной работы в повышении качества графической подготовки бакалавров техносферной безопасности / Е.П. Вох, Н.Н. Мичурова, С.Н. Дульцев // Наука и образование в XXI веке: Материалы международной научно-практической конференции. – Тамбов: Изд-во ООО «Консалтинговая компания Юком», 2018. – С. 24–26.
3. Старкова Д.А. Гибкие методы формирования навыков и умений самостоятельной работы студентов / Д.А. Старкова, Е.А. Рогова // Педагогическое образование в России. – 2019. – №1. – С. 24–30.
4. Гиниатуллин И.А. Самостоятельная учебная деятельность по овладению иностранным языком на специальном факультете: учеб. пособие к спецкурсу / И.А. Гиниатуллин. – Свердловск, 1990. – 95 с.
5. Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, утвержденный приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 6 апреля 2021 г. № 245.
6. Ковалева А.А. Нормативная компетенция как системообразующая компетенция в общей профессиональной компетентности специалиста в области техносферной безопасности / А.А. Ковалева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2010. – №2(12) – С.190–193.
7. Штерензон В.А. Применение технологии Flipped Classroom в информационно-математической подготовке специалистов и бакалавров пожарной и техносферной безопасности / В.А. Штерензон, С.А. Худякова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-tehnologii-flipped-classroom-v-informatsionno-matematicheskoy-podgotovke-spetsialistov-i-bakalavrov-pozharnoy-i>, свободный. (Дата обращения: 04.01.2022).
8. Официальный сайт Государственного образовательного учреждения высшего образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dahluniver.ru>, свободный. (Дата обращения: 12.01.2022 г.).

9. Педагогические основы самостоятельной работы студентов: Пособие для преподавателей и студентов / под общ. ред. О.Л. Жук. – Мн.: РИВШ, 2005. – 236 с.
10. Козаков В.А. Самостоятельная работа студентов и ее информационно-методическое обеспечение / В.А. Козаков. – К.: Вища школа, 1990. – 248 с.
11. Ерошина Н.А. Дидактические условия управления самостоятельной учебной деятельностью студентов педагогических вузов [Текст]: автореф. дисс. ... канд пед. наук: 13.00.01 / Нинэль Александровна Ерошина. – Липецк, 2001. – 22 с.
12. Королев М.Е. Управление самостоятельной работой будущих инженеров в процессе обучения математическому моделированию / М.Е. Королев // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2021. – № 2. – С. 170–177.

Поступила в редакцию 08.02.2022 г.

ORGANIZATION OF INDEPENDENT WORK OF STUDENTS OF THE DIRECTION 20.03.01 TECHNOSPHERE SAFETY

V. V. Karpov

The article considers the organization of independent work of students as a planned event, carried out on the instructions and under the methodological guidance of a teacher. Independent work is defined as the main way for students to master educational material in their free time from compulsory training sessions. The paper demonstrates how the rational organization of independent work of students using the modern information and educational environment of the educational institution allows not only to intensify the work in the qualitative assimilation of educational material, but also lays the foundation for further continuous self-education and self-improvement.

Key words: bachelor, technosphere safety, independent work, activation, independence.

Карпов Владислав Викторович

Кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры безопасности жизнедеятельности
и охраны труда ГОУ ВО ЛНР «Луганский
государственный педагогический университет»,
г. Луганск, ЛНР.
E-mail: vip_belyy@mail.ru

Karpov Vladislav Viktorovich

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of
the Department of Life Safety and Labor Protection,
SEI HE LPR "Lugansk State Pedagogical University",
Lugansk, LPR.
E-mail: vip_belyy@mail.ru

УДК 378:821.161/.162:316.7

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВ БУДУЩИХ ФИЛОЛОГОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ (ИНО)СЛАВЯНСКИМ ЯЗЫКАМ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА

© 2022. *И.А. Кудрейко*

ГОУ ВПО ДНР «Донецкий национальный университет»

В статье в рамках межкультурного подхода определены принципы: мультикультурности, герменевтики, коммуникативной направленности, сравнимости, ситуативности, а также деятельностный принцип, реализация которых позволяет обучающимся познать нормы и образцы чужой культуры, развить личностно значимые, профессионально значимые качества, умения и навыки полноценной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурный подход, бакалавры славянской филологии, (ино)славянские языки, принципы.

Введение. Изучение иностранного языка как средства отображения культурных ценностей того или иного народа на современном этапе развития общества позволяет сформировать языковую личность учителя-словесника с устойчивым мировоззрением, активной жизненной позицией, высоким уровнем социальной ответственности, гражданской самоидентификации и культуры межнационального общения, готового к профессиональной деятельности в многонациональном обществе.

Актуальность исследования обусловлена потребностью общества в квалифицированных учителях-словесниках, в совершенстве владеющих несколькими языками, обладающих устойчивой системой морально-нравственных и профессионально значимых качеств.

Анализируя многочисленные исследования ученых, посвященные теоретическим основам иноязычной подготовки специалистов, отметим, что традиционные методы обучения являются доминирующими в учебном процессе. Изучив лингводидактические наработки по использованию межкультурного подхода при обучении иностранным языкам, уделяем внимание принципам, которые в недостаточной мере освещены в научной литературе, однако являются определяющими в организации образовательного процесса и направленными на формирование профессионально значимых качеств будущих бакалавров славянской филологии.

Цель работы – на основании анализа исследований вопросов применения межкультурного подхода в языковой подготовке студентов-филологов для достижения эффективной межкультурной коммуникации определить принципы, лежащие в основе организации учебно-воспитательного процесса будущих бакалавров славянской филологии и направленные на формирование и становление их профессионально значимых качеств.

Основная часть. В лингводидактике межкультурный подход считается приоритетным, поскольку позволяет обучаемым посредством познания норм и образцов чужой культуры более глубоко осознать собственные культурные нормы, принципы, традиции, опыт, ценности; повысить мотивационную активность, развить личностно значимые качества, умения и навыки полноценной межкультурной коммуникации. Анализ научно-методической литературы показал, что существуют

различные мнения относительно применения межкультурного подхода при обучении иностранному языку.

Идею равноправного присутствия двух культур для подготовки обучаемых к эффективному осуществлению межкультурной коммуникации в процессе изучения языка предлагают Е.С. Дикова, Н.А. Кафтайлова, Н.В. Языкова и др. По мнению ученых, данный подход «учитывает тот факт, что взаимодействие участников межкультурного общения не должно строиться исключительно по правилам общения, принятым в изучаемой культуре, поскольку его построение происходит по правилам межкультурного общения, которое отлично от общения в конкретных культурах и имеет свои собственные цели и особенности» [5; 8; 20].

По мнению Н.А. Кафтайловой, межкультурный подход «представляет собой более широкое методическое направление (по отношению к лингвострановедческому, лингвокультуроведческому, социокультурному), как общая парадигма обучения иностранному языку на современном этапе» [8, с. 81].

О.С. Хосаинова, анализируя значение межкультурного подхода при обучении языкам, отмечает, что «изучение иностранного языка представляется как процесс открытия и познания чужой культуры, при котором учащиеся осознают свои собственные образцы поведения и культурные традиции; знакомятся также с различными стратегиями изучения иностранного языка и постижения иноязычной культуры... В центре внимания находятся процессы, тесно связанные с изучением иностранного языка, а именно процессы осознания значения, восприятия, образования гипотез о содержательной и нормативной сторонах учебного процесса, которые не могут развиваться автоматически, а требуют целенаправленной тренировки для того, чтобы научиться замечать специфическое в чужой культуре» [18]. Согласно Т.Л. Гурулевой, характерной особенностью данного подхода от других культуросообразных подходов «является переход родной культуры и языка обучающегося из категории средства постижения другого языка и культуры в категорию объекта переосмысления и интерпретации с позиции обновленной картины мира» [4, с. 125]. Исследовательница указывает, что «объектом обучения при межкультурном подходе выступают не только владение языком (коммуникативная деятельность) в широкой взаимосвязи с культурой изучаемого языка, но и переосмысление и интерпретация родной культуры и языка с позиции обновленной картины мира» [4, с. 125].

Анализируя вышеизложенное, отметим, что формирование и становление профессионально значимых качеств будущих учителей-словесников осуществляется посредством межкультурного подхода, под которым в данной работе понимаем процесс обучения (ино)славянским языкам с учетом национальных особенностей, традиций, менталитета представителей иноязычной культуры.

Использование межкультурного подхода в обучении иностранным языкам рассматривают зарубежные и российские ученые: М. Байрам, Л.М. Вырыпаева, Т.А. Дакукина, Л. Дамен, Г.Я. Дашевская, Г.В. Елизарова, И.А. Зимняя, О.А. Корнилов, Е.И. Пассов, В.В. Сафонова, Е.А. Смирнова, И.Б. Смирнов, С. Савиньон, В.П. Фурманова, К. Крамш, П.В. Сысоев, С.Г. Тер-Минасова и др.

В работах ученых освещаются проблемные вопросы, связанные с методиками, активизирующими практическое использование знаний в межкультурной сфере, с разработкой игровых методов, с использованием ролевой игры при обучении иностранным языкам, с формированием этнолингвокультурологической, межкультурной компетенции в процессе работы с художественными текстами при

изучении иностранного языка, с культурой и практикой делового общения на иностранном языке, с коммуникативным поведением и этикетными формулами и т. п. Однако, принципы межкультурного подхода, формирующие профессионально значимые качества учителей-словесников, являются не достаточно изученными и требуют более глубокого анализа и разработки.

Проанализировав научные исследования по вопросам применения межкультурного подхода при обучении (ино)славянским языкам будущих бакалавров славянской филологии и систематизировав их, выделяем основные принципы, являющиеся основой обучения студентов – будущих филологов. К ним относим такие принципы: *мультикультурности, герменевтики, коммуникативной направленности, сравнимости, ситуативности, деятельностный принцип.*

Е.И. Скафа отмечает, что «в современной дидактике принципы обучения рассматривают как рекомендации, которые должны направлять педагогическую деятельность и учебный процесс в целом, а также как способ достижения педагогических целей с учетом всех закономерностей учебного процесса. Принципы обучения – это фундаментальные дидактические положения, определяющие организацию и протекание процесса обучения, его направленность на личность студента» [16, с. 50-51].

Анонсируем содержательные компоненты каждого принципа, направленные на формирование профессионально значимых качеств будущих специалистов в области славянской филологии:

1. **Принцип мультикультурности** предполагает воспитание посредством изучения (ино)славянских языков учителя-словесника, в совершенстве владеющего несколькими языками. Данный принцип позволяет сформировать у будущих бакалавров славянской филологии такие **профессионально значимые качества**, как социально-психологическая готовность к межкультурной коммуникации, гибкость мышления, положительное отношение к диверсификационному культурному окружению, высокая степень гражданской, социокультурной и этнической идентичности; **умения**: творчески применять в учебно-воспитательном процессе различную страноведческую информацию, ориентироваться на диалог культур; **навыки**: квалифицированного языкового сопровождения международных форумов, переговоров, а также межкультурной и межнациональной коммуникации с применением умений ораторского мастерства; **способности**: к саморазвитию и самообразованию, к сопоставлению и выявлению общих и контрастивных лингвистических явлений, отображенных в научных работах, публицистических и художественных произведениях, материалах периодических изданий и интернет-сайтов.

Использование принципа мультикультурности способствует внутреннему развитию студентов-филологов, упрощает процесс подготовки бакалавров славянской филологии к участию в международных научных, научно-практических, научно-методических мероприятиях: форумах, конференциях, круглых столах, семинарах и т. д.

2. **Принцип герменевтики** является одним из основных при формировании умений, навыков и способностей бакалавров славянской филологии, обеспечивающих эффективное взаимодействие в процессе межкультурной коммуникации; позволяет изучить культурные ценности разных этносов, народов в их традиционном виде посредством толкования и объяснения аутентичных текстов, используемых в образовательном процессе. Данный принцип базируется на понимании, и ключевыми в нем являются понятия, по Г.И. Богину, «готовность к пониманию», «пространство понимания». Ученый акцентирует внимание на том, что «пониманию нельзя научить:

когда это пытаются делать, получается научение «готовому пониманию», поэтому необходимо формировать готовность к пониманию, а это требует научения рефлексии. Понимание – одна из организованностей рефлексии, и готовность к пониманию достигается через обучение рефлексии, обученность рефлексии, владение рефлексивными техниками понимания» [1].

Использование данного принципа в учебно-воспитательном процессе при обучении (ино)славянским языкам будущих учителей-словесников способствует укреплению национального сознания, национального характера, устойчивой гражданской и национальной самоидентификации; формированию личностных установок студентов, их готовности к пониманию и признанию других культур; воспитанию толерантного отношения в межкультурной коммуникации, развитию способностей полноценного понимания между представителями разнородных культур.

3. **Принцип коммуникативной направленности** развивает у студентов-филологов умения инициативно вести беседу в соответствии с условиями коммуникативной ситуации, подготовлено и спонтанно реагировать в процессе общения; способствует погружению в (ино)славянскую языковую среду, развивает критическое мышление, понимание логики чужой культуры.

О.О. Гармаева указывает, что данный принцип «определяется практической направленностью знаний, организацией обучения в естественной или максимально близкой к ней среде использования языка, т. е. процесс обучения приближается к процессу реального общения, где главная цель – овладение языком как средством коммуникации» [2]. Максимально приблизить общение к реальным условиям позволяют знания в области изучаемого (ино)славянского языка, культуры, традиций, этикетных речевых / языковых формул, культурных табу и т. п.

Использование принципа коммуникативной направленности в процессе профессиональной подготовки будущих бакалавров славянской филологии предполагает обеспечение коммуникативного обучения (ино)славянскому языку как средству социального взаимодействия и формирования мотивации, целенаправленности, речемыслительной активности, норм взаимодействия и готовности к межкультурному профессиональному и бытовому общению с носителями других языков и культур.

4. **Принцип сравнимости** носит имплицитный характер, формируется в русле компаративной лингвистики и лингвокультурологии, позволяет обучаемым сопоставлять лингвистические системы разноструктурных (ино)славянских языков (украинского, польского) на всех языковых уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом и т. д.; выявлять общесистемные сходства, различия и соответствия изучаемых национальных языков и культур, предвидеть возможные языковые интерференции, объяснять механизмы их порождения, разрабатывать систему методик, позволяющую явления интерференции свести к минимуму, развивать у будущих бакалавров славянской филологии умения и навыки сравнения двух и более культур, отраженных в произведениях художественной литературы, устного народного творчества, в этикетных формулах, религии, традициях. И.Э. Ярмакеев, Т.С. Пименова, А.Р. Абдрафикова утверждают, что «обучение иностранному языку подразумевает изучение как иностранного, так и родного языка путем выявления сходств и различий в сравниваемых языках и культурах» [21].

Использование принципа сравнимости в учебно-воспитательном процессе будущих бакалавров славянской филологии дает возможность проведения

компаративного анализа русского, украинского и польского языков, что способствует более глубокому осознанному овладению знаниями по изучаемым языкам.

5. **Принцип ситуативности** предполагает осуществление процесса обучения на основе ситуаций, воспринимаемых обучаемыми как систему взаимоотношений; подразумевает, что ситуация способствует организации учебного процесса, охватывает презентацию речевого материала, формирование речевых умений, навыков.

Ситуативность является важным условием обучения говорению – выражению мыслей для достижения коммуникативных целей. Формировать данные умения и навыки можно только в процессе общения, моделируя различные коммуникативные ситуации. В.Ю. Михальченко трактует коммуникативную ситуацию как «структурную организацию определенной ситуации общения» [14].

Принцип ситуативности при обучении (ино)славянским языкам реализуется при выполнении студентами-филологами заданных условий, под которыми понимаем: «мотивационно-целевые факторы; общий контекст деятельности; социальные, статусные, позиционные, деятельностные и нравственные взаимоотношения коммуникантов; количество участников коммуникации; описание ситуации, включающее информацию как об обстановке так и об участниках разговора; временно-пространственную локализацию (место и время действия); коммуникативную задачу (диалог, монолог, реакция в письменной форме и т.д.); информированность и предрасположенность к разрешению задачи; языковую и речевую подготовку участников общения; речевой стимул как причину, побуждающую к речи; этикетные формулы» [11; 12].

6. **Деятельностный принцип** основывается на исследованиях известного американского ученого Дж. Дьюи, предложившего внедрение в учебно-воспитательный процесс теории: «учение через деятельность». По мнению ученого, «знание, способное решать наши проблемы, должно быть не концептуальным, а функциональным, поэтому его следует добывать в активном взаимодействии с окружающим миром, а не принимать от учителя как готовую доктрину» [6, с. 463]. Полагаясь на данное высказывание, отметим, что деятельностный принцип базируется на активной сознательной мыслительной деятельности обучаемого.

Особое значение при реализации данного принципа имеет рефлексивная деятельность. Л.В. Шелехова, рассматривая рефлексивность как результат обучения в вузе, понимает под ней «особый вид учебной деятельности студентов, основанный на осмыслении и переосмыслении ими своих знаний, умений и навыков в процессе исследования осуществленной деятельности с целью фиксации ее результатов и повышения ее эффективности в дальнейшем» [19].

Рефлексивная деятельность при изучении (ино)славянских языков способствует формированию у будущих бакалавров славянской филологии познавательной направленности, креативности, стремления реализовать интеллектуальный потенциал, мотивации на продуктивное взаимодействие с носителями языка; повышает языковую культуру обучающихся в процессе межкультурной коммуникации, развивает умения использовать речевые и языковые нормативные этикетные формулы для эффективного межкультурного общения.

В Донецком национальном университете по направлению 45.03.01 Филология (Профиль: Славянская филология) подготовка будущих бакалавров славянской филологии строится в направлении применения межкультурного подхода при обучении студентов (ино)славянским языкам. Нами выявлено, что внедрение данного подхода способствует преодолению интерферирующего влияния родного языка, определению в

сравнительно-сопоставительном аспекте характерных особенностей изучаемых языков, закреплению страноведческих сведений, основанных на несовпадениях и сходствах двух культур: своей и чужой. Кроме того, принципы, положенные в основу обучения (ино)славянским языкам студентов в аспекте межкультурного подхода способствуют формированию и становлению таких профессионально значимых качеств как: социально-психологическая готовность к межкультурной коммуникации, гибкость мышления, положительное отношение к диверсификационному культурному окружению, высокая степень гражданской, социокультурной и этнической идентичности, познавательная направленность, креативность, стремление реализовать интеллектуальный потенциал, мотивация на продуктивное взаимодействие с носителями языка и пр.

Заключение. Использование межкультурного подхода в университетском образовании формирует у будущих бакалавров славянской филологии представление о многоуровневой структуре национальных культур, нормы адекватного поведения в поликультурном обществе, развивает эмпатию, толерантность в принятии общего и специфического в каждой из культур; способствует пониманию реалий другой культуры в процессе преодоления социально-культурной дистанции, становлению профессиональных умений и навыков эффективной межкультурной коммуникации, способности ориентироваться в системе морально-этических норм и ценностей различных социальных групп (этнических, религиозных, профессиональных, возрастных).

Обучение студентов (ино)славянской речетворческой деятельности в контексте реализации межкультурного подхода позволяет оптимизировать процесс овладения навыками и умениями иноязычной письменной и устной речи, определить социокультурные несовпадения, разработать методiku, направленную на коррекцию социокультурных ошибок и осознание социокультурных несоответствий на всех уровнях восприятия изучаемых украинского и польского языков [17].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богин Г. И. Обретение способности понимать : Введение в герменевтику / Г. И. Богин. – 2001. – 731 с.
2. Гармаева О. О. Преподавание восточных языков сегодня: коммуникативная направленность обучения / О. О. Гармаева // Русистика. – 2014. – № 4. – С. 98-103.
3. Груздева Е. А. Межкультурный подход в обучении русскому языку как иностранному иранских учащихся / Е. А. Груздева // Известия ВГПУ. – 2019. – № 7 (140). – С. 55-60.
4. Гурулева Т. Л. Подходы к обучению китайскому языку в аспекте формирования межкультурной образовательной парадигмы / Т. Л. Гурулева // Язык и культура. – 2021. – № 54. – С. 113-130.
5. Дикова Е. С. Методика формирования межкультурной профессиональной коммуникативной компетенции у студентов неязыкового вуза на материале рекламных текстов / Е. С. Дикова // Вестник ИрГТУ. – 2011. – № 8 (55). – С. 255-262.
6. Дьюи Дж. Реконструкция философии. Проблемы человека / Пер. с англ. и примеч. Л. Е. Павловой. – Москва : Республика, 2003. – 494 с.
7. Зуева Е. А. Возможности межкультурного подхода к формированию профессионального тезауруса студентов экономического вуза / Е. А. Зуева // Высшее образование сегодня. – 2019. – № 3. – С. 43-47.
8. Кафтайлова Н. А. Терминологическое поле межкультурного подхода к обучению иностранным языкам / Н. А. Кафтайлова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 73-2. – С. 78-82.
9. Корякина А. А. Зарубежные подходы к проблеме межкультурного обучения / А. А. Корякина // Образование и право. – 2020. – № 7. – С. 242-245.
10. Крапивина М. Ю. О проблеме разработки курса иностранного языка для специальных целей / М. Ю. Крапивина // The Scientific Heritage. – 2020. – № 54-4. – С. 26-28.

11. Кудрейко И. А. Принципы обучения студентов славянским языкам на основе коммуникативно-ориентированного подхода / И. А. Кудрейко // Вестник ДонНУ. Серия Д : Филология и психология. – 2020. – № 3-4. – С.28-34.
12. Лелюшкина К. С. Принцип – ситуативности в обучении иноязычному личностно-ориентированному общению / К. С. Лелюшкина // Вестник ТГПУ. – 2004. – № 5. – С. 103-105.
13. Ли Н. В. Межкультурный подход в обучении корейскому языку / Н. В. Ли // Вестник ТГПУ. – 2021. – № 5 (217). – С. 116-122.
14. Михальченко В. Ю. Языковая ситуация и языковая политика в современной России / В. Ю. Михальченко // Языковая ситуация в Европе начала XXI века : Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. отд. языкознания; Отв.ред. Трошина Н.Н. – Москва : 2015. – С. 14-32.
15. Мошняга Е.В Межкультурный подход к организации международных образовательных программ // Вестник РМАТ. – 2017. – №2. – С. 1-7.
16. Скафа Е. И. Ведущие принципы формирования методической компетентности будущих преподавателей высшей школы / Е. И. Скафа, А. А. Борисова // Дидактика математики: проблемы и исследования: международный сборник научных работ. – 2021. – № 54. – С. 48-56.
17. Соколова Н. С. Возможности реализации принципов обучения письменной речи студентов языкового факультета в свете межкультурного подхода / Н. С. Соколова // Вестник КемГУ. – 2015. – № 2-3 (62).
18. Хосаинова О. С. Лингводидактические и методические аспекты межкультурного подхода / О. С. Хосаинова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 11-1. – С. 341-344.
19. Шелехова Л. В. Диагностические признаки сформированности рефлексивной учебной деятельности / Л. В. Шелехова // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия 3: – Педагогика и психология. – 2011. – № 1. – С. 95-103.
20. Языкова Н. В. Актуальные проблемы реализации межкультурного подхода в иноязычном образовании и пути их решения / Н. В. Языкова // Язык-культура, мышление-познание: интегративные исследования: материалы международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 28–30 июня 2018 г.). – Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета. – 2018. – С. 425–436.
21. Ярмакеев И. Э., Пименова Т. С., Абдрафикова А. Р. Роль родного языка в изучении иностранных языков: новый ракурс. / И. Э. Ярмакеев, Т. С. Пименова, А. Р. Абдрафикова // Общество. Коммуникация. Образование. – Том 12. – 2021. – № 1. – С.104-113.

Поступила в редакцию 11.02.2022 г.

PRINCIPLES OF DEVELOPMENT OF PROFESSIONALLY RELEVANT QUALITIES IN FUTURE PHILOLOGISTS DURING TRAINING (FOREIGN) SLAVIC LANGUAGES IN THE ASPECT OF AN INTERCULTURAL APPROACH

I.A. Kudreiko

The article defines, through the intercultural focus, the principles of multiculturalism, hermeneutics, communicative approach, comparability, situatedness, as well as the activity principle, the implementation of which allows students to explore the norms and patterns of other culture, to develop personally and professionally relevant qualities, comprehensive intercultural communication skills.

Key words: intercultural approach, Bachelor of Slavic Philology, (foreign) Slavic languages, principles, multiculturalism.

Кудрейко Ирина Александровна
Кандидат филологических наук,
директор института педагогики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
г. Донецк, ДНР.
E-mail: kudrejko@mail.ru

Kudreiko Irina Aleksandrovna
Candidate of Philology,
Head of Pedagogy Institute, SEI HPE “Donetsk
National University”, Donetsk, DPR.
E-mail: kudrejko@mail.ru

УДК 378.14.007.2

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УМЕНИЯ РАБОТАТЬ С ИНФОРМАЦИЕЙ В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБУЧЕНИИ БУДУЩИХ ЖУРНАЛИСТОВ

© 2022. Т. А. Сирота

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье описываются организационно-педагогические условия для эффективности развития общепрофессионального умения работать с информацией на иностранном языке у будущих журналистов. Автором предложены общие и специальные организационно-педагогические условия. Общие условия связаны с формированием общепрофессиональных умений в контексте профессиональной подготовки. Специальные условия связаны с развитием умений на основе иностранного языка.

Ключевые слова: организационно-педагогические условия, работа с информацией, обучение иностранному языку, журналисты.

Введение. Для выбора способов конструирования педагогического процесса в современных исследованиях описываются организационно-педагогические условия для повышения его эффективности. Эти условия могут быть направлены на совершенствование учебных программ, корректировку системы мониторинга, критериев оценивания и т.д.

Е.В. Сергеева и М.Ю. Чандра под организационно-педагогическими условиями понимают конкретно-научную группу условий, используемую в педагогической теории для научного обоснования процессуального аспекта исследуемого объекта педагогической системы с целью определения совокупности таких возможностей (мер воздействия), которые обеспечат его эффективное функционирование и развитие[1].

Что касается развития общепрофессионального умения работать с информацией на английском языке, педагогические условия направлены на выявление структурных составляющих и определение показателей умения, внедрение активных форм и методов, обеспечивающих его эффективность.

В научной литературе развитию общепрофессиональных умений посвящено немало исследований. Теория развития умений в деятельности раскрывается в трудах Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева, А.В. Усова и др. Среди общепрофессиональных умений Т.М. Дридзе, И.В. Носко, Е.С. Полат, Ю.Г. Татур особо выделяют умения работать с информацией. А.А. Лукьянова, З.А. Санина, Т.М. Сучкова умение работать с информацией связывают с использованием новейших компьютерных технологий. Другая группа исследователей выделяют умения работать с письменными, устными текстами, а также реальными объектами для получения информации (И.Я Зимняя, Т.А. Перескокова, И.В. Чапрыгина и др.)

Выработка любых умений, по мнению О.Н. Солуяновой, требует большего времени, чем просто усвоение знаний об этих умениях [2]. Поэтому актуализируются проблемы интеграции и фундаментализации обучения. Общепрофессиональное умение работать с информацией рассматривается как способность и реальная готовность будущих журналистов осуществлять работу с письменными и устными источниками информации на иностранном языке в непосредственной профессиональной деятельности.

Несмотря на то, что эффективное развитие общепрофессионального умения работать с информацией позволяет сформировать как предметную, так и общепрофессиональную и профессиональную компетентности будущих специалистов, организационно-педагогические условия для положительной динамики этого умения рассматривались фрагментарно.

Целью статьи является определение организационно-педагогических условий для эффективности развития общепрофессионального умения работать с информацией на иностранном языке у будущих журналистов.

Основная часть. Проблему развития умений ученые связывают с деятельностью. Анализ исследований позволяет утверждать, что умение формируется и развивается в деятельности.

Л. В. Андрухив умение работать с информацией рассматривает как «теоретико-практическую деятельность, включающую в себя владение разнообразными способами практических действий по поиску (сбору), получению, обработке, анализу и представлению текстовой и цифровой информации с заданной целью» и представляет его в виде пяти последовательно осуществляемых действий.

1. Действие по осуществлению поиска информации включает следующие операции:

- определение темы разыскиваемой информации;
- установление необходимых информационных источников;
- составление списка литературы, которая может оказаться полезной.

2. Действие по получению информации предполагает следующие операции:

- слушание или конспектирование;

3. Действие по обработке информации охватывает следующие операции:

- выделение в полученной информации главного;
- структурирование материала и упорядочение данных.

4. Действие по анализу информации состоит из следующих операций:

- составление информации из разных источников;
- систематизация и обобщение сведений в соответствии с поставленной задачей;
- выстраивание системы доказательств;
- составление вывода из частных заключений или из представленных данных;
- аргументация вывода.

5. Действия по предоставлению информации включает следующие операции:

- трансляция воспринятой информации в устной или письменной форме;
- обсуждение информационного материала (дискуссия, семинар, конференция) и высказывание собственного мнения в формальной и неформальной обстановке [3, с. 13].

О. А. Митрахович представляет умение как системное образование, состоящее из частных умений, «направленных на решение задач, т.е. объединенные целью выполнения действия, взаимосвязанные друг с другом, взаимодействующие с внешней средой» [4, с. 55]. Так умение работать с учебником состоит из следующих умений:

- определять в тексте основную мысль;
- устанавливать связь между понятиями;
- разбивать текст на смысловые части;
- делать собственные выводы на основе прочитанного текста;
- составлять план;
- делать заметки по ходу чтения.

Умение как система имеет интегративные свойства, которыми не обладает каждое частное умение, входящее в его состав. Только в системе взаимодействия компонентов

можно решить поставленную задачу. Более того, частные умения могут входить в различные системы, образуя новое системное образование. Слабая сформированность частных умений может привести к ослаблению, нарушению системы умений. Следовательно, формирование сложного умения должно быть основано на знаниях об уровне сформированности частных умений, выработку стратегий их становления и интеграции в новое системное образование.

Определим понятие «умение работать с информацией», т.к. оно является ключевым в нашем исследовании.

Умение работать с информацией – интегративное качество личности, позволяющее добиваться полного понимания, воспроизведения и интерпретации информации, прогнозировать ситуации и поведение реальных субъектов в коммуникации, направленной на желаемый результат.

В ряде исследований (Н.В. Дударева, А.М. Новиков, В.И. Орлов, Г.И. Щукина) умения рассматриваются как знания в действии. Умения всегда связаны с приобретенными знаниями. Однако, по мнению Н.А. Кузьминой, для эффективной деятельности умения представляют наибольшую ценность, поскольку интеллектуальные свойства и обобщенность позволяют им с успехом реализоваться в измененных и разнообразных ситуациях [5]. Поэтому для эффективного процесса развития общепрофессионального умения работать с информацией необходимо соблюдать последовательность этапов в процессе обучения: от представлений к знаниям, от знаний – к умениям, от умений – к компетентности.

Студенты, обучающиеся по специальности «Журналистика», готовятся к осуществлению профессиональной деятельности в условиях межкультурной коммуникации на иностранных языках, требующей развития умения работать с информацией.

Говоря о выборе организационно-педагогических условиях как инструменте развития общепрофессионального умения работать с информацией на иностранном языке, необходимо выделить определяющие их принципы:

- принцип коммуникативной направленности;
- принцип дифференцированного подхода к отбору материала;
- принцип интегративного подхода к структуре занятия;
- принцип субъект-субъектных отношений;
- принцип параллельного развития иноязычных и профессиональных умений.

Организационно-педагогические условия для развития общепрофессионального умения работать с информацией у будущих журналистов можно разделить на две группы: общие и специальные. Общие условия связаны с формированием общепрофессиональных умений в контексте профессиональной подготовки. Специальные условия связаны с развитием умений на основе иностранного языка.

К общим организационно-педагогическим условиям относим целостность процесса обучения, обеспечение учебного процесса материальной базой, личностно-ориентированное обучение, творческий подход к обучению.

Специальные организационно-педагогические условия связаны с применением аутентичных текстов, аудио и видео-материалов, моделирование ситуаций реальной профессиональной деятельности, обучение с использованием коммуникативных заданий от простых к сложным.

Развитие общепрофессионального умения работать с информацией в процессе изучения иностранного языка позволяет решить следующие задачи:

- формировать коммуникативную компетентность на основе родного и иностранного языков;

- расширять кругозор, приобретать профессиональный опыт;
- интегрировать профессиональные, языковые, общекультурные компетенции.

Одним из условий для эффективного развития общепрофессионального умения работать с информацией является формирование положительной мотивации к развитию умения работать с информацией средствами иностранного языка. Дисциплина не является новой для студентов, в отличие от других профильных дисциплин и строится на предыдущем опыте, способствуя эффективности обучения. В процессе профессионально-ориентированного изучения иностранного языка вырабатываются различные умения при использовании активных методов обучения.

Мотивация заключается в понимании того, что от качества и объективности информации, от уровня профессионализма журналистов зависит стабильность и безопасность общества. В демократическом государстве журналисты являются проводниками важнейших социально-экономических и политических идей, они не только влияют на общественное мнение, но и во многом формируют культуру, вкусы и предпочтения, ценности и этические нормы. Каким наше общество будет завтра, во многом зависит от современного уровня профессионального образования журналистов.

Анализ современных исследований позволил установить, что профессионал в сфере журналистики должен обладать высоким уровнем культуры и интеллекта, использовать коммуникативные умения для выявления проблем и поиска оптимальных вариантов решения. В этой связи, иностранный язык является одним из средств для самосовершенствования, познания окружающей действительности, профессионального роста.

Для развития общепрофессионального умения работать с информацией на основе иностранного языка на высоком уровне студенты должны овладеть: системой страноведческих знаний; системой лингвистических средств для формального и неформального общения в форме диалога или монолога; системой коммуникативных умений для ситуаций речевого общения; знаниями грамматики иностранного языка; кластерами профессиональной подготовки для обеспечения единства учебной и практической деятельности.

Вторым, не менее важным условием является выявление потенциала иностранного языка для развития умения работать с информацией. Иностранный язык имеет интеграционный потенциал для развития многих умений. Данная дисциплина является одной из немногих дисциплин в учебном плане, непосредственно направленная на развитие у студентов практического умения работать с информацией, необходимого для изучения любой дисциплины профессиональной подготовки. Данное положение выводит иноязычное обучение на позиции интегративности. Дисциплина «Иностранный язык» способствует формированию личности будущего журналиста, который свободно ориентируется в мировом информационном пространстве, грамотно использует его возможные ресурсы, имеет высокий уровень информационной культуры. Решение данной задачи обеспечивается специально разработанным, структурированным содержанием учебной дисциплины «Иностранный язык». Тематическая структура содержания обучения должна быть согласована со специальной профессиональной подготовкой будущего журналиста: системные лингвистические знания формируют стержень профессионально направленного обучения иностранному языку; должна быть ориентация преподавания на применение практических и интерактивных методов, способствующих развитию умений работать с информацией. Развитие умений работать с информацией заключается в постепенной динамике развертывания обучения иностранному языку от общего развития студента

(базовые знания) до реализации целей профессиональной подготовки. Обучение выстраивается в определенной системе познавательных задач, результат решения которых способствует развитию данного умения. Иностраный язык включает в себе значительный потенциал, который может быть продуктивно использован в динамике развития умения работать с информацией. Отсюда, подлежат выявлению и исследованию:

- содержание и технология развития умения работать с информацией, которые должны учитывать специфику профессии журналиста, в соответствии с чем выстраивается общая логика обучения иностранному языку с учетом влияния его на качество целостного образовательного пространства вуза;

- развитие умения работать с информацией в сотрудничестве преподавателей иностранного языка с преподавателями других дисциплинарных областей;

- взаимодействие студентов различных групп с целью практического использования иностранного языка;

- развитие умений работать с информацией не только как качество владения студентами иностранным языком, но и как лингвистическая, общекультурная и профессиональная подготовка будущих журналистов.

Установлено, что сферу труда журналистов представляют чтение, говорение, аудирование, письмо, что требует обширного словарного запаса, правильного построения предложений, логичности владения литературным языком, его выразительными средствами, разными стилями и формами устной и письменной речи. Содержание слухового восприятия информации обусловлено такими умениями как ведение беседы, активное использование различных видов речи, чему способствует изучение иностранного языка, который формирует способность к коммуникации в устной и письменной формах.

Одной из основных проблем в обучении является подбор и разработка материалов. Это следствие того, что преподаватели, как правило, ограничены во времени и не являются специалистами по профессиональным дисциплинам. Том Хатчинсон и Алан Уотерс [6] определяют некоторые определяющие принципы, которые следует учитывать при разработке педагогических материалов:

1. Материалы должны стимулировать обучение. Другими словами, они не учат, а мотивируют учащихся к обучению, поэтому должны содержать интересные тексты; предусматривать увлекательные занятия, которые стимулируют мыслительные способности учащихся; давать возможность для учащихся использовать имеющиеся у них знания и навыки.

2. Подходящие материалы должны быть систематизированными и доступными для понимания, но достаточно гибкими, чтобы позволить работать творчески.

3. Материалы должны отражать природу языка и взгляд преподавателя на учебный процесс.

4. Материалы должны раскрывать содержание обучения, создавая баланс между сложностью задач и реальными перспективами их реализации.

5. Материалы должны стимулировать преподавателя для использования обновленных методов обучения.

6. Материалы должны обеспечивать надлежащее и правильное представление об использовании языка.

Следующим организационно-педагогическим условием для развития общепрофессионального умения работать с информацией у будущих журналистов считаем включение студента в коммуникативную деятельность, в процессе которой

развивается умение работать с информацией. Коммуникативная компетентность включает теоретическую и практическую составляющие.

Теоретическая готовность к коммуникативной деятельности заключается в способности понимать и воспроизводить речевые формы в различных жанрах, понимать правила их использования в профессиональных ситуациях речевого общения.

Практическая готовность к работе с информацией на основе иноязычного обучения представляет собой общепрофессиональное умение, имеющее коммуникативную направленность и обеспечивающее эффективность работы с информацией.

Коммуникативная направленность умения работать с информацией предполагает знание правил, умение правильно их использовать в ситуациях речевого общения.

И, наконец, последним из организационно-педагогических условий является развитие общепрофессионального умения работать с информацией на основе компетентностного и интегративно-деятельностного подходов.

Интегративно-деятельностный подход обеспечивает интеграцию иноязычных умений с профессионально-коммуникативной деятельностью для выражения и обоснования личной точки зрения, убеждения собеседника в чем-либо и т.д.

Компетентностный подход предполагает иноязычную профессионально-коммуникативную практику, выделение значимого материала для профессионального роста, взаимосвязь теоретических знаний с практической деятельностью.

Выводы. Итак, основными организационно-педагогическими условиями для эффективного развития общепрофессионального умения работать с информацией у будущих журналистов в процессе иноязычного обучения являются: 1) формирование положительной мотивации к развитию умения работать с информацией средствами иностранного языка; 2) выявление потенциала иностранного языка для развития умения работать с информацией; 3) включение студента в коммуникативную деятельность, в процессе которой развивается умение работать с информацией; 4) развитие общепрофессионального умения работать с информацией на основе компетентностного и интегративно-деятельностного подходов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сергеева Е.В., Чандра М.Ю. Организационно-педагогические условия реализации мониторинга качества освоения обучающимися основных образовательных программ вуза // *Фундаментальные исследования*. – 2013. – № 10-4. – С. 870-874. – URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=32419> (дата обращения: 22.12.2021).
2. Солуянова И.В. Развитие общепрофессионального умения работать с информацией в иноязычном обучении студентов нелингвистических: автореф. дис. ... канд. пед. наук: спец. 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования» / О. Н. Солуянова. - Пермь, 2014. – 26 с.
3. Андрухив Л.В. Формирование у будущих экономистов умения работать с информацией: автореф. дис. ... канд. пед. наук: спец. 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования» / Л. В. Андрухив. – Ставрополь, 2008. – 24 с.
4. Митрахович О.А. Формирование у старшеклассников умения работы с информацией: дис. ... канд. пед. наук: спец. 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» / О.А. Митрахович. – Москва, 2012. – 301 с.
5. Кузьмина Н. А. Теория и практика формирования профессионально ориентированных умений студентов в образовательном процессе железнодорожного вуза: ООО «Бук», 2018
6. Hutchinson T., Waters A. *English for Specific Purposes: A learning centred approach*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 183 p.

Поступила в редакцию 20.01.2022 г.

ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE EFFICIENCY OF THE DEVELOPMENT OF THE GENERAL PROFESSIONAL ABILITY TO WORK WITH INFORMATION IN FOREIGN LANGUAGE TRAINING OF FUTURE JOURNALISTS

T.A. Sirota

The article describes the organizational and pedagogical conditions for the effectiveness of the development of the general professional ability to work with information in a foreign language among future journalists. The author proposes general and special organizational and pedagogical conditions. General conditions are associated with the formation of general professional skills in the context of professional training. Special conditions are associated with the development of skills based on a foreign language.

Key words: organizational and pedagogical conditions, work with information, foreign language teaching, journalists.

Сирота Татьяна Анатольевна,
Старший преподаватель кафедры английского языка для естественных и гуманитарных специальностей ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, ДНР.
E-mail: ansir2911@gmail.com

Sirota Tatyana Anatolievna,
Senior Lecturer at the Department of English for Science and Humanities, Donetsk National University, Donetsk, DPR..
E-mail: ansir2911@gmail.com

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» принимаются не опубликованные ранее научные работы, содержащие новые результаты исследований в области истории, философии, педагогики. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительна, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статьи авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректурa статей авторам не высылаётся.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре (на русском или английском языках), напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать 15 000 – 20 000 знаков, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с рукописью на адрес редколлегии (elena_andrienko8@mail.ru) высылаётся во вложении полный текст статьи (в формате WORD, Office 97-2010). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылаётся во вложении полный текст статьи в формате pdf.

Основной текст статьи — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

Текст набирается без автоматической расстановки переносов.

Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

Абзацный отступ — 1 см.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей структурной схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (без точки), (три пробела), инициалы и фамилия авторов: полужирный, курсив, выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсивом).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи

проведенного исследования, а также его основные результаты. *Ключевые слова* (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016. А. В. Петров

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю.

Образец

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Наука, 1990. – С. 5–33.

2. Белозерова Е. В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е. В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : // genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).
4. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М. : Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится текст на английском языке (10 кегль):

○ название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),

○ инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),

○ аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

Образец.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION ‘UNDER’ IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора отдельная таблица):

- Фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты каждого автора.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

<p>Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>	<p>Petrov Alexandr Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>
---	---

4. Отдельным файлом подаются сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, учёная степень, учёное звание, место работы, должность, почтовый адрес, телефон, E-mail) – для авторской картотеки «Вестника».

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом

фамилия и инициалы автора набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт).

Образец

Петров А.В. Глагольные конструкции с предлогом под со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

83001, г. Донецк, пр. Гурова, 14, Кафедра философии (ауд. 509, 510).

Ответственный редактор: **Андрienко Елена Владимировна**, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии Донецкого национального университета (E-mail: elena_andrienko8@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Разумный Виталий Витальевич**, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории ДонНУ (E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Б. Гуманитарные науки

Научный журнал

2022. – № 1

На русском и английском языках

Технический редактор: *М.В. Фоменко*

Свидетельство о регистрации СМИ № 000076 от 21.11.2016 г.

Подписано в печать .
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 15,2
Тираж 100 экз. Заказ № .

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.